

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 17 АПРЕЛЬ 1982

Таджикская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 143,1 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.

НАСЕЛЕНИЕ — 4 МИЛЛИОНА 119 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК
НА 1 ЯНВАРЯ 1982 ГОДА.

НАСЕЛЕНИЕ ДУШАНБЕ — 519 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

ЗА 1940—1980 ГОДЫ УВЕЛИЧИЛОСЬ В 18 РАЗ.

**ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ПРОДУКЦИИ** — В 4,4 РАЗА.

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — В 219 РАЗ.

МОГУЧАЯ СИЛА БРАТСТВА

М. АСИМОВ,
президент Академии наук
Таджикской ССР

Так счастливо сложилась моя судьба, что еще совсем молодым я встретился с человеком, имя которого очень дорого моему народу,—с основоположником таджикской советской литературы устом Айни, будущим первым президентом Академии наук Таджикистана. Тогда я был рабфаковцем. Помню, он спросил меня: «Кем ты хочешь стать?» «Физиком». «Правильно. Нам физики очень нужны,—а потом добавил:—Учи русский, овладей русским языком, это ключ от двери, за которой лежат сокровища знаний». Конечно, я тогда не думал о том, что стану через много лет его преемником на посту, который доверили мне коллеги-ученые. И наряду с физикой буду заниматься философией, историей нашей культуры.

Для того, чтобы по достоинству оценить настоящее, необходимо оглянуться на прошлое. И я ловлю себя на том, что проделываю это сейчас все чаще, еду ли в отдаленный кишлак по Памирскому тракту, лечу ли самолетом над Вахшской долиной, над зеленеющими хлопковыми плантациями, над сетью ирригационных систем. И когда я вспоминаю прошлое своего народа, постоянно возвращаюсь

к мысли: ведь всего немногим более полувека назад ни на одной карте не было такого слова — «Таджикистан». Один из древнейших народов, внесший большой вклад в сокровищницу мировой культуры, несколько веков не имел своей государственности. До Великой Октябрьской социалистической революции трудно было представить себе дальнейшую судьбу таджиков. Как сложилась бы она? Поэтому когда мы говорим о нашей судьбе, понимаем, что родились под счастливой звездой, оказавшись в русле революционного движения, происходившего в России.

Великий Октябрь снял все препятствия на пути сближения народов, уничтожил социальный, экономический и духовный гнет. И когда мы вошли в добровольный союз наций, началось подлинное возрождение моего народа. А на карте мира появилась Таджикская Советская Социалистическая Республика.

Однако старый мир не хотел уйти добровольно. Басмачество, поддерживаемое англичанами, наносило тяжелый урон. Но подобно тому, как ничто не может удержать прихода весны, нельзя было удержать и наш народ, увидевший брезжащий свет освобождения и новой жизни. И сейчас я задаю себе вопрос: «Могли бы мы победить, если бы с самого начала не почувствовали твердое плечо русского брата, других наших народов?» Нет!

Как строили мы свою новую жизнь? Это

Окончание на стр. 13.

была настоящая битва на всех фронтах. Борьба с голодом — разве не фронт? Земельно-водная реформа, обеспечение дехкан землей, ликвидация неграмотности... Создание системы народного образования, борьба с болезнями. А болезни были страшные: малярия, тиф, возвратный тиф — они уносили тысячи жизней. Потребовалось создание системы здравоохранения, которой, по сути, не было. Парадоксально, но факт: хотя великий Ибн-Сина стоит у истоков современной медицины, научные труды гениального ученого, как и

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 17 (2858)

24 АПРЕЛЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

ЖИВЫ ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА!

Все советские люди поддержали призыв передовых коллективов Москвы провести 17 апреля Всесоюзный коммунистический субботник, посвященный 112-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В едином трудовом порыве вышли в этот день на ударную трудовую вахту в городах и селах и стар и млад. И, конечно же, в этих славных рядах были и миллионы москвичей — дети и внуки инициаторов памятного начинания в депо Москва-Сортировочная, которое Владимир Ильич прозорливо назвал Великим почином. Среди них и коллектив прославленного завода «Серп и Молот». (На снимке — секретарь

парткома сталепроволочного цеха В. А. Елютин и слесарь С. А. Шадрин во время субботника.) Сотни тысяч москвичей приняли участие в благоустройстве столичных улиц, дворов, скверов и парков.

Как всегда, через некоторое время после Всесоюзной «красной субботы» мы узнаем, что сделано страной в день трудового праздника. Известно, что заработанные средства эти, как и прежде, пойдут на строительство больниц, детских садов, школ, учреждений культуры. Все это — во имя мира, на благо людей.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

НАГРАДА ГОРОДУ СОЧИ

За большую и самоотверженную работу трудящихся города по лечению и восстановлению здоровья воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Сочи удостоен ордена Отечественной войны I степени. Здесь состоялось торжественное заседание, посвященное вручению высокой награды.

На заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. От имени ЦК КПСС, Советского правительства, товарища Л. И. Брежнева он сердечно поздравил тружеников Сочи и Краснодарского края с наградой Родины.

Министр обороны огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Сочи орденом Отечественной войны I степени и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

На заседании выступили первый секретарь Сочинского горкома КПСС В. Ф. Гавриленко, летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов, первый секретарь Новороссийского горкома КПСС Ю. Д. Журкин, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, передовики производства, ветераны войны и труда.

Во время вручения награды.

Телефото Н. Малышева и И. Григорова (ТАСС)

Навстречу выборам в Советы народных депутатов

ВЕСЬ НА ВИДУ...

Трамвайное депо на Лукьяновке — одно из старейших киевских предприятий. Еще в конце прошлого века из его ворот по жиденьким рельсам выехал первый вагон, в который были впряжены... лошади. Но в Киеве, раскинувшись на приднепровских кручах, с его горбатыми улицами конка не прижилась, живого «двигателя» мощностью в одну или даже две лошадиных силы явно не хватало. И уже через год из этих же ворот, оповещая о своем рождении электрическим звоном, выкатился первый во всей России и второй в Европе трамвай.

С тех пор прошло девяносто лет. Раз в десять вырос город, под землей появилось метро, по широким улицам побежали сотни троллейбусов и автобусов, но трамвай живет, на триста километров протянулись его рельсовые пути, построены новые депо. Коллектив старейшего из них, носящего ныне имя Владимира Ильича Ленина, отлично трудится, принимает живое участие в делах своего района и города. Вот и сейчас, в пору подготовки к выборам в местные Советы народных депутатов, здесь, в депо, на стыке смен собрались в заготовительном цехе слесари и электрики, вагоновожаты, техники, контролеры.

Собрание открыл секретарь парторганизации депо Григорий Ализарович Ермоленко.

— Мы должны назвать кандидатов в депутаты нашего Шевченковского районного Совета, — сказал он, — назвать лучших, кого хорошо знаем и уважаем, кому доверяем, как самим себе.

Первым выступил слесарь Владимир Гончаренко.

— У нас много достойных, но лучшая кандидатура, я думаю, — Володя Гордиенко... — И тут же, почувствовав торжественность обстановки, поправился: — Владимир Петрович...

Он хотел еще что-то сказать, но тут все дружно захолопало, одобряя его предложение. Выступающий засмущался и закончил так:

— Да что объяснять, сами знаете — он весь на виду.

И действительно, Владимир Гордиенко весь на виду, как сказал выступающий. Он родился и вырос в Киеве, в рабочей семье. Окончил

восьмилетку и ГПТУ, получил специальность токаря и пришел работать в депо. Отсюда его провожали в армию, сюда же возвратился после службы.

Заместитель начальника заготовительного участка Владимир Иванович Паламарчук, которого выбрали доверенным лицом кандидата в депутаты, так охарактеризовал Владимира:

— Он не умеет кривить душой, его уважают за то, что требовательный не только к товарищам, но прежде всего к себе. Гордиенко всегда скажет правду в глаза, даже если она и не очень приятная, но зато и поможет и посоветует. Немного, всего три года, как вернулся он из армии, а успел за это время стать токарем-универсалом. Ему можно поручить любое задание. В свои двадцать два года отлично освоил не только токарный, но и фрезерный и строгальный станки. А у нас, знаете, прежде всего судят о человеке по тому, как он работает, как относится к делу. Но круг интересов Владимира Гордиенко не замыкается его профессией. Он активный общественник, ведет большую комсомольскую работу. На глазах растет человек, и кому, как не ему, представлять рабочий коллектив в районном Совете народных депутатов.

По традиции трамвайщики выдвигают двух кандидатов в депутаты Шевченковского райсовета Киева. Выступая на этом собрании, старший инженер техотдела Тадеуш Людвигович Рай предложил кандидатуру Нины Николаевны Калининской, которая уже в нынешнем созыве районного Совета представляет их коллектив.

Нину Николаевну тоже хорошо знают товарищи, и не только по работе в депо, но и по ее депутатским делам. И хоть нет ей и тридцати, человек она опытный, надежный. После окончания курсов пять лет работала вагоновожатой, повышала свою классность, трудилась на маршрутах, требующих высокого профессионализма. Успела потрудиться и в ремонтном цехе, вела комсомольскую работу. Сейчас Нина Николаевна без отрыва от производства учится в техникуме электротранспорта, заканчивает четвертый курс. Руководство депо сочло возможным назначить

ее техником-технологом ОТК еще до того, как она получит диплом. И Калининская отлично справляется с новой работой.

Избранный ее доверенным лицом, начальник ОТК Владимир Александрович Дидковский говорит:

— Второй раз мы предлагаем Калининну в районный Совет, потому что к своим депутатским обязанностям она относится с душой. В этом деле ее, как и в основной работе, отличает обязательность, высокое чувство долга. Она председатель депутатской комиссии по работе с детьми, много занималась

Домом пионеров, устройством летнего отдыха и учебы детишек.

На собрании разговор шел свободный, раскованный, как будто одна большая семья обсуждала близкие и каждому понятные дела. Выступавшие — одни выходили к председательскому столу, другие говорили прямо с места — были единодушны: товарищи, выдвинутые кандидатами в народные депутаты, оправдают доверие коллектива, с честью будут нести звание народных избранников.

С. КАЛИНИЧЕВ,
сборка «Огонька»

Киев. На предвыборном собрании рабочих трамвайного депо имени Владимира Ильича Ленина кандидатами в депутаты Шевченковского райсовета выдвинуты техник ОТК Н. Н. Калининская и токарь В. П. Гордиенко.

Фото Н. Козловского

КАЗАХСТАН В ГОСТЯХ У РОССИИ

Радостное время творческого расцвета, подъема во всех областях труда и культурной жизни переживает братский Казахстан...

В Большом театре Союза ССР 14 апреля состоялось торжественное открытие Дней литературы и искусства Казахской ССР в РСФСР. Дни проходят в России под знаком той великой дружбы, которая связывает оба народа уже два с половиной столетия, после того, как Казахстан добровольно присоединился к русской земле. Подлинно неразрывными стали сердечные связи двух народов со времени Великого Октября. Вместе с русскими воинами плечом к плечу стояли насмерть в боях против гитлеровских полчищ тысячи и тысячи казахов; подвиг героев-панфиловцев, подвиг солдат — сынов Казахстана и их русских братьев воспет в опере Газизы Жубановой «Двадцать восемь»...

Сегодня трудно даже поверить, что не было у казахов до Октябрьской революции своей письменности, а не только театра, профессиональной музыки, балета, живописи. Развитие казахской социалистической культуры ныне идет семимильными шагами. Всенародный подвиг — целинная эпопея получила широкое отражение в искусстве; по книге Л. И. Брежнева «Целина» шестисерийная лента сделана Казахтеатром.

На торжественном открытии Дней литературы и искусства Казахской ССР в РСФСР присутст-

вовали товарищи П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжелников, делегация Казахской ССР во главе с Председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Н. Иماشевым.

От имени трудящихся Российской Федерации посланцев братской республики сердечно приветствовал заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов.

В ответном слове Ш. Ж. Жаныбеков, заместитель Председателя Совета Министров Казахской ССР, от имени трудящихся Казахстана выразил искреннюю признательность Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству, Леониду Ильичу Брежневу за отеческую заботу о всестороннем развитии экономики и культуры.

В Большом театре состоялся торжественный концерт.

Дни Казахстана в РСФСР проходят как прекрасное явление нерушимой дружбы, как обоюдный праздник и как смотр достижений народов, навеки сплоченных великими идеями нерушимого советского ленинского братства.

На снимке: открытие дней Казахстана в Большом театре Союза ССР.

Фото Г. Попова и С. Магзумова (ТАСС)

Евгений КОРШУНОВ

Весна в Ливане в этом году поздняя. Еще совсем недавно грохотали зимние грозы и тяжелые тучи обрушивали на ливанскую землю сплошные потоки воды, на горных перевалах шел снег, и то и дело их закрывал густой липкий туман. Но уже задувают первые «хамсины», горячие ветры, приносящие из Аравии тончайшую пыль, серой пеленой заволакивающую небо. Уже всю цветут сады — яблони, апельсины, лимоны, миндаль.

Ливанцы, те, кто посостоятельнее, упаковывают чемоданы. Нет, не любознательность, не тяга к развлечениям гонят их сегодня из Ливана в Европу или в Америку, заставляют покидать «последний уголок рая на земле», как до сих пор именуется Ливан в проспектах туристических фирм. Их гонит тревога.

Да, настроение сегодня у ливанцев далеко не радостно-веселее. Те, кто не может покинуть страну, с тревогой слушают сводки последних известий, каждые полчаса передаваемые местными радиостанциями. Газеты расхватываются мгновенно, многие берут по несколько разных изданий — ливанских, палестинских, либеральных, левых, правых... Их внимательно читают, высказывают между строк нюансы, намеки, тенденции — все, на основании чего можно сделать выводы о возможном ходе дальнейших событий в стране.

— Мы все время ожидаем израильской агрессии, — говорит подполковник Биляль, командующий Объединенными вооруженными силами Национально-патриотического движения Сопrotивления на западном участке фронта, протянувшегося сегодня через весь Южный Ливан — от побережья Средиземного моря до сирийской границы. Позиции НПС — ПДС отстоят от израильской границы всего на несколько километров. Между ними и Израилем тянется анклав право христианских раскольников бывшего майора ливанской армии Саада Хаддада, ставленника и холуя Тель-Авива. А между анклавом и позициями НПС — ПДС — позиции «голубых касок», специальных сил ООН в Южном Ливане.

С подполковником Билялем мы беседуем в штабе западного участка фронта. Где-то гулко ухает. Это израильские «фантомы» бегут звуковые барьеры над городом Тиром, центром НПС — ПДС на западном участке фронта.

— Тель-Авив сконцентрировал в анклав значительные силы, — говорит командующий. — Танковые дивизии, тяжелую артиллерию, мотопехоту. От израильской границы через анклав протянуты в нашем направлении военные дороги. Построены новые артиллерийские и танковые позиции, склады боеприпасов и снаряжения, казармы. Происходит переброска войск, совершаются угрожающие маневры. Словом, ведется подготовка к агрессии.

Подполковник Биляль говорит об этом по-деловому, спокойно, как о чем-то совершенно обычном, обыденном. Это и неудивительно, за его плечами большой политический и боевой опыт.

— Готовящаяся израильская агрессия, вторжение в Ливан с целью разгрома Объединенных сил НПС — ПДС, — продолжает он, — логическое развитие политики Тель-Авива. Мощное мартовско-апрельское восстание населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа против израильских оккупантов, которое продолжается в тех или иных формах и до сих пор, нанесло сокрушительный удар по политике Кэмп-Дэвида, по планам так называемой «палестинской автономии». И теперь Тель-Авив задается вопросом: как ему сегодня продолжать эту политику, как оживить ее и вывести из тупика? Средством для этого он считает полный разгром Организации освобождения Палестины с тем, чтобы обезглавить Палестинское движение Сопrotивления. Вот почему Тель-Авив и планирует сегодня нападение на Ливан, где находятся руководящие центры ООП, палестинские вооруженные силы.

В своих агрессивных планах Тель-Авив по-прежнему опирается на полную и всестороннюю поддержку США — политическую, военную, экономическую. Рассчитывает он и на поддержку стран НАТО.

Как известно, в июле прошлого года при помощи ООН было достигнуто соглашение о прекращении огня между нашими Объединенными силами и Израилем. Мы строго придерживаемся этого соглашения, в то время как Израиль за последние восемь месяцев нарушил его в Южном Ливане 193 раза. Лишь в последние дни израильские десантники и наемники Хаддада несколько раз совершали нападения на ливанские деревни, похищали и убивали их жителей, взрывали дома. Хаддад имеет от Тель-Авива поручение: во что бы то ни стало спровоцировать наши ответные акции. Обстреливая наши позиции, право христианские раскольники рассчитывают, что мы откроем ответный огонь по их позициям в анклав. Вот тогда-то Тель-Авив и заявит, что он вынужден начать вторжение в Южный Ливан в целях «защиты» его гражданского населения. По поручению Тель-Авива Хаддад заявляет, что он не

ОЙДУТ!

допустит, чтобы дополнительные контингенты сил ООН заняли в промежуточной зоне новые позиции. Это и понятно, он боится, что дополнительные подразделения «голубых касок» и их новые позиции будут служить определенной помехой для его провокаций.

— Мы оцениваем сложившуюся ситуацию как крайне опасную, — заключает подполковник Биляль, — ожидаем израильскую агрессию в любой момент и принимаем самые серьезные меры для подготовки к ее отражению.

Готовится к израильской агрессии и гражданское население города Тира и прифронтовых районов.

— Да, положение очень серьезное, — такова оценка и Таана Муслимани, секретаря городского комитета организации коммунистов Тира, члена городского Национального совета — общественного органа, играющего важную роль в организации населения на решение его важнейших жизненных проблем, обеспечение его первейших нужд. — Паники среди населения нет. Жители Тира и его окрестностей не намерены покинуть город и уйти на север, как это бывало в таких ситуациях до июля 1981 года. Они готовы к сопротивлению. Однако в отличие от прошлых лет в нынешней ситуации есть новые тревожные элементы. Для того, чтобы постоянно поддерживать в Южном Ливане напряженность, Тель-Авив стал широко использо-

вать свою агентуру, засылаемую через анклав Хаддада. Эта агентура, вербуемая среди правых раскольников, провоцирует в Южном Ливане братоубийственную войну, стремится натравить шиитское население на Национально-патриотические силы и Палестинское движение Сопротивления. У нас есть прямые доказательства этого.

Встречи, о которых я рассказывал, лишь немногие из тех, которые были у меня в эти дни в Южном Ливане. Но то, что мне говорили подполковник Биляль и Таан Муслимани, создает достаточно полную картину положения, существующего сегодня на ливанском юге. С одной стороны, ожидание израильской агрессии и готовность дать ей отпор, а с другой — решимость не поддаваться запугиванию и провокациям Тель-Авива, продолжать нормальную трудовую жизнь и тем самым не допустить экономического удешевления южноливанских районов; сорвать планы сионистов, направленные на то, чтобы создать в этих районах обстановку психоза и заставить местных жителей покинуть родные края, чтобы потом, в ходе агрессии, колонизовать «ничейные земли».

И в Тире и на боевых позициях НПС — ПДС я видел плакаты с лозунгом «Не пройдут!». Это ответ на угрозу израильской агрессии.

Бейрут (по телефону).

В целях дестабилизации положения в Ливане израильская агентура совершает все новые террористические акты.

На снимке: на месте взрыва у одного из административных зданий Бейрута.

Фото АП — ТАСС

Артур Шлесинджер считается одним из столпов демократической партии США. Историк, писатель, политолог, он пользуется авторитетом в широких кругах американской общественности. Именно поэтому его мнение о сегодняшнем курсе Вашингтона, высказанное в интервью французскому журналу «Латитюд», приобретает особый интерес.

Рональда Рейгана, говорит Шлесинджер, избрали президентом не за его идеи, а потому, что никто больше не хотел слышать об администрации Картера. Однако политика нового президента, которая сводится в основном к тому, чтобы снизить налоги у богатых и урезать программы помощи бедным, уже вызывает и еще вызовет немало неприятностей.

По мнению Шлесинджера, нынешний президент США не интересуется внешней политикой, но

сколько десятков раз. Нагромождать атомное оружие мне кажется явно бесполезным».

А. Шлесинджер полагает, что в Соединенных Штатах зарождается антиатомное движение. В целом американцы предпочитают мир войне. Влезать в войну в том случае, если жизненные интересы Соединенных Штатов ни при чем, невозможно без серьезных последствий. В свое время американскую армию отправили во Вьетнам, где она воевала в течение многих лет. Известно, чем это кончилось.

Вообще линию США по отношению к «третьему миру», считает А. Шлесинджер, определяет сейчас «магия рынка». В стране распространено мнение, что за последние 40 лет Штаты потратили около 130 миллиардов долларов, чтобы в конечном счете обогатить местную олигархию в ущерб необходимым структурным реформам и социальным преобразованиям.

ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

позиция у него есть: надо быть сильным и уверенным в себе, диктовать другим, как им себя вести, не делать никаких «подарков» русским. Рейган, продолжает Шлесинджер, заставил администрацию говорить о Советском Союзе как об «агрессивной державе, стремящейся к завоеваниям».

На вопрос о стратегии правительства американский политический деятель отвечает так: «Мы должны были бы гораздо больше, чем раньше, настаивать на контроле за ядерным оружием. Если администрация Рейгана считает, что не может вести переговоры с СССР, не обладая неоспоримым преимуществом, то она ошибается. Русские не позволят ей этого добиться. Гонка вооружений представляет опасность для всего человечества. Каждая сторона, США и СССР, имеет возможность уничтожить другую не-

Рейган и Хейг склонны думать, продолжает А. Шлесинджер, будто все, что плохо в «третьем мире», вызвано советским вмешательством. У них неверное понимание истории. Если бы Советского Союза не было, все равно в Сальвадоре и Никарагуа начались бы гражданские войны, а на Ближнем Востоке возникла напряженность. Республиканская администрация видит «третий мир» неправильно, ибо смотрит на него через призму напряженных советско-американских отношений. Надеюсь, подчеркнул Артур Шлесинджер в интервью парижскому журналу, что политика Франции, ФРГ и других европейских стран окажет умеряющее влияние на эту линию.

Александр ИГНАТОВ,
соб. корр. АПН
Специально для «Огонька».

Париж.

ВО ИМЯ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Юрий ПОПОВ

Тридцатипятилетие со дня установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Индией было широко отмечено не только прессой и общественностью обеих стран, но и во многих других государствах мира. Это и понятно. В своей речи в Ташкенте Л. И. Брежнев подчеркнул значение крепнущего взаимного доверия между нашими двумя странами и народами, между их государственными деятелями для дела мира и безопасности. Он отметил, что в наши дни это огромный бесценный капитал, который в значительной мере укрепляет чувство безопасности у обеих сторон, создает большую зону мира и стабильности на азиатском континенте, позволяет Советскому Союзу и Индии успешно взаимодействовать на международной арене в делах сохранения и упрочения мира, развития мирного сотрудничества между народами.

Тридцать пять лет — срок, конечно, немалый. И нашим странам пришлось за это время пережить многое. Но можно сказать с полной уверенностью, что наши связи развивались с самых первых дней их установления по восходящей линии, по линии укрепления дружбы и сотрудничества в самых различных сферах жизни.

Мне довелось наблюдать это стремительное развитие наших отношений с Индией почти с самого начала, с той поры, когда Индия обрела независимость. Помню приезд в Советский Союз первых индийских дикторов для работы в редакции Московского радио, готовившей передачи для Индии и Юго-Восточной Азии. Они приехали летом и очень боялись наступления зимы — ведь будет так холодно. Но оказалось все не так страшно. Холодно не было. Многие из них до сих пор живут и работают в Москве, свободно владеют русским языком, а их дети говорят по-русски без всякого акцента.

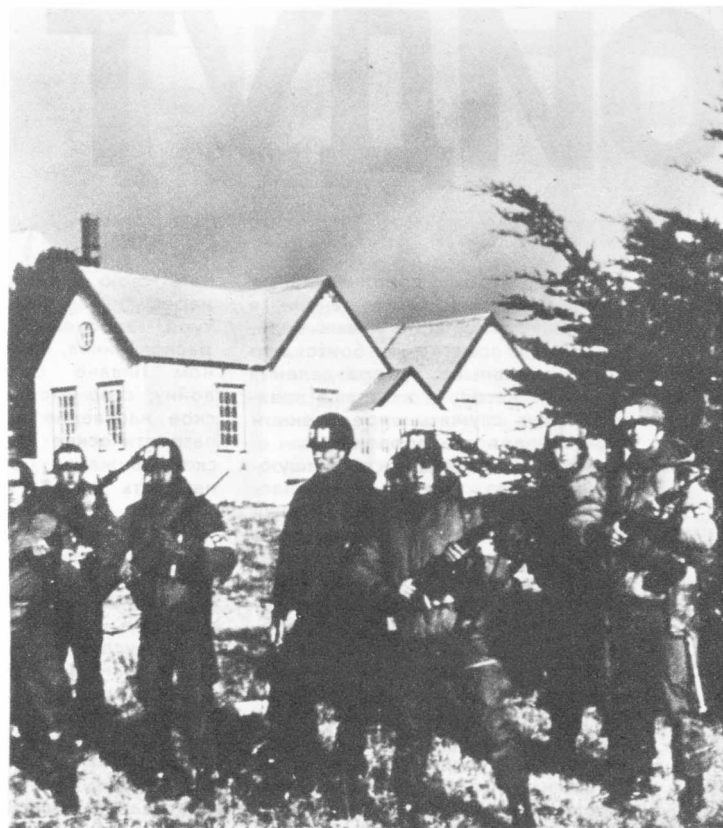
Помню свои поездки по Индии, первые стройки дружбы на индийской земле. В 1956 году пилот индийского самолета, совершавшего рейс из Калькутты в Бомбей, подошел к нам и, показав вниз, на землю, произнес это ставшее вскоре известным всем слово «Бхилаи». Тогда мы разглядели лишь неясные геометрические фигуры под нами, которые очерчивали размеры будущей стройки металлургического гиганта. Потом, спустя несколько лет, я фотографировал индийских сталеваров на этом заводе, обученных нашими мастерами и работавших уже самостоятельно. Жители Днепропетровска, Запорожья, Жданова и других городов помнят те времена, когда группы индийцев проходили практику на наших металлургических предприятиях. Потом в Индии была добыта первая нефть Анклешвара, было произведено первое шахтное оборудование для индийской горной промышленности, получены первые килограммы антибиотиков, собраны первые мощные электромоторы.

Короче говоря, плоды этого сотрудничества Индии и СССР таковы: предприятия государственного сектора Индии выпускают сейчас четыре пятых всего производимого в Индии металлургического оборудования, сталелитейные заводы выплавляют 40 процентов индийской стали. Государственные нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы производят свыше трети нефтепродуктов, на электростанциях, созданных совместными усилиями индийских и советских специалистов, вырабатывается 20 процентов электроэнергии от всего количества, производимого в Индии.

Примечательно, что развитые индустриальные страны Запада, которые тратят немало сил и средств на рекламу своей «помощи» развивающимся странам, предпочитают остаться в стороне, когда индийское правительство обратилось к ним с просьбой помочь в индустриализации страны. Премьер-министр Индии Индира Ганди, выступая на днях перед слушателями Индийского института средств массовой информации, отмечала, что Индия обращалась к США и западноевропейским странам за содействием в развитии металлургической и нефтяной промышленности. «Однако именно СССР помог нам создать металлургические предприятия и освоить нефтяные месторождения», — подчеркнула премьер-министр. Индира Ганди дала высокую оценку той помощи, которую предоставил Советский Союз Индии за годы ее независимости.

Да, наши страны и наши народы соединяют сегодня глубокие крепкие связи в сфере экономики, культуры, науки. Как отмечал Л. И. Брежнев в Ташкенте, наши народы не просто лучше узнали друг друга за эти годы, но и научились искренне уважать и ценить друг друга.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство, на котором основано наше сотрудничество, — это взаимное стремление обеих стран к созданию обстановки прочного мира и безопасности на нашей планете. Заботой об этом были проникнуты все статьи Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией, который был подписан в 1971 году. Он немало способствовал улучшению политического климата в Азии, он не ущемляет ничьих интересов и вместе с тем ставит препятствия на пути тех, кто хотел бы подчинить обширный азиатский континент своим гегемонистским планам, натравить одни азиатские страны на другие и изменить существующий здесь баланс сил в свою пользу. Прочные дружественные отношения между Индией и Советским Союзом, стабильно развивающиеся на основе этого Договора, имеют во всех областях ясную перспективу. Они играли и будут играть важную роль в поддержании международного мира и безопасности.

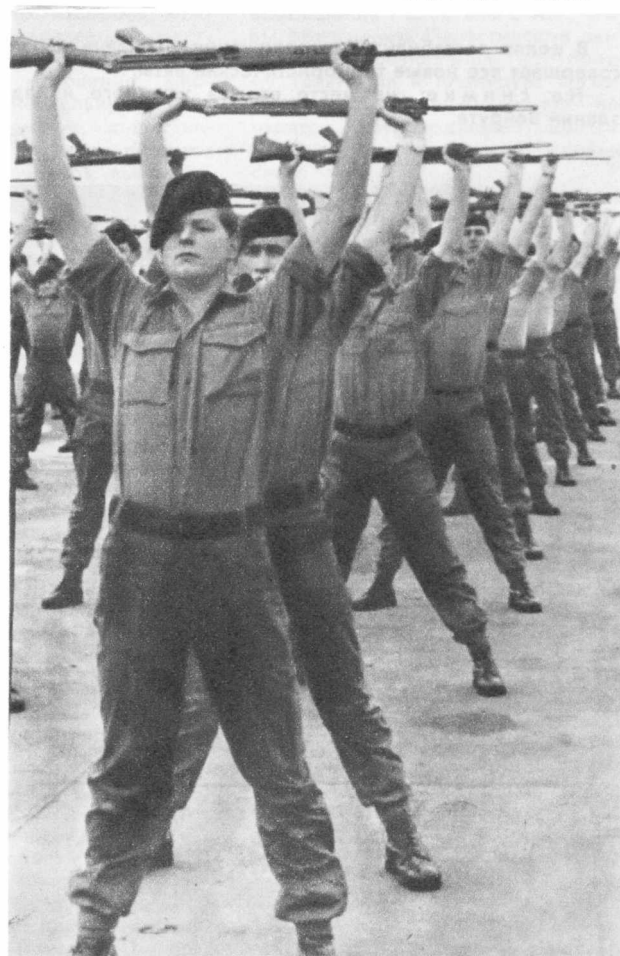

Аргентинские солдаты на Фолклендских островах.

ОСТРОВА

Подготовка британских морских пехотинцев на борту авианосца «Гермес».

Фото АП — ТАСС

У

меня включен приемник. Идет передача станции «Радио Лондона», во время которой слушатели могут звонить по телефону ведущему. Популярная передача. Знаменитый ведущий.

Его бархатистый, искрящийся весельем голос:

— Какие у нас сейчас важные проблемы? Две у нас проблемы. Во-первых, Бьорн Борг (известный шведский теннисист.— В. С.) не будет играть на Уимблдонском турнире. Во-вторых, в южной Атлантике мы можем начать войну с аргентинцами из-за Фолклендских островов. Это будет удивительная война. Я бы назвал ее телевизионной войной. Залпы ракет, взрывы торпед ворвутся к нам прямо в дом. Битва будет показана на наших телевизионных экранах в изумительных красках, если не со стереофоническим звуком. Не придаст ли это войне характер спектакля? Нет ли уже сейчас ощущения чего-то игрушечного, когда пресса, телевидение день и ночь рассказывают нам о походе эскадры в Южную Атлантику? Что вы думаете по этому поводу? Звоните мне по телефону номер...

Начинаются звонки. Лондонская домохозяйка:

— С войной мне все ясно. Но вот Бьорн Борг... Это возмутительно! Сам миллионер, а не хочет лишней раз махнуть ракеткой, чтобы собрать средства в фонд турнира. Вот тебе и великий спортсмен...

Теннисисту достается по первое число. Еще несколько звонков. Эти слушатели, напротив, поддерживают Борга и критикуют устроителей турнира. О войне ни слова. Наконец в эфир прорывается напряженный, почти злой голос. Мужчина, похоже, немолодой.

— А вам не кажется,— обращается он к ведущему,— что вы уже ответили на собственный вопрос?

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Поставили в один ряд возможное кровопролитие и теннис. Грядущую трагедию и околоспортивный скандалчик. Вы как раз из тех журналистов, кто подает серьезнейший международный кризис как игру в карлики и солдатики...

Ведущий — опытный профессионал. Не растерялся. Бросил что-то шутовское, включил рок-н-ролл погромче. Передача теннисным мячиком поскакала дальше...

Эти несколько минут в эфире дают довольно точное представление о сегодняшних настроениях англичан. События вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов приобретают все более угрожающий характер. Но обывателю действительно «с войной все ясно». Ему ясно, что этих «аргии» (аргентинцев) надо проучить. Хотя острова и у черта на куличках, но британский флаг должен снова взмыться над ними. Даже если для этого придется пожертвовать тысячей другой английских парней.

Такая «ясность» — результат военной истерии, которую закатывает сейчас правительственная пропаганда. Она играет на доске англичан былую партию Британии в мировых делах. Играет на их тревоге, что миллиарды фунтов стерлингов зря перекачиваются из социальных программ в военный бюджет. На подсознательном желании забыть о безработице, отвлечься от скачки цен на бензин, транспорт, жилье, продукты питания.

И вот оно — отвлечение. Вот удобный случай выстрелить той самой ракетой, которая стоила старикам урезанных пенсий, а школьникам — закрытых школ. Если бы кризиса в Южной Атлантике не было, правительству тори нужно было бы его изобрести. Иначе нечем оправдать перед избирателями свои экономические неудачи, в конечном счете собственное существование.

До конфликта каждый десятый трудоспособный англичанин числился безработным. Сегодня газета «Дейли телеграф» подбрасывает читателю другую статистику. Четверо из пяти англичан якобы рвутся вслед за госпожой Тэтчер. Шовинизм вроде бы поглотил социальное недовольство.

Отсюда воинственные кличи, оглашающие сейчас правительственный кабинет. Никаких переговоров с аргентинцами. Пусть сначала уберут свой гарнизон

с «наших» Фолклендов! Зона войны в радиусе двухсот миль вокруг островов! Британские подводные лодки будут стрелять первыми! Союзники по «Общему рынку», задушим Аргентину экономической блокадой!

Военная авантюра в Южной Атлантике — это тяжелый удар и по собственной британской экономике. Это также напоминание о прошлом, которого стыдятся немало англичан. «Наше присутствие на Фолклендских островах основано на вторжении», — заявил парламентарий-лейборист Алекс Лайон. — С тех пор прошло 150 лет, но агрессия осталась агрессией».

Депутат имел в виду захват Англией островов у Аргентины в 1833 году. Но тот же термин подходит и для определения военной блокады Фолклендов в апреле 1982 года.

Если же говорить точнее, британский колониализм остался колониализмом. Именно отказ Лондона в течение двух десятилетий выполнить решения Генеральной Ассамблеи ООН по деколонизации — а там есть прямое упоминание о Фолклендах — и привел сегодня к тому, что старая рана в англо-аргентинских отношениях раскрылась вновь.

Как могут развиваться события дальше? Здешные обозреватели настроены на вооруженное столкновение. Газеты пестрят сопоставлениями военной мощи противников. Пишут, например, что английская эскадра значительно превосходит весь аргентинский флот. Дело, конечно, не только в военной мощи. Зремя работает против английской эскадры, оторванной от баз снабжения. По расчетам специалистов лондонского Международного института стратегических исследований, блокада Фолклендов не может продолжаться более двух месяцев. Кроме того, в тесных трюмах английских судов находится около четырех тысяч морских пехотинцев. Если десант не будет выброшен в первые две недели, его боеспособность начнет стремительно падать.

Мрачные выкладки. С азартом занимаясь воинственными прогнозами, здешные газеты упускают из виду опаснейшие последствия такого конфликта для безопасности многих стран, и прежде всего Южной и Центральной Америки. Или, напротив, это и составляет цель военных и дипломатических маневров Запада?

— Ол, привет, Ол... Я изучил твои телеграммы... Похоже, идея многонациональных сил не проходит. Есть ли у тебя какие-нибудь другие варианты? Перехожу на прием.

Это радиоперехват разговора президента Р. Рейгана с государственным секретарем США Александром («Олом») Хейгом, который в течение двух недель совершал челночные полеты между Лондоном и Буэнос-Айресом. Текст перехвата добыл американский обозреватель Джек Андерсон.

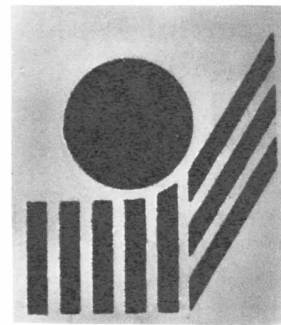
Содержание секретных разговоров подтверждает подозрение, что «честный посредник» не очень озабочен достижением подлинного политического урегулирования. Скорее, его задача в интернационализации конфликта. Под предлогом фолклендского кризиса Хейг хочет создать ударный кулак «международных сил», направленный против процесса социального обновления латиноамериканского континента. Похоже, не Аргентина, а Куба, Гренада, Никарагуа возглавляют список возможных жертв этих замыслов.

У госсекретаря США есть и «другие варианты». Какие? После вопроса президента в стенограмме идет пометка: 13 секунд тишины. Что ответил Хейг, неизвестно. Но не эта ли тайна просматривается сегодня за сообщениями о том, что Чили закрыла границу с Аргентиной и направляет свой флот на юг? Не с этой ли зловещей тишиной связано возрождение идеи так называемого Южноатлантического блока (САТО) с участием Южно-Африканской республики?

Конфликт в океане требует бдительности всех, кто не склонен путать войну с партией в теннис.

Владимир СИМОНОВ,
сб. корр. АПН. Специально для «Огонька»

Лондон (по телефону).

НЕОЖИДАННОСТЬ ЗА НЕОЖИДАННОСТЬЮ

Когда этот репортаж, написанный после трех стартовых туров чемпионата мира и Европы по хоккею, попадет на глаза читателя «Огонька», многое уже будет известно. Возможно, даже определится новый чемпион континента. Но пока можно сказать лишь одно: такого большого количества неожиданностей в начале столь престижного турнира я, например, не помню, хотя за четверть века довелось освещать 16 мировых и европейских первенств и два олимпийских турнира.

Посудите сами, в первый же день сборная ЧССР — один из фаворитов чемпионата — проиграла 2:4 команде ФРГ, которой, как полагают, не просто будет даже сохранить свое представительство в высшей лиге мирового хоккея. А на следующий день чехословацкие хоккеисты разгромили 6:2 канадцев, в рядах которых находятся такие звезды НХЛ, как Гретцки, Гейни, Барбер, Кларк, Ситтлер, и другие. А разве не сенсация ничья 3:3 в поединке канадских суперпрофессионалов со сборной Швеции, собранной на этот раз лишь из одних хоккеистов-любителей?

После трех туров вторые и третьи места делили хоккеисты ФРГ и Финляндии, сборные Чехословакии и Италии занимали 6—7-е места, а замыкали турнирную таблицу олимпийские чемпионы — американцы, проигравшие все три матча.

Только чемпионы мира, хоккеисты СССР, как им и положено по титулу, стартовали солидно и победили во всех трех встречах. Хотя, скажем прямо, успехи давались им не так легко. На стартовой встрече с итальянцами Виктор Шалимов открыл счет лишь на 30-й минуте (кстати, именно Шалимов забил первый гол и на прошлом чемпионате мира в Швеции и тоже в состязании с тогдашним новичком высшей лиги — сборной Голландии). В матче со шведами перелом наступил лишь во второй половине игры, а в состязании с хоккеистами ЧССР нашим ребятам пришлось отыгрываться, когда счет был 3:1 в пользу соперников. Что-то не припомню, чтобы Третьяк в матчах чемпионата мира за короткое время пропустил три гола подряд, но чемпионы мира не пали духом, прибавили в скорости, точности бросков по воротам, защитник Бабинов и дебютант мировых первенств Коженинов еще до второго перерыва сравняли счет, а в заключительной двадцатиминутке другой дебютант — Ларионов и Шепелев вывели нашу команду вперед. В этой перестрелке Третьяк играл великолепно, и все старания соперников отыграться ни к чему не привели.

Старт получился у нашей команды солидный, однако не будем топтаться с выводами. Ведь впереди еще много матчей.

В. ДВОРЦОВ,
спец. корр. ТАСС
для «Огонька»

ЛЕГКАЯ КИСТЬ ФРАГОНАРА

Александр БАСМАНОВ

Жан Оноре Фрагонар, человек из числа первых живописцев французского королевства, был типа сангвинического, упругий телом, как резиновый шар, с круглым, быстрым и нервным лицом, с сильными икрами, которые казались особо рельефными в жемчужном отливе чулок. Фрагонар любил жемчужные, испода морской раковины, быстро меняющиеся оттенки: алый, лимонный и пепельный. Он любил еще блеск, и оттого самой замечательной для него тканью был атлас. В случайно сохранившемся письме современник зафиксировал, что видел Фрагонара в мышинном шелковом камзоле, в желтом шейном платке и сюртуке с фарфоровыми пуговицами. Была еще на художнике пунцового фетра треугольная шляпа.

Тот, кто так подробно сообщил нам гардероб Фрагонара, служил секретарь-писарем барона де Сен-Жюльена, и встречались они с живописцем по поводу заказа на картину, что висит теперь в лондонской коллекции Уоллеса под названием «Счастливые случайности качания на качелях». История создания ее примечательна и очень типична для нравов XVIII столетия.

Некий Дуайен, исторический живописец и автор больших церковных картин, рассказывал, что однажды богатый де Сен-Жюльен послал за ним, чтобы заказать картину. Он встретил художника в своей холостяцкой квартире, где находился тем часом наедине с возлюбленной. Барон начал с любезностей и похвал, кончил же, сообщив, что мечтает об оригинальном сюжете. «Я желал бы, чтобы вы изобразили мадам (он указал на свою любовницу) на качелях, которые раскачивает епископ. А меня вы поместите таким образом, чтобы мне были видны ноги этого прелестного создания; и чем более вы захотите внести веселости в произведение, тем будет лучше». «Признаюсь, — вспоминал Дуайен, — что это предложение, которого я никак не должен был ожидать ввиду мотива, лежащего в его основе, меня смутило и заставило буквально оцепенеть. Я, однако, справился достаточно быстро, чтобы ответить почти сразу: «Ах, мсье, надо добавить к вашему замыслу туфельки мадам, взлетевшие на воздух и подхваченные амурами». Но так как я был весьма далек от желания писать на подобный сюжет, столь противоположный жанру, в котором я работаю, я направил этого господина к мсье Фрагонару, который принял заказ и сейчас занят созданием этого странного произведения...»

«Счастливые случайности качания на качелях» — теперь хрестоматийны, без них не обходится ни один учебник или альбом по искусству позапрошлого века, и происходит это не только от необходимого соблюдения формальной программы, понимания того, что невероятное для нас вовсе не было невероятным для людей времен рокайля, но и от объективной прелести, гармоничности и красоты самой картины.

Вот она какая. Сразу вслед за рамой, в широкий кант по всему периметру изображена густая зелень запущенного сада; на переднем плане справа — старый узловатый ствол и буйное плетение ветвей с солнечными бликующими просветами, на земле — мелко выписанные цветы и травы. От синего почти края цвет переходит к густому зеленому, к золотистому и, наконец, к голубому небесному, каскадами стремясь к композиционному ядру — пышному и сложному силуэту розового платья молодой дамы; оно вздувается и разлетается от движения качелей. Это пятно сияет переливами светлыми и густыми, в свою очередь, завершаясь классическим центром — красной полоской подушки, на которой изображено «прелестное создание», та, в чьих глазах и улыбке мелькает выражение испуга и озорства.

«Качели» — взлет фантазии, техники Фрагонара и вместе с тем сочинение вызывающее, до такой степени легкомысленное, что даже «не удостаивает быть умным». Его автор, любитель перламутра, сам признавался, что хотел тут поспорить с природой и создать нечто очень похожее на отворенную раковину с лежащей посреди омытой жемчужинкой — то есть создать предмет настолько же красивый, насколько и бессмысленный. Год появления на свет «Качелей», 1766-й, — полный расцвет славы тридцатичетырехлетнего Фрагонара: именно отсюда мы обернемся назад, чтобы осветить прихотливые пути его жизни. Сын перчаточника и младший подручный квартального нотариуса, он с отрочества решил самолично перевернуть свою судьбу и сделаться живописцем; да отчего не сделаться им, ведь на рисунке изведена в дому всякая бумага, и, кто знает, не этот ли способ лучший для заработка?

Трудно представить себе что-нибудь более несопоставимое, чем учителя Фрагонара. Один — само воплощение чувственности и кокетства, фаворит маркизы Помпадур, живописец, чья кисть сочиняла повести, в которых элегантно падали пили из драгоценных кубков вино и, предаваясь радостям любви, слагали стихи. — Франсуа Буше; другой — не искавший почестей, внешнего блеска, живший простым ремесленником и провозглашавший, что «при помощи сочетаний цвета можно создать шедевр, изображая глиняный горшок», — великий Симеон Шарден.

Итак, почти год в студии Шардена и почти четыре в ателье у Буше, в которые выяснилось, что Жан Оноре Фрагонар — живописец божией милостью. Он работал с очень большой быстротой и легко владел рисунком и красками. Больше того: дар его был абсолютно самостоятелен и по своей экспрессии непривычен для времен, когда одним из главнейших достоинств живописи считалась ее эмалевость. Фрагонар, напротив, двумя ударами кисти мог изобразить любую фигуру, одним — придать ей нужный ракурс, обозначить состояние покоя или движения. И все это сочеталось с особым искрометным духом, с великолепно

импровизируемыми интонациями, доступными разве что хорошей музыке.

Крупной ошибкой, которую сделал в этот период своей жизни Фрагонар, была следующая: он прислушивался к Буше, который советовал ему больше копировать. Одних его повторений «Святого семейства» Рембрандта до нашего времени дошло пять, а сколько, быть может, исчезло! Копирование скрывало кисть, не давало развиваться собственной манере, так спервоначалу удачно складывавшейся, и навыки к повторениям потом сильно попортили ему кровь в Риме.

Он попал туда как пенсионер Академии, получив с первой же попытки главную премию (достаточно сказать, что Ватто в свой час получил на этом конкурсе лишь вторую премию, а Давид, Римской премии добиваясь, дошел до покушения на самоубийство) за полотно «Иеро-воам приносит жертвы идолам». Но прежде чем в Италию оказаться, Фрагонар еще прошел, по традиции, предварительное обучение в Школе покровительствуемых учеников, что размещалась в роскошных апартаментах Старого Лувра. Распорядок ее был насыщен и остроумен: с половины восьмого до девяти часов утра студентам декламировали общеобразовательные тексты вслух, не надеясь, видимо, на их склонность к самостоятельному чтению; затем все шли в Галерею Аполлона — рисовать; после обеда являлся сам Карл Ванло, директор, и поправлял рисунки; потом молодых художников везли в королевские дворцы смотреть картины; в пять часов они начинали писать этюды с модели; заканчивался вечер изучением древних классиков. Завершив здесь полный четырехгодичный курс, Фрагонар отправился в Италию.

Пенсионеры от Академии обитали на вилле Манчини; каждый год они отсылали в Париж работы, свидетельствующие о полезности своего времяпрепровождения. Красота Италии подавила Фрагонара. Он писал на родину о потрясении от Микеланджело и Тициана, о том, что при виде Рафаэля был растроган до слез и карандаш выпал из его рук, о том, что на несколько месяцев погрузился в апатию, которую не в состоянии был преодолеть. Придя, однако, в себя, он стал бросаться от одного живописного памятника к другому, проявлял при копировании исключительное усердие и работоспособность, но внутреннее при этом напряжение полностью сжигало его творческую независимость. Парижское начальство недовольно, и один только Натуар, эмиссар Академии, не теряя надежды: «Не надо опасаться, что у Фрагонара погаснет пыл, он вернет то, что природа ему дала».

Он действительно вернул вскоре то, что дала ему природа. Это была маленькая картина «Прачки» и сюита итальянских пейзажных рисунков пером, прямо связанные с появлением новых друзей: живописца руин Гюбера Робера и молодого аббата де Сен-Нона, дилетанта-гравера и мецената, о котором говорили, что общее у него с церковью только одно — воротничок. Именно по приглашению де Сен-Нона он гостил на известной своими садами вилле д'Эсте в Тиволи.

Горячие пряные ветра, итальянские женщины, их вольная, несколько развинченная походка, их матовая, отливающая перламутром кожа, медные блики рыб во влаге античных, серого камня, изъеденных временем бассейнов, древние колонны и лестницы, море роз, кипарисовые аллеи — эта масса трепещущей листвы, игра рефлексом, теней и света, эти южные ночи в чудесный год его молодости, когда все окрест словно покрывалось сиреневым тюлем, а под луной золотом родников висела Венера, — вот тема, воплощенная во Фрагонаровых работах экстазом, запоем, как был одним скорым движением пера или кисти, которым он вдруг вернул свое лицо самостоятельного мастера.

Слово «рокайль» означает в переводе «неправильная линия», а слово «рокайль» — «камушек». Рокайль был затнувшейся на всю сердцевину XVIII века агонией, гребешком волны барокко, лакомившим аристократию, волны, обрушившейся с приходом Французской революции разом и с грохотом. Рокайль в искусстве — это игра в прихотливость, когда для художника любые не важные ни органическое сочетание и распределение частей, ни целесообразность форм, которыми он распоряжается с полным произволом, доходящим до распушенности. Считалось чуть ли не заторным рисовальщику или архитектору рокайля пользоваться циркулем и линейкой: фигуру круга или прямую черту вели от руки, находя в изысканстве изысканная дыхание самой жизни. Это был мираж красивой лжи, притворных улыбок, нарумяненных неправд, картонных садов и фонтанов, холщовых небес и мраморов.

Но еще рокайль был камушек, о который ломались зубы, и оттого твердь его, а не маску, блеск и расчет, душистый зефир и вместе кровь и пот поймешь ли вполне, слушая «Волшебную флейту», но не зная про смрад чумной могилы, забравшей Моцарта? Углядишь ли в «Капризнице» неуловимую, скитальческую душу чахоточного Ватто, а в облаке Зимнего дворца с витыми свечами свинцовых статуй — драму отодвинутого на старости лет от дел, двора и общества так далеко, что неизвестно до сих пор, на каких задворках кончил он последние свои дни, — графа Варфоломея Растрелли?

Рокко был предоставлением — большою оперой и большим балетом — тогда, к слову, рождавшимся и предложившим взамен естественного стремления к устойчивости особую эластичность движения, что колеблется «между взлетом и шагом», взамен покоя и опоры — иллюзию воздушности и failli, взамен власти обыденной жизни — мечту. Это была эпоха-театр, где над постановкою трудились тысячи декораторов, живописцев, садоводов, мебельщиков, бронзовщиков, рисовальщиков по фарфору, камнерезов и ткачей: до мяса сбивая мозоли, они оставляли потомкам свои следы, веселые и беззаботные.

Фрагонар воротился в Париж после пятилетнего отсутствия серой, дождливой осенью 1761 года, обветренный, со сбитами и вновь нарастшими мозолями, постигший вполне точный расчет своего ремесла. Он уезжал почти налегке, возвращался с большим кожаным сундуком,

¹ «Равновесие на острие» (франц.).

Жан-Оноре Фрагонар (1732—1806). ЧТЕНИЕ. ок. 1769.

Париж. Лувр.

Жан-Оноре Фрагонар. СЧАСТЛИВЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ КАЧАНИЯ НА КАЧЕЛЯХ. 1766.

Лондон. Коллекция Уоллес.

набитым итальянским приданым. Здесь: венецианские, необычайно тонкой чеканки охотничьи ружья, до которых он большой охотник, штука батиаста, бархатный, шитый серебром по флорентийской моде кафтан, ларь с красками и цветными мелками, наконец, его первый шедевр — «Проигрыш».

«Проигрыш» — будто задник балетной декорации или эскиз занавеса, на котором запечатлена сценка, разыгранная персонажами из пасторалей Буше. По рисунку он написан как бы не кистью, а прямо из жерла тюбика, в широкой, пастозной и настолько небрежной манере, что первый покупатель потом все требовал обязательно доработать картину (к счастью, этого не произошло). По цвету — почти монохром, отделан в две-три краски: розовой, желтой, белой. Сюжет же таков: с грубого стола, кое-как прикрытого деревянной скатертью, сыплются на пол карты; вокруг — две барышни в пышных юбках и молодой, в пастушьей шляпе парень. Пастух пытается целовать проигравшую партершу, которая бьется в его объятиях, а подруга тем временем, подавшись вперед, крепко держит должницу за руки. Профиль именно этой, второй девушки выражает такой неподдельный азарт, возбуждение, ревность, что вся на первый взгляд пустяковая по содержанию вещь перестает быть одной из многочисленных вариаций в духе времени, но видится живой, вдохновенной импровизацией, точно схваченной секундой подлинной действительности.

Шедевр этот лишь много позже примется публикой за шедевр, нынче же, в 1761 году, он интересен критике как прошлогодний снег. Париж встретил Фрагонара новым обличьем. Ветерок свежих идей сквозит в его интеллектуальных салонах, тот самый ветерок, что навевает вихри буре революции. Буше безжалостно выброшен за борт вкусов высшего общества, его розовотелые богини становятся мишенью насмешек, и пьедестал принадлежит теперь морализатору Грезу. Все «мыслящее и передовое» начинает объединяться вокруг клуба философов, писателей и ученых, издававших «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», в гостиних больше рассуждают и почти перестают музицировать: «Садился Дидерот на шаткий свой треножник, бросал парик, глаза в восторге закрывал и проповедовал...»

Фрагонар, однако, творчески нашедший себя, переменяться не хочет. То был его миг — поиска и эксперимента. Художника так и переполняло замыслами, будто бес перемен ловко перестраивал фрагонарову лиру: глядя на полотна, написанные почти вместе по времени, трудно угадать, что их создала одна рука. Вот в духе Рейсдаля пейзажи с серым северным небом, раскидистыми дубами и мельницами на холмах, вот почти поттеровский «Белый бык», вот десятка два необычайно экспрессивных портретов седебородого старика в резких ракурсах, а вот виртуозная, изысканная фантазия на тему Торквато Тассо — «Явление призрака Армиды в заколдованном лесу».

Но эксперименты экспериментами, а надо жить, то есть нанимать квартиру, покупать платье и еду, на что требуются металлические желтые кругляки, называемые луидорами. Тридцатилетний Фрагонар, что и говорить, артист, но следует и ему подумать о карьере, хотя бы о звании *agrée* — «причисленного»: именно оно дает право выставляться в Квадратном салоне, а это путь к получению официальных заказов, известности и луидоров.

Дар Фрагонара был легким и блестящим: представленное в марте 1765 года полотно «Корез приносит себя в жертву» имело большой успех, и автора его причислили к Академии единогласно. Картину приобрел сам король, с нее решили выполнить гобелен, похвалы сыпались, и нет никакого сомнения в том, что Фрагонар немедленно мог бы стать первым историческим живописцем государства и директором Академии, пристроившись в царедворческий ряд следом за Лемуаном, Куапелем, Буше и Ванло. Но герой наш сделал достойный истинной богемы, неслыханный по крутизне и неожиданности для той эпохи вольт: пренебрег всем достигнутым и отказался от академической карьеры.

Сам он говорил на старости лет, что пропал в нем анекдотчик, комедиянт, актер труппы молюеровского толка. Ошибался Фрагонар, не пропал нисколько. Разве не анекдотичны упомянутые уже здесь «Качели»? Разве не юмористичны его так называемые эротические сюжеты — «Похищенная рубашка», «Огонь и порох» или вот этот, «Задвижка»: босой деревенский ловелас одной рукой прижимает к себе вырывающуюся красотку, а другой закрывает дверь на запор. Разве не прощит насквозь едким гротеском «Портрет мадемуазель Гимар», картина, имеющая к тому же и в прямом смысле эксцентрическую историю?

Как говорили тогда в свете, между прима-балериной придворного театра красавицей Гимар и сочинителем гривуазных, легкомысленных сцен Жаном Оноре Фрагонаром случился сложный и запутанный роман. Пользуясь благосклонностью живописца, Гимар хотела иметь как можно больше своих портретов, да Фрагонар и сам тому не противился: уж больно хороша собою была модель. Но модель, кроме красоты, отличалась еще капризностью и скверным характером, никак не хотела постичь творческой задачи и летучего стиля своего возлюбленного и досаждала ему постоянными просьбами «закончить», то есть прописать свое изображение потоньше. Фрагонар неизменно отвечал, что тут все закончено. Наконец произошла ссора и разрыв с Гимар. Однако на следующий день художник пробрался в гостиную хорошо знакомого ему дома, от которого теперь было отказано, и, дотянувшись до висевшего над камином портрета хозяйки, несколькими мазками превратил улыбающееся лицо в недовольное и злобное. Едва он скрылся, как появилась Гимар, чтобы показать картину гостям. Говорят, по мере раздражения из-за метаморфозы с портретом она становилась все более и более похожей на его новый вариант. О том, что Фрагонар несколькими прикосновениями кисти мог мгновенно изменить образ, натурально свидетельствует и вторая переделка: после примирения «Портрет мадемуазель Гимар» был поправлен буквально за минуту.

Так вот. Фрагонар приступом взял Академию, словно бы доказывая, что это для него детская забава, и тут же распрощался с Академией навсегда. Теперь, получив звание «причисленного», квартиру и мастерскую в Лувре, он, дразня начальство, пишет только то, что хочет:

жанры, пасторали и портреты. Никакая тяжесть не сковывает больше его кисти, никто на свете не назовет его больше робким. Он овладел стремительной и бурной манерой, освоил технику, как считалось, сложнейшего мазка (то зигзагообразного, то тающего в жемчужных переливах) и выработал свой, ни на кого не похожий почерк, отчего появилось даже выражение: «C'est dans le genre de Fragonard»¹.

Сегодня, глядя на дорогу французской живописи XVIII века, на путь, который в искусствознании так и назван — от Ватто до Давида, мы видим здесь и фигуру Фрагонара, одинокою в своем странствии: он родился только через десять лет после смерти Ватто и знал об этом человеке лишь понаслышке и по нескольким виденным картинам; он учился у Шардена, но не хотел усмотреть поэзии в интерьере кухни и прачечной, поскольку слишком любил будуар; он учился у Буше, но жеманство и распутство учителя в конце концов оттолкнули ученика; он шел где-то неподалеку от Патера и Ланкре, де Сент-Обена и Лемуана, Робера и Греза, но никогда в своей художественной работе не сближался с ними; он, плебей, сын перчаточника, истый представитель третьего сословия, с радостью примет потом революцию и ее певца Давида, но будет уже слишком стар, разбит и болен, чтоб написать что-либо подобное «Смерти Марата». Пока же критика сокрушается: талант отказался от возвышенных исканий, чтоб угодить светской публике, богатым откупщикам, королевским метрессам и дивам из Оперы; Дидро замечает: «Господин Фрагонар, когда человек достиг известности, он должен иметь больше чувства собственного достоинства», — а так как в сентябре 1769 года на выставку в Салон господин Фрагонар не дал и вовсе ничего, другой рецензент, имя которого история теперь позабыла, перечеркнул репутацию живописца окончательно: «Видно, жажда живых столкновений его с прекрасного пути, на который он уже вступил, и, вместо того, чтобы трудиться для славы и для будущих поколений, он довольствуется сегодняшним успехом в артистических уборных».

В сентябре 1769 года Фрагонару было действительно не до выставления в Салоне. В час его открытия он находился в старинной церкви Сент-Шапель, а рядом стояла под венцом довольно невзрачная, с крестьянским лицом девица — Мари Анна Жерар, его землячка из Грасса.

Фрагонар женился не по любви, но оттого, что устал от одиночества и страха перед той страшной болью, которая приходила теперь в живот все чаще, и чаще. Боль приходила в живот, но потом пронзала колом вдоль, по позвоночнику и делала это так внезапно, что Фрагонар однажды очнулся на полу в мастерской, прямо у мольберта с начатыми «Купальщицами». Луврский лекарь взял десять золотых, говорил с ним по-латыни, нашел неизлечимую печеночную лихорадку и рекомендовал пресный стол и абсолютный покой. Так Мари Анна, которая приехала в Париж за год до того обучаться искусству миниатюры и которую Фрагонар взял в подмастерья, стала педантическим помощником по соблюдению этих рекомендаций, что как-то само собой и незаметно привело к факту их бракосочетания.

Тот 1769 год был не только годом женитьбы и мучения печени, но и моментом высшей крепости его творческих мускулов, с помощью которых он громил все живописные каноны, руководясь в работе лишь собственной энергией, вкусом, вдохновением, свободой и порывом. Эта работа — портретные импровизации, заказанные ему старинным приятелем де Сен-Нонем для нового своего особняка в качестве десюдепортов, то есть нарядных декоративных панно, просматривавшихся по-ступательно, через анфиладу комнат. Портреты были сработаны с потрясающей быстротой, о чем свидетельствуют надписи на обороте, к примеру: «Портрет ла Бретэша, написанный Фрагонаром в 1769 году, за один час».

То, что десюдепорт не место для портрета хозяина дома и его близких, да то еще, что полотно будет размещены высоко, определило их характер — эффементный силуэтов, резкость поворотов, фантастичность нарядов и романтический характер атрибутов: гусиное перо в руке, ноты, музыкальные или навигационные инструменты. Они похожи и непохожи друг на друга, эти по-хальсовски энергичные, подвижные, пластичные фигуры, возникающие из потоков стремительно брошенных мазков, сияющих чистыми, яркими, светлыми тонами: сам Сен-Нон с наперекор движению головы развешивающимся плащом, д'Аркур в испанском алом костюме с перекинутым через плечо золотым шарфом, Живописец с пурпурною папкой в руках, Актер, сжимающий скомканную перчатку, или необычайно светлый и чистый профильный очерк молодой девушки, словно увиденной случайно, в секунду, и так запечатленной навеки, — «Чтение». Тут правит стихия, то есть натура подлинного Фрагонара, того, что не умрет никогда, что дает о себе весть и у Делакруа и у других более поздних художников.

После свадьбы, хоть и привели швабрами в порядок квартиру и мастерскую в академическом флигеле Лувра, хоть стол для Фрагонара и готовился строго по рецептам докторов — полностью пресным, хоть через положенный срок и родилась прелестная Розалия, — несчастья личной жизни как начались в самом непродолжительном времени, так и не покидали дом мастера больше никогда. А была тому особая одна причина.

Дело в том, что появился в живописи и семействе Фрагонара новый персонаж, помешавший ему быть образцом добродетельного мужа и сыгравший в судьбе стареющего художника сильнейшую роль. Это Маргарита Жерар, младшая сестра Мари Анны, на шестнадцать лет моложе ее и гораздо красивей, впоследствии трудами и заботами Фрагонара известная миниатюристка, а покада полуграмотная провинциалка. Но все хорошо было в Маргарите, даже грубый южный акцент казался в устах ее прелестным. Вскоре выяснилось: супруги совершенно не подходят друг другу, а Фрагонар без памяти влюблен в свою свояченицу, которая в обмен на его любовь неизменно предлагает лишь дружбу. И жизнь этих троих людей очень скоро стала адом. Но какова бы жизнь ни была в академическом флигеле Лувра, за его толстыми стенами, она шла своим чередом и давала все новые и новые впечатления.

— Oh! Comment cela ressemble à la queue de paon², — кричал, пытаясь перекрыть фанфары и барабан, Фрагонар Маргарите Жерар. Пухлогубая, зеленоглазая и бойкая свояченица писала дневник, каракули сохранились, что позволило нам доподлинно воспроизвести теперь фрагонарово восклицание, равно как и зрелище, названное им «хвостом павлина». То была праздничная процессия к месту воскресной, для увеселения народа, ярмарке в Сен-Клу, пышная и пестрая лента, состоявшая из трубочек и всадников, плебеев и знати на лошадях, гривы которых сверкали вплетенными шелковыми лентами, пажей и булавоносцев с серебряными булавами, балаганщиков, скоморохов и мелких лавочников, музыкантов в фиолетовом атласе и перьях, стряпчих, фискалов, мушкетеров и аудиторов, квартальных

¹ «Сделано в духе Фрагонара» (франц.).

² О! Как похоже это на хвост павлина (франц.).

центурии в красном бархате, подбитом золотым глазом, дам высшего света, несомых в лакированных амарантовых портшезах, и разряженной прислуги, — одним словом, красивейшее зрелище в мире. Стояли первые дни сентября, изумруд пышной листвы начинал отливать янтарем, под каблучком весело хрустел гравий и все пропиталось духом скошенного сена, под небеса взвивались фонтаны — Париж целиком съехался сюда.

Несомненной трудностью был для Фрагонара сам размер, никогда еще не писал он таких полотен — больше чем три на два метра. И все-таки он справился с «Праздником в Сен-Клу» совершенно: отдельные эпизоды ярмарочных развлечений не дробят композицию, стаффаж необычайно выразителен и красив, деревья, их густая темная масса особо величава в отношении к кукольным ширмам театра марионеток, сам пейзаж по замыслу получился таинственным, лишь чуть окрашенным с импрессионистической легкостью то бегущей фигурой, цветастой палаткой или радужной вспышкой света, то сахарным бликом мраморной статуи, сверкнувшей на солнце струей фонтана. «Праздник в Сен-Клу», равно как и остальные картины из серии «праздников» («Праздник в Рамбулле», «Игра в парке» и другие — всего двенадцать), — один из последних всплесков гения Фрагонара; к тому же с продажей этих вещей кончается и недолгое в его жизни время достатка.

1780-е годы во Франции — грозные годы назревания бунта. Приближение его сказывается и в трусливой осторожности королевского начальства к современному искусству: Академия теряет последние привилегии, упразднены (как очаг анархии) Школа покровительствуемых учеников, Школа св. Луки и, главное, запрещены публичные выставки. Но не это отравляет жизнь Фрагону, другое: почва ускользает из-под ног, он унизительно выходит из моды. Она теперь иная, названная новоримским стилем, или классицизмом. Подходила эпоха Наполеона, а с нею и иное художественное царство. Его каноны: не ускользающая асимметрия раковины, но лаконизм жесткой геометрии, не «менуэт чувств», но ясный рационализм, гражданственность мысли и форм. Давидовская «Клятва Горациев», выставленная в последнем Салоне, свершила окончательный переворот вкусов. Это было искусство конкретное, подчиненное задаче дня, способное вмешиваться в реальную жизнь и призывать к поступкам. Тогда-то Фрагонар и решает попробовать кое-что новое. Нет, не настолько он глуп, чтобы возвращаться к исторической живописи, которая в молодости была им так демонстративно презрена. Просто следует, насколько не изменяя себе, доказать публике, что он виртуоз и может взять любые формы, в том числе и новые — тонкого рисунка, более четкой композиции, — одним словом, в области жанра Фрагонар хочет добиться классических эффектов. И вот уже сразу несколько парижских газет дают объявление о гравюре с последней Фрагонаровой картины — «Поцелуй украдкой».

Она висит теперь в Эрмитаже бок о бок с «Проигрышем»: две точки судьбы живописца, восход ее и закат, горячая молодость и педантическая старость, пламень и лед, любовь и опыт. «Поцелуй украдкой» заставляет вспомнить «маленьких голландцев»: складки, стереоскопическая иллюзия атласа, чуть сбитый в уголку ковер, бронзовое кольцо на столе и сам материал, из которого он приготовлен, — красное дерево, ленты, свешивающиеся из приоткрытого ящика, — быть может, могли бы их заинтересовать. Но в целом для голландцев такая картина слишком сложно построена и слишком динамична, не говоря уже о том, что она немислима по сюжету. И потому это остается чисто французским по остроумию и, несмотря на непохожесть всему предшествующему, чисто Фрагонаровским произведением. Тут изображен поцелуй невинный и торопливый — главное, торопливый. Барышня вырывается не потому, что кавалер опасен ей, и не из жеманства; просто она боится пуще огня, что их застанут врасплох: ведь это не чердак, а гостиная приличного дома. Быстрая извилистая линия очерчивает женскую фигуру, руку, воздушный газовый шарф, но эта быстрота схвачена тщательностью и точностью отделки деталей: сценка длится миг, но от молниеносной и небрежной живописи прежнего Фрагонара здесь нет ничего и картину никогда не примешь за написанную «в течение одного часа». Теперь в разных собраниях экспонируется несколько похожих полотен, подписанных, однако, другим именем — Жерар. И действительно, единственная ученица Фрагонара и полное создание его рук, Маргарита стала лишь подражательницей одной, поздней, самой узкой грани искусства своего мастера.

Приближалась перемена на новый век, и перемена эта встречала Фрагонара столом уже не только пресным, но и постным. Единственный его заработок чуть не за пять лет — иллюстрации к неполному изданию сказок Лафонтена, и только. Пыталась помогать старому и одинокому (он только что схоронил жену) учителю преуспевающая Маргарита Жерар — давала деньги; пытался помогать член Конвента Жак Луи Давид. Вот его рекомендация: «Фрагонар создал многочисленные произведения, пыл и оригинальность характеризуют его; знаток искусства и в то же время большой художник, он на склоне лет посвятит свое время охране шедевров, количество которых в молодости увеличивал». Бумажка эта почти оскорбительного смысла, поскольку по ней выходит, что шедевры Фрагонара создавал только в молодости, но она же, эта бумажка, — мандат на получение жалованья как инспектору и хранителю коллекций Лувра.

Тот самый Лувр, который мы знаем сегодня и который с 1791 года стал Национальным музеем, формировал именно Фрагонар: свозил из различных имений сотни полотен, полностью собрал кабинет рисунков. Он занимался этим, как единственным в жизни призванием, рьяно и неистово, словно хотел навсегда забыть свое прошлое ремесло, и так быстро выполнил порученное ему задание, что к 1800 году все работы были закончены и собирателя уволили, а еще через пять лет от него, как от ненужного балласта, освободили и обжитую за полвека луврскую квартиру.

1806 же ветреный год, адски знойный летом и ледяной зимою, был годом больших исторических событий по всей Европе: с одной стороны, триумфальная наполеоновая победа при Иене и Ауэрштедте, с другой — неважные дела армии в Испании, с третьей — подготовка к объявлению упрямым англичанам континентальной блокады. И потому до господина Жана Оноре Фрагонара, чье тело в конце августа нашли скрюченным после очередного припадка печеночной лихорадки на полу наемной мансарды, среди разбросанных гравюр, которые он пытался еще резать, и вовсе никому не оказалось никакого дела. Правда, «Вестник Академии» отметил в хронике на последней странице, что усопший был довольно плодовит и оставил после себя пятьсот картин и тысячу рисунков, а также обладал особенной, какой-то легкой кистью, которой подчас неплохо удавались галантные сюжеты.

ВЕЧНАЯ ДРУЖБА

В Ростовском книжном издательстве вышла книга лауреата Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР, известного советского писателя Виталия Закруткина «Верность. Болгарская тетрадь». Небольшая по объему, она вобрала в себя такое количество глубоко волнующих, значительных фактов русско-болгарской и болгаро-советской дружбы, что поистине стала одной из вдохновенных глав исторической летописи братства двух наших народов.

Яркая, образная публицистика писателя рассказывает о многолетней крепкой дружбе, связывающей трудящихся Дона с трудящимися Плевенского края, повествует о братстве городов-побратимов — Ростова и Плевена, о встречах на болгарской земле, о сердечных чувствах друг к другу плевенцев и ростовчан.

Перед читателями проходят интересные, живые впечатления от поездок В. Закруткина по прекрасной болгарской стране — страстный и взволнованный рассказ, отмеченный глубоким знанием истории Болгарии, любовью к ее народу, его настоящему и светлему будущему.

Книга В. Закруткина написана образно и в высшей степени поэтично. Обратимся к авторскому тексту: «По узкой извилистой долине неторопливо течет мелководная речка. Долину сжимают каменные горы, на вершинах которых зеленеют деревья. Корни деревьев чудом держатся на острых уступах, в расщелинах ползут по сероватым, неродящим камням. Там, наверху, холодноватый ветер поздней осенью шевелит древесную листву... Деревья на вершинах гор уже озарены солнцем, а в долине еще голубеют, тают последние ночные тени... Над озером белеет полоса призрачного тумана... Это мое первое утро в Болгарии».

Стоя на берегу болгарской речки Тученице, русский писатель мысленно обзвоняет горькие, тернистые пути народа-побратима, задумывается над его многострадальной судьбой, говорит о неразрывных узах, связывающих на протяжении веков русских и болгар, об их братстве, об овевших легендами трудах Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку.

Многое вынес и пережил болгарский народ. Страницы книги, посвященные роли России в освобождении Болгарии, нельзя читать спокойно. Сколько сынов России отдали свою жизнь за свободу братского народа! Только на подступах к знаменитой Плевне погибло тридцать с лишним тысяч русских солдат и офицеров. С какой трепетной любовью болгары берегут братские могилы, как хранят «памятники признательности». Повсюду зеленые венки, всегда свежие цветы... И эта благодарность братьям-освободите-

Виталий Закруткин. «Верность. Болгарская тетрадь». Ростовское книжное издательство. 1981 г.

лям живет на протяжении почти целого столетия.

Наша Родина дважды принесла освобождение болгарскому народу: сначала как Россия, а потом как Советский Союз. Не зря в Плевене наряду с улицами, носящими имена героев Освободительной войны 1817—1878 годов, есть улицы маршала Толбухина, Красной Звезды, «Молодой гвардии» и есть улицы, в названиях которых запечатлены бессмертные подвиги самого болгарского народа: улица Партизанская, 9 сентября, улица генерала Заимова...

О выдающемся антифашисте, бессмертном герое болгарского народа генерале Владимире Заимове В. Закруткин рассказывает подробно, и этот рассказ исполнен глубочайшего уважения к светлой памяти выдающегося сына Болгарии: «1 июня 1942 года одетого в полосатый арестантский халат генерала Владимира Заимова привезли в бетонный тоннель Софийского офицерского стрельбища, привязали к столбу и накнули на его голову бумажный мешок».

— Советский Союз и славянство непобедимы! — громко сказал генерал. — Следом за мной идут тысячи! Да здравствует свободная Болгария!

Залп прервал предсмертные слова героя».

На следующий день весь мир услышал по радио голос нашей страны:

«Говорит Москва! Говорит Москва! Болгария — на колени! В эту ночь расстреляли великого сына Болгарии и всего славянства — генерала артиллерии Владимира Заимова...»

Прошли годы. Пламенному патриоту и борцу за свободу Болгарии было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Священно и непоколебимо побратимство Плевенского округа и советского Дона. Это прочная и вечная дружба. Она так же неразрывна, как неразрывен кровью спаянный союз братских народов нашей страны и Народной Республики Болгарии.

Михаил АНДРИАСОВ

ДУМАЮ О БУДУЩЕМ, КОГДА ПИШУ О ПРОШЛОМ...

Феликс МЕДВЕДЕВ

Еще в самом начале двадцатых годов Горький писал о Вениамине Каверине: «У него есть все для того, чтобы стать оригинальным писателем». Это было в пору образования литературной группы «Серапионовы братья», члены которой при встречах шутили говорили друг другу: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно».

Пророчество Горького сбылось: Вениамин Александрович Каверин стал не только оригинальным писателем, он стал выдающимся мастером современной прозы, автором книг, любимых многими поколениями советских читателей.

При встречах с Вениамином Александровичем мне всегда хотелось спросить, изменилось ли за 60 лет его отношение к слову, к искусству, к писательскому ремеслу, так же ли, как и в пору юности, «писать очень трудно». Ответ писателя был неожиданным:

— Взгляды мои остались теми же. Более того, они только утвердились. Они выдержали испытание, потому что были направлены к таким нравственным принципам, которые представляют собой идеалы любого времени: если мужество, скажем, было важно для Ганнибала, так важно оно было и для адмирала Головко, который в войну командовал Северным флотом. Я все-таки стремлюсь не быть злободневным писателем. Мне нравится больше думать о будущем, когда я пишу о прошлом. Пожалуй, родилась точная формула: «Мне нравится думать о будущем, когда я пишу о прошлом». Вместе с тем многие мои книги написаны по горячим следам: «Исполнение желаний», «Открытая книга», романы тридцатых—сороковых годов. Я писал их в связи с тем, что происходило в стране. Современность — это необходимое зерно, которое

оживляет любую книгу, хотя бы она была о далеких временах.

— Но последняя ваша вещь «Верлиока» — сказочная повесть. В ней действуют Розовый Кот, Шотландская Роза, Демон Бюрократии, в ней есть Министерство Необъяснимых Странностей, одним словом, полная гофмано-сказочная атрибутика. Чем вызвано появление «Верлиоки»?

— А вы считаете, что «Верлиока» не современна? Но ведь в ней действуют герои сегодняшнего дня, хотя и сказочные.

И потом, в этой сказочной повести я подтвердил свою нравственную позицию, которой придерживаюсь всю жизнь. Здесь же широко использованы возможности русского фольклора, неисчерпаемое богатство которого совершенно нами не тронуто.

Так что, отвечая на ваш вопрос, скажу, что эту повесть я написал потому, что не мог ее не написать.

Мне вспомнились интересные рассуждения Павла Антокольского о своем собрате и друге: «...Я осмеливаюсь утверждать со всей от-

ветственностью, что Вениамин Каверин очень мало и несущественно изменился со времени... юношеской весны... Я утверждаю, что на всем писательском пути Каверин был прежде всего сказочником. Ему сопутствовал, как верный слуга, риск смелого парадокса, отчаянная с точки зрения критики гипотеза».

И действительно, во многих книгах Каверина витает дух прекрасной доброй сказки. Вот бедный глухонемой мальчик, выросший и ставший славным полярным летчиком, — «Два капитана». Не великопелен ли сказкой нашего вена стал этот роман, настоящая книга советского юношества? А история умной и прелестной женщины в «Открытой книге», судьба ее научного открытия, которая началась с... нелепой дуэли двух гимназистов в одном из русских губернских предместий. Для серьезного читателя «Открытая книга» — чудесная сказка о нашей великой эпохе, о ее возможностях.

Упрямая верность добру пронесена В. Кавериним через десятилетия и снова воплотилась в произведениях последних лет.

«Верность добру» — это скорее нравственный принцип художника, но Каверин удивляет читателя

все новыми и новыми открытиями и в области художественной формы, стиля.

— У художника есть внутренняя граница, отделяющая одну полосу работы от другой, — говорит Вениамин Александрович. — Исполняя, постепенно начинаешь понимать, что пришла пора писать иначе, чем прежде. Нажитого умения уже недостаточно, хотя, чтобы приобрести его, были затрачены все силы души. Впрочем, нет! Достаточно. Просто это умение должно стать другим, отвечающим другой, более сложной задаче. Хотя в конечном счете этот путь ведет к простоте.

И снова мы заговорили о злободневности литературы, о важности и необходимости мгновенно откликаться на жизненные события, на людские боли. Изучение повседневной жизни, считает писатель, кажется делом легким. Но это кажущаяся легкость. Для настоящего художника изучение жизни приводит к открытию новых людей в новых обстоятельствах, к пониманию исторического значения их дела.

— Для того, чтобы преуспеть в этой сложной работе, — говорит Вениамин Александрович, — художнику необходимо умение и желание видеть в людях хорошее. Нужно помнить, что именно в обычной жизни с необычайной силой запечатлеваются перемены, происходящие в нашем сознании. Вот, скажем, бытовую сторону обыкновенной войны до сих пор еще мало кто подробно и глубоко описывал. Все писатели стремятся отобразить ее необычайность и остроту. В связи с этим скажу, что сейчас я поглощен новой работой, в которой будет показана именно повседневность войны. Материал для романа нашелся в моих записных книжках военной поры, когда я был корреспондентом ТАСС в блокированном Ленинграде, а потом корреспондентом «Известий» на Северном флоте.

В. А. Каверин любим читателем за высокую культуру письма, тонкий вкус, образованность, страсть к истории, к книге. Вот почему я попросил его поразмышлять о современной литературе, о чтении, о любви к книге.

— Естественно, как и раньше, я читаю только то, что мне близко и трогает меня. Надо сказать, что в этом смысле я не могу пожаловаться на узость моих вкусов. В детстве я любил сказки, которые рассказывала мне мама. Потом, когда научился читать, я стал проглатывать целые собрания сочинений. Я окупился не в книжный, а в реальный, взвешанный мир. Иногда меня упрекали в книжности. Но и сегодня я сознательно обороняю значение начитанности в литературной работе. Я могу убедительно доказать пользу так называемой книжности на примерах влияния великих писателей. Ну хотя бы Гоголя! Пройдитесь по страницам второстепенных литераторов конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века, и увидите смутные очертания майора Ковалева, Акакия Акакиевича, Хлестакова. И то, что многие мои книги рождались прямо из жизни, насколько не противоречит сказанному выше. Мало того, одно вытекает из другого.

И сейчас я внимательно слежу за литературой. Мне нравятся Распутин и Белов, близки Грекова и Конечный, одним словом, я сторонник простого, без затейливости, чистого русского слова.

Летом от реки Малая Кокшага веет прохладой, а с лугов — запахом клевера и медуницы. Перед корпусами — зеленые лужайки и цветы — сальвии, петунии, бархатцы. В конце лета сюда, в школу-интернат № 1, что на окраине Йошкар-Олы, съезжаются дети из сел и деревень Марийской АССР. Интернат этот музыкально-художественный, с особой учебной программой. Едут сюда дети одаренные. И хотя неодаренных детей, наверное, не бывает, тут нужны бесспорные, явные способности к музыке или рисованию.

Абитуриентов отбирают заранее; радио и газеты дают объявления, преподаватели едут в районы, проверяют слух и память, чувство ритма у ребят. Будущие музыканты поступают в первый класс, и только баянисты — сразу в третий. В особенном почете здесь гусли — старинный музыкальный инструмент, почитаемый и любимый в народе. Недаром же выступал с таким успехом ансамбль гуслей школы-интерната на декаде марийского искусства в Москве.

Встретившись с этими мальчиками и девочками в школе, я, конечно, задумалась об их судьбе. Ведь никто не верил до революции в возможность культурного развития марийцев, даже в сохранение самой их жизни.

«Печально настоящее этой народности, — писал в конце прошлого века казанский профессор Кандаратский, — печально прошедшее и еще печальнее будущее. Черемисы (прежнее название марийцев. — И. М.) в настоящее время находятся на пути к вымиранию...»

Край этот ассоциировался тогда лишь с трагедией и беспросветной нуждой. Разумеется, не было и речи о профессиональном искусстве. Не было и своей национальной интеллигенции — той, настоящей, которая воспитывается сейчас заботливо и любовно. Сохранить национальные традиции народной культуры, обогатить ее, широко открыв сердца навстречу всему прекрасному, что создало человечество, — вот главная задача, которую здесь ставят.

...Сегодня в школе ждали гостей из Венгрии — учителей и комсомольских работников. Город Сомбатхей — побратим Йошкар-Олы: венгерские делегации нередко гостят в столице Марийской автономной республики.

Дети оделись для встречи парадно: белые вышитые кофточки и красные юбки у девочек, вышитые рубашки у мальчиков. Идет торжественная линейка, потом начинается концерт. В школе два хора: старший и младший. Выступали музыканты: пианисты и виолончелисты, баянисты и гусли; звучала музыка Чайковского, Бетховена, Моцарта, Баха, народные марийские мелодии, песни других народов страны... Не удержались и гости: тоже стали петь и танцевать.

Потом делегация знакомилась со школой, со всеми подробностями ее работы, планами на будущее, со всевозможными выставками и объявлениями о предстоящих концертах — не только ребячьих. В школе часто бывают ком-

На перемене.

Фото автора

ОТКРЫТЬ СЕРДЦА ПРЕКРАСНОМУ

позиторы, музыканты, артисты; не раз приезжал А. Эшпай, были здесь московский и минский камерные оркестры, известные певцы. Да всех разве назовешь!.. Ребята посещают концерты в филармонии и музыкальных школах, бывают в музыкально-драматическом театре. Недаром Арам Хачатурян отмечал высокую постановку музыкального и художественного образования в школе, как рассказывает директор, заслуженный учитель Марийской АССР Г. Д. Пряников.

— Школа существует более двадцати лет, — в разговор вступает завуч по учебно-воспитательной работе Анна Федоровна Щербакова. — В городах и поселках тоже есть свои музыкальные и художественные школы: учиться хотят многие! Предпочтение мы всегда отдаем детям из сельской местности, из многодетных, распавшихся или осиротевших семей, — бывает ведь и такая беда. Да вот живой пример: ребята из пятого класса «А». В семье Мусановых из поселка Солнечный десять детей; девять из них — девочки, младший — мальчик... Эля уже окончила художественную школу и учится в ГПТУ; семиклассница Лида — пианистка, Валерий — трубач. Папа их умер, а мама работает сторожем... Десять детей и в семье Никифоровых из

Оршанского района. Светлана окончила музыкальную школу, ее специальность — гусли. Надя — в пятом классе... В семье флейтистки Оли Белковой из деревни Укомук Моркинского района еще восемь детей...

Оля — очень одаренная девочка.

— Я люблю музыку, — говорит она, — особенно уроки музыкальной литературы и сольфеджио...

Широкие коридоры, классы композиции, народных инструментов, теории музыки; комнаты для индивидуальных занятий — и все здесь звучит... Все наполнено будничным.

После школы выпускники идут в музыкальные училища, в институты культуры. Наиболее одаренных принимает консерватория.

Многие стали профессиональными музыкантами. Некоторые сами учат детишек, работая в музыкальных школах республики, или вернулись в свою родную школу-интернат — преподавателями...

Тамара Андреевна Ягельдина, завуч по музыке, окончила два отделения музыкального училища: дирижерско-хоровое и гусли, а потом пятнадцать лет работала в сельской музыкальной школе Горномарийского района. Здесь сложился ансамбль гуслей, трижды выступали гусли в Кремлев-

ском Дворце съездов, побывали в Риге, Таллине, Тарту, Петрозаводске...

Так и остались гусли любовью Ягельдиной, и на декаде в Москве она тоже была с ансамблем гуслей.

Три здания интерната образуют как бы три школы: общеобразовательную, музыкальную и художественную. В школе художественной вдруг попадаешь в совсем особый, иной мир. Тут тихо. Витражи, акварели, рисунки, декоративные изделия... Настенную тарелку Алеши Глушкова из восьмого класса (по секрету скажем, сделанную из картона) хочется долго разглядывать, так искусно она расписана. Сочные красные тона, очерченные черным, прямотаки светятся. Мне кажется, это Алешино изделие могло бы украсить любую выставку... Алеша, приехавший учиться из Куженерского района, интересуется еще и резьбой. Понятно, что он собирается учиться дальше.

— Художники приходят к нам в пятый класс и занимаются в школе четыре года. А потом по большей части поступают в художественные училища, выпускающие оформителей, преподавателей рисования и черчения.

Я беседу с завучем художественной школы Елизаветой Николаевной Фоминой. Она преподает декоративное оформление, и у многих это любимый предмет.

— Некоторые ребята поступают в ГПТУ, где получают профессию альфрейщиков (живопись по сырой штукатурке), другие идут в художественные институты. Работы нашего выпускника Николая Васильевича Токтаулова экспонировались даже в Японии...

Ребята в школе осваивают законы общей и декоративной композиции, рисование, рисунок, станковую живопись; учат их передавать оттенки, форму, цвет... Рисуют они и с натуры и фантазируют на вольные темы, знакомятся со шрифтами...

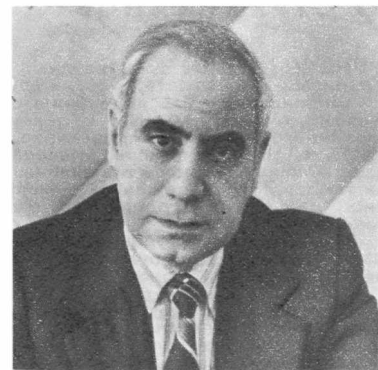
А сколько интересных рисунков, воспоминаний после поездок! Какие стенды сделали после экскурсии в Ленинград!.. Ребята занимаются резьбой по дереву, вышиванием. Девочки вышивают, сами придумывая рисунки, смело фантазируют, развивая традиции художественных промыслов. Чтобы сохранить старинную марийскую вышивку, ребята собирают ее в селах, кое-что привозят с собою... Они вообще очень активны, энергичны, сообразительны; недаром много раз побеждали в турнире смекалистых, который проводила «Пионерская правда». Победители получили путевки в Артек, кино- и фотоаппараты.

...Сегодня в школе гости. Им надо оказать внимание. Но завтра — снова за дело! Кому повезло побывать здесь (а гости в этой школе — как в хорошем, добром доме — не редко), все обычно отмечают наряду с воспитанностью, приветливостью еще и занятость, деловитость учащихся.

Они впрямы заняты с утра до вечера: ведь у них еще и всякие общественные дела. Школа шефствует над сельскохозяйственной опытной станцией, совхозом «Пригородный», швейной фабрикой «Заря», часто ребята ездят туда с концертами. А осенью — в совхоз, на уборку урожая.

При всем этом неуспевающих в школе нет.

МОГУЧАЯ СИЛА БРАТСТВА

М. АСИМОВ

Начало см. на стр. 1.

плоды этих трудов, были недостижимы для его народа.

Душанбе — ровесник республики. Сейчас это красивый, благоустроенный город с полу-миллионным населением. А если вспомнить, как возникала наша столица на месте кишлака! Совнарком разместился в стареньком, полуразвалившемся домике, а наркоматы, по-нынешнему министерства, — в землянках. Мы упорно строили, не просто дома — новую жизнь. И тогда же появились первые ростки науки, первые учреждения. Меня поражает, насколько все делалось дальновидно, с перспективой. Сначала была организована комплексная экспедиция АН СССР в 1930—1932 годах. Возглавил ее выдающийся ученый, соратник В. И. Ленина, академик Николай Петрович Горбунов. На леднике Федченко его именем назвали большую метеостанцию. В экспедицию входили геологи, ботаники, зоологи, медики, лингвисты, этнографы, историки. Уже в 1933 году в Ленинграде организовалась первая конференция АН СССР по изучению производственных сил Таджикистана, сыгравшая важную роль в становлении народного хозяйства республики. Эта экспедиция заложила и основы республиканской академической базы. А в 1951 году учредили Академию наук Таджикской ССР. Но вернусь к конференции 1933 года. На ней были намечены планы освоения Вахшской долины, превращения ее в родину советского тонковолокнистого хлопка, обращено внимание на богатые энергетические ресурсы Таджикистана, намечены пути их использования. Кстати, идея Нурека зародилась уже тогда. Одним словом, началось преобразование республики на научной основе.

Я вспоминаю вахшскую эпопею — в этом году мы отметили пятидесятилетие этой одной из первых интернациональныхстроек республики. Вахш — древний очаг цивилизации. Это показывают нынешние археологические раскопки. Здесь найден и знаменитый амударьинский клад, хранящийся в Британском музее. Недавно археологи обнаружили греко-бактрийские постройки и среди многих ценных находок оказался рельефный портрет Александра Македонского из слоновой кости. Лет 15—20 назад нашли крупнейший буддийский монастырь. Часто археологи находят следы вахшской ирригационной системы. Здесь родина классика нашей литературы XI века Насира Хосрова, поэта, гуманиста, великого диалектика Джалаледдина Руми, оказавшего влияние на философию Гегеля.

Покорить этот богатый край стремились завоеватели. В результате опустошительных войн люди ушли в горы, и долина опустела.

В тридцатых годах большевики решили возродить этот край, построить канал, оросить благодатные земли. И когда пришла вода, помки тех, кто много столетий назад покинул долину, спустились с гор. У Мирсаида Миршакара, замечательного поэта-комсомольца тех лет, есть поэма «Золотой кишлак». В ее основу положена давняя легенда. Люди очень долго искали Золотой кишлак, в котором все трудятся, все счастливы, потому что нет угнетателей. Спустившись в преобразованную большевиками долину, они нашли место для воплощения своей мечты и своими руками построили Золотой кишлак. Мне самому довелось участвовать в строительстве Большого Ферганского канала, и я могу представить атмосферу интернационального братства, энтузиазма, праздника труда, жизнелюбия —

примету всехстроек моей страны в годы первых пятилеток.

Сейчас Вахш — родина тонковолокнистого хлопка, здесь родилась наша селекционная наука, стоял у истоков ее Вячеслав Прокофьевич Красичков, академик, Герой Социалистического Труда. Он вывел много сортов тонковолокнистого хлопка. Это очень ценный вид хлопка. Красичков оставил после себя верного продолжателя — Бобо Сангинова. Сейчас его сортами засеваются многие тысячи гектаров.

Нужно сказать, что преемственность наблюдается повсюду. Евгений Никанорович Павловский. Он стоял у истоков таджикской науки. Молодым профессором приехал в составе экспедиции. Здесь родилась его теория природной очаговости трансмиссивных болезней, имеющая глобальное значение, — фундаментальный вклад в биологическую науку. Он основал Институт зоологии и паразитологии, который теперь носит имя ученого. Сейчас институтом руководит его ученик Мухамедкул Нарзикулович Нарзикулов, возглавивший разработки по интегрированной системе защиты хлопчатника от вредителей.

Вахшская долина — родина таджикского цитрусоводства. А начинателем этого дела стал академик Таджикской и Белорусской академий Николай Владиславович Смольский. Нужно сказать, что Смольский заложил основы научных и дружественных связей между нашими ботаническими садами: Душанбинского и Памирского с Белорусским. Сейчас совместно, под руководством члена-корреспондента нашей академии Веры Ивановны Запругаевой, мы готовим книгу «Декоративные растения Белоруссии и Таджикистана» в двух томах.

Ежегодно в республику приезжают десятки тысяч иностранных гостей. И мне вспоминается высказывание французского писателя-интернационалиста Поля Вайяна Кутюрье. Он побывал у нас в 1931 году и написал: «Раньше с Востока все рвались в Европу, а теперь мы, пересекая небо, штурмуя горы, возвращаемся в Среднюю Азию и изучаем по складам социализм в действии».

Да, многое вспоминается сегодня... Строительство Большого Памирского тракта... Это был пример героизма. Дорога строилась выше облаков, в невероятно сложных условиях. Но она была необходима. Дорога для наших гор — это жизнь...

Великая Отечественная война советского народа... Тысячи таджиков в первые же дни ушли добровольцами на фронт. Среди них были и мы, студенты университета. И я не могу без душевного волнения говорить о том, что наш брат — русский народ, который отражал врага на своей истекающей кровью земле, ни на мгновение не забывал о своем таджикском брате. Из блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» были вывезены в первую очередь дети. Но в этот грозный час не забыли учебники для таджикских школьников. Поэт Мумин Каннат проникновенно рассказывал об этом в поэме «Израненный букварь». А в Ленинград из Таджикистана шли теплые вещи, эшелоны с продовольствием. В моей семье гордятся тем, что мы, трое братьев-артиллеристов, участвовали в боях за снятие блокады Ленинграда.

Русские, украинцы, белорусы нашли в Таджикистане свой дом, пока на их земле был враг. Многие полюбили мой Таджикистан и остались здесь навсегда, здесь живут их дети, мы работаем вместе, строим жизнь дальше. Наше братство скреплено общей кровью.

В 1949 году в Душанбе открылся Таджикский государственный университет. Меня избрали первым ректором Политехнического института, первого технического вуза в Таджикистане. Когда я получил это назначение, стало немного страшно. Как на пустом месте, в голом здании, недостроенном еще, создать институт? А до начала учебного года оставалось несколько месяцев. Нужно обеспечить его и лабораторным оборудованием и преподавателями, а у нас в республике всего этого еще не было. И опять к нам пришли на помощь, на этот раз московские институты: инженерно-физический, энергетический, инженерно-строительный, Уральский и Бакинский политехнические. К нам приехали преподаватели, поступало оборудование. Мы направили в Москву и Ленинград студентов для подготовки будущих преподавательских кадров. И вот сегодня, спустя четверть века, это крупный институт, где учатся ежегодно более 5 тысяч студентов, работают полторы сотни кандидатов наук, имеются первоклассные лаборатории, вычислительный центр. Тысячи его выпускников трудятся на стройках, промышленных предприятиях, в том числе за пределами республики.

Когда я думаю о могучей силе братства, перед глазами возникает Нурек. Я его назвал бы монументом братства. Это сооружение уникальное, таких мало в мире. Плотина высотой 300 метров строилась в невероятно сложных условиях, в горном ущелье. Здесь воплотились последние научные достижения нашей страны. На Нуреке работали многие десятки заводов, научных учреждений, а соорудили представители больше чем 40 национальностей. Здесь получила мощное развитие наша сейсмологическая наука, было сделано важное открытие о возбужденной сейсмичности. Здесь родилась новая форма соревнования — рабочая эстафета. Благодаря ей со всего Союза вовремя доставлялось оборудование, турбины, рабочие агрегаты. Нурек стал сердцевинной таджикской территориально-промышленного комплекса. Теперь мы строим Рогунскую ГЭС, еще более мощную, чем Нурек.

К воде в Таджикистане, как вообще в Средней Азии, отношение особое. Есть у нас легенда о Фархаде, который для своей возлюбленной Ширин прокладывал дорогу воде через горы. В легенде воплощена мечта народа о воде. Так вот, московские метростроители и есть современные Фархады. Они пришли и прорыли тоннели для воды сквозь горы и дали живительную влагу изнывавшей от жажды безжизненной когда-то степи, Яванской степи. Сейчас там производятся тысячи тонн хлопка. Скоро такой тоннель будет пробит и в Дангаринскую степь. А когда через тоннель придет вода, степь превратится в рай. Здесь раскинутся хлопковые плантации, зацветут фиштакшковые, гранатовые рощи, виноградники. И, подобно тому, как вода возвращает земле способность плодоносить, Советская власть дала импульс к возрождению нашей, богатой древними традициями, литературы. Поэзия Мирзо Турсунзаде стала значительным явлением всей нашей советской литературы. Его стихи и поэмы нашли дорогу к сердцам миллионов любителей поэзии в нашей стране и за рубежом.

Таджикистан сегодня — высокоразвитая во всех отношениях республика. Экономика республики является неотъемлемой частью общесоюзного единого взаимосвязанного народно-хозяйственного комплекса. И к нам охотно едут, чтобы собственными глазами увидеть успехи Советского Таджикистана.

Что ж, пусть едут к нам, пусть учатся социализму, в основу которого мы положили могучую силу братства — интернационализм.

Мы спустились в прохладный подвал, подошли к двойной двери. Хранитель снял печать, отворил все замки. Широкое длинное помещение с низким потолком разрезано рядами железных, выкрашенных в зеленый цвет стеллажей. На них книги различного формата: маленькие, величиной с ладонь, огромные — один и не поднимешь. Несколько подслеповатых лампочек создают довольно тусклое освещение. «Очевидно, для того, чтобы не влиять на температуру помещения», — мелькнула догадка. И в подтверждение ее вижу различные датчики, укрепленные на стенах, словно в картинной галерее.

Так выглядит хранилище древних рукописей в столице Таджикистана — Душанбе. По богатству его можно сравнить со знаменитым на весь мир Матенадараном.

Совсем недавно переехали эти древние восточные рукописные книги в новое здание. Оно имеет вид огромного бетонного куба, с глубоко посаженными окнами, что предохраняет внутренние помещения от воздействия прямых солнечных лучей. Вход украшает резная массивная двусторонняя дверь с двумя парами латунных колец вместо ручек. Восточный интерьер с прохладными мраморными стенами и гулкой тишиной.

Милиционер на вахте — молодой сержант с пышными усами. Он пристал из-за своего стола, удерживая пистолет в раскрытых пальцах левой руки, правую приложил к сердцу: «Мар хабар! Здравствуйте! Что вам угодно?»

Отдел исследования рукописей и письменных памятников Института востоковедения Академии наук Таджикистана — и научное учреждение, где ведется большая исследовательская и издательская деятельность, и библиотека, где специалист может получить нужный ему оригинал, и хранилище. Здесь предусмотрены все условия для сбережения рукописей, проводится химическая и биологическая обработка, чтобы защитить их от времени и различных вредителей. В переплетном цехе рукописи реставрируют старинными способами, а не просто «переодевают» в новые переплеты: сокровища мысли и творчества должны быть сохранены в их первоначальном виде.

Руководит отделом крупный советский ученый-востоковед, сын знаменитого Айни, Камол Садриддинович Айни.

СОКРОВИЩА НЕ ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Основоположник таджикской советской литературы С. Айни в свое время сделал очень много для собирания памятников письменного наследия своего народа. Многие люди, имевшие дома старинные книги, несли их устуду Айни. Он их просматривал и объяснял, какую следует отвезти в Ташкент, какую — в Душанбе. Снабжал владельца рукописи запиской к должностному лицу, в которой указывал стоимость рукописи и просил оплатить этому человеку стоимость проезда. А позже, когда было решено создать Институт языка и литературы с рукописным фондом Академии наук Таджикистана, потребовалось большое помещение — Садриддин Айни предоставил свой дом.

Потом на базе рукописного фонда был создан Институт востоковедения.

Шедевры рукописного искусства и миниатюры собраны в отделе рукописей...

Печатная книга в Средней Азии появилась довольно поздно. — рассказывал Камол Садриддинович. — Поэтому на Востоке процветало искусство рукописной книги. Однажды созданное литературное произведение многократно переписывалось каллиграфами. Очень часто — по заказу высокопоставленных лиц, правителей или религиозных центров. Благодаря этому до нашего времени дошло большое количество художественно оформленных списков наших классиков.

Взгляните на эту рукопись. — Камол Садриддинович раскрыл громадный том в побуревшем переплете. — Это полное собрание сочинений Саади — «Куллият». Рукопись очень редкая, она была создана при жизни поэта в XIII веке. Есть все основания полагать, что Саади просматривал ее, так как был очень придирчив к переписчикам его стихов и следил за тем, чтоб они не искажали содержание.

— А что, такое случилось?

— Довольно часто... Видите ли, переписчик-каллиграф не был совершенно свободен, выполняя свой труд. Он не мог не считаться с интересами, а иногда и с капризами своих заказчиков, с проводимой политикой своего правителя, наконец, он находился под влиянием той культурной среды, в которую входил. И переписчик что-то добавлял от себя или, наоборот, пропускал. Так возникали различные варианты одного произведения. Сектор текстологии нашего отдела занимается восстановлением текстов произведений в том виде, в каком их создали авторы. Работа кропотливая, требует больших научных знаний, опыта... Необходимо не только внимательно слить имеющиеся варианты восстановления произведения, провести критический анализ, переработать массу текстологического материала, но и знать историю времени, когда создавались книги и когда они переписывались, литературу, обычаи.

Камол Садриддинович занимается текстологией, он имеет более двухсот научных работ, а шесть его книг переведены и изданы за рубежом. Здесь, в хранилище, я увидел и «Объяснение начал искусства астрономии» Абу Райхана Бируни, и рукопись о врачевании с прекрасно выполненными рисунками лекарственных трав, и единственное полное собрание сочинений Алишера Навои «Хажо-деван», и бессмертную «Шах-наме» великого Фирдоуси...

В конце концов я уже просто не мог уйти из этой уникальной библиотеки. И Камол Садриддинович, очевидно, уже по опыту зная реакцию посетителей, заговорил о чем-то постороннем и повел меня тихонько наверх из хранилища.

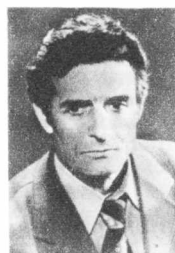
Рукописи, хранящиеся в отделе, не лежат, так сказать, без движения и служат не только для научных целей узкого круга специалистов. Камол Садриддинович одну за другой кладет на стол изданные массовым тиражом, прекрасно оформленные издания: Джамии, Хайам, Фирдоуси... По типу их можно отнести к академическим. Тексты переведены на русский язык и снабжены научными предисловиями, а каждая историческая деталь, каждое непонятное слово подробно комментируются. В некоторых книгах рукопись воспроизводится в виде факсимиле, так что ее можно читать и на языке оригинала. Здесь же помещены чудесные миниатюры, иллюстрирующие текст. Книжки, что уже изданы отделом рукописей, если их собрать вместе, создадут прекрасную и довольно представительную библиотеку ирано-таджикской классической литературы. Памятники древней культуры таджикского народа — эти поистине сокровища не за семью печатями — стали доступны каждому, как специалисту-ученому, так и широкому советскому читателю.

СТИХИ Т

Мирсайд
МИРШАКАР

Мумин
КАНОАТ

НАШ С ТОБОЙ МИР

Наш с тобой мир лучше всех
миров.
Наш с тобой кров —
Самый прочный кров.
То, что для страны
Или для народа, —
Это хорошо!
И не надо слов...

ЧТО ТЫ ЗА ЧЕЛОВЕК

«Давно ли молод был, а стал
седобородым,
Уж видится конец пути за
поворотом...»
Ты многое ль свершил
За свой короткий век?
Прикинь-ка на весах потерянные
годы
И те, что отдал ты служению
народу,
Поймешь и сам тогда,
Что ты за человек.

Перевел Ю. Гордиенко.

СЕРДЦЕ МОЕ ПРИНАДЛЕЖИТ РЕВОЛЮЦИИ

Доктор, жалоб на сердце нет
у меня,
Но растет благодарность день
ото дня.
Хоть мало оно —
Величиной с кулак, —
Но вмещает в себя оно много так:
Мою радость и горе мое —
Весь мир,
Все, чем враг ненавистен,
Чем друг мне мил.
И оно отзывается каждый раз,
Если к другу приходит нелегкий
час.
И Востока и Запада в нем борьба,
И восставшей колонии в нем
судьба.
В нем и тот, кто дерется за отчий
кров,
Кто за все человечество пасть
готов, —
Он,
Как в море тайфун,
Хочет жизнь прожить,
Чтоб корабль угнетения потопить.
Сердце не отдыхает.
Пока среди тьмы
Брат на волю не вырвется
из тюрьмы.
Мое сердце ликует,
Коль брат силен,
И горюет,
Коль слаб оказался он.
Нет,
На сердце не жалуюсь, хоть
давно,
Как подбитая птица, бьется оно...
В нем и грохот побед
И безмолвье обид —
Революция
В сердце моем горит.

Перевел А. Кронгауз.

УСТОД РУДАКИ

О, каждый вздох, что был
рожден твоею грудью,
Израненной душой, больного
сердца глубиной,
Стал песнею — и мир поэзии
проснулся,
И мир людей — рекой
под ветром — встрепенулся!
Стихи вошли в сердца, и в уши,
и в глазницы,
Их люди занесли на вечные
страницы:
Старейшую раскрыть из лучших
книг планеты —
Твои ученики доныне все поэты!
Живет твой каждый вздох,
страницы согревая.
И каждая из строк — твоя душа
живая,
Твой голос, твой напев, твой пыл,
твое горенье, —
Отсюда ввысь летят прекрасные
творенья!

УТРЕННИЙ РОДНИК

Ты течешь на заре из улыбок
цветов,
Нежен, светел, прозрачен...
От пристальных глаз
Ты мгновенно за камень
укрыться готов,
Как горянка, своей красоты
застыдась.
Золотой аромат источает вода!
О твоей чистоте надо ль
спрашивать мне,
Коль смешались в тебе все цветы
и цвета?!
Ты молчишь, сто мелодий тая
в глубине.
Как ты сладок, какого изящества
полн!
Ты игривей красавиц Дарваза,
родник!
Я губами коснусь твоих ласковых
волн
И из сердца печаль изгоню в тот
же миг.
Я напьюсь и туда, где сухая земля,
Унесу твою часть по наклонной
тропе.
Я зеленым сияньем украшу поля,
Друг всего молодого, в подарок
тебе!

Перевел О. Дмитриев.

Лоик
ШЕРАЛИ

Под подушку младенцу
Горцы хлеб непечатый кладут,
У обычаев древнего
Добрых, ясные цели:
Пусть же запахи хлеба

АДЖИКСКИХ ПОЭТОВ

С ним рядом по жизни идут,
Пусть же счастье его
Не разломленным будет,
а цельным.

Рядом камень кладут,
Чтобы крепкой была голова,
Чтоб осилила все — и ушибы
и раны,

Чтобы гордая слава
Коснулась крутого чела.
Пусть же только с победой
Возвращается он с поля брани.
И седые устои,
Обычай старинный верша,
Над младенцем склоняются,
Словно старые белые птицы:
Пусть же будет широкой,
Как хлебное поле, душа,
Пусть, как камень, крепка
Будет верность земле,
На которой родился.
Горы, как караваны,
Шагают в простор голубой.
Ты — погонщик,
Тебе их вести за собой.

Люди, счастливыми будьте,
Хороших друзей вам, люди!
В круговороте будней
Пусть вас и ждут и любят.
Живите открыто и мудро,
Морщин не считая тонких.
Как в зеркало, каждое утро
Смотритесь в лицо ребенка.
А провожая друга,
Скажите, вы замечали,
Как поезд молчит угрюмо
Или вздыхает печально?
Опыт старших и молодость —
Я вместе их славлю не даром:
Союз наковальни и молота,
Терпения и удара.
Символом созидания
Пусть он вечно пребудет.
В грохоте мироздания
Будьте счастливы, люди!

Перевел Г. Серебряков.

Гулрухсор
САФИЕВА

ГЛАЗА АЗИЗА

В них вижу звезды я воочью.
Наверно, так любая мать
В глазах сыновних днем и ночью
Умеет звезды различать.
В них доброта,
В них притяжение,
Они таким огнем горят!
И ложь пока ни на мгновенье
Не замутила этот взгляд.
В глазах сыновних мир светает,
Непознан, необъятен, нов.
Глаза детей — они не знают
Людских пороков и грехов.
В них тают все мои печали
И все обиды — без следа.
Правдивей их найдешь едва ли,
Они доверчивы всегда.
Смотрю, смотрю в глаза я сыну,
Дороги подступают к ним.
О как глаза его безвинны,
Как сын пока еще раним!
Он повзрослеет постепенно,
Но только бы ему в пути
Не испытать судьбы измену,
Сквозь униженья не пройти...

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Словно обманутая невеста,
В горе своем неутешном светла,
Среди колючек
Без свадебных песен
Дикая яблоня вдруг расцвела.
И не спешил к ней садовник
ретивый,
И не несли ручейки ей воды.
В память об этой любви
несчастливой
Горьки у яблони дикой плоды.

Из-за тебя я ошибалась,
Шла за тобой — с пути сбивалась.
Из-за тебя тому, кто друг,
Я стала ненавистной вдруг.
Из-за тебя узнал мой стих
Всю меру бед и слез моих.
Искал тебя, сбиваясь с ног,
Читатель мой в кольце дорог —
Из-за того, любимый мой,
Чтоб для меня взойшло с тобой
Еще одно на небе солнце...

Перевела Т. Кузовлева.

Гульчехра
СУЛЕЙМАНОВА

МОЙ ГОРОД

День, словно человек,
проश्тует вперед,
усталый от хлопот.
По городу несет и взад он
и вперед
людской водоворот.
О город мой родной! День этот —
твой и мой,
веселый и живой!
Вечернею порой счастливо
мы с тобой
торопимся домой.
С луной над головой — зимой или
весной —
торопимся домой.
Ты говоришь с огнем о том,
чем полон днем,
все говоришь о том.
Как житель и поэт, люблю я
много лет
твой озаренный свет!
Тепло влюбленных пар,
спокойствие чинар,
волнение бесед.
В домах окрест реки погаснут
огоньки,
задремлет тишина.
Один, потом другой — уходя
на покой
и люди и дома.
А в нашем — не уснет, хоть
полночь подойдет,
задумчивый народ:
Не ляжет он в кровать, а будет
жадно ждать,
когда придет черед.
И песни поплывут, как будто
из кают,
созвучные душе.
На третьем этаже... четвертом
этаже...
На каждом этаже!

Перевела М. Фофанова.

Камол
НАСРУЛЛО

МОЛЧАНЬЕ

Молчанье —
Ты всегда красноречиво.
Молчанье —
Ты улыбаешься учтиво.
Молчанье —
Ты и мудрому к лицу,
Молчанье —
Ты к лицу глупцу!

ДУМА О МАТЕРИ

Ночь, всю долгую ночь я думал
о ней.
Сколько встало меж нами дней!
Для чего уходим мы, сыновья,
Покидая своих матерей?
Я ушел, незаметно ушел от нее,
И унес ее силу с собой,
И унес ее юность, и радость ее,
И унес ее сон и покой.
Я ушел, я ушел и унес в глазах
Свет очей ее, влагу слез,
И улыбку ее унес на губах,
И в душе ее душу унес.
Я ушел от нее, чтоб найти себя,
Но навеки остался в ней,
Сколько б я ни узнал, как бы ни
поумнел —
Я не стану ее мудрей.
Я ушел от нее, чтобы жизнь
постичь,
А секрет-то был под рукой:
Тайна жизни сокрыта в ее душе,
Для чего ходить далеко?
Возвращаясь к ней —
возвращаясь к себе,
Набираюсь ума и сил.
А тогда, когда от нее уходил,
От себя самого уходил.

Перевела О. Чугай.

Саидали
МАМУР

Ты спрашиваешь: кто я?
Отвечаю.
Я — след от жизни матери моей.
Я Родины опора и солдат.
Мне никогда не стать лежачей
глыбой.
Я весь в движение и в порыве, ибо
за жизнь мою погибшие
в сраженье
на жизнь мою внимательно
глядят.
Ты спрашиваешь: кто я? Отвечаю.
Тридцатилетний сын родного края.
Любовью мне в поэзию идти
наказано по светлomu пути.
Хотя я в жизни испытал немало,
но верить в жизнь душа
не перестала.
Я знаю, что ровесники отца
за жизнь мою сражались
до конца.
Я — древнего народа
продолженье,

прекрасных женщин, доблестных
мужчин.

Со мною вместе — наше
поколение.
Во множестве людей меня ищи.
Ты спрашиваешь: кто я?
Отвечаю.
Любовью материнской я рожден.
Солдат страны, певец родного
края,
я самой лучшей долей награжден!

ЗЕМЛЯ

Земля!
Моя добрая старая мать...
Морщины глубокие — рывтины,
трещины
чело твоё тронули, мудрая
женщина.
Но сколько же людям смогла ты
отдать!
Земля!
Моя матушка, дней моих свет,
ты не одинока сегодня, о нет.
Живые, погибшие ли сыновья,—
опора твоя и надежда твоя.
Земля!
Моя добрая старая мать,
ни мне, ни тебе не дано умирать.
А если умру, то, как сын твой
любимый,
в объятьях твоих буду жить я
опять...

Перевел С. Золотцев.

Гульназар
КЕЛДИ

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Последний кончился урок,
Последний прозвенел звонок,
И школа, словно мать родная,
Нас проводила за порог.
Там ощутили мы сполна:
Дорога кончилась одна.
Мы взрослыми себе казались
И были пьяны без вина.
Взор наш летел за окном.
Кто знал о будущем своем?
Но пробил, пробил час разлуки.
Мы это позже лишь поймем.
Земля не может жить без нас.
Но жизнь совсем не школьный
класс.

Мы разлучаемся надолго.
Греми, греми, разлуки час!
Так, отделившись от реки,
В поля уходят ручейки,
Чтобы земля не оскудела,
Чтоб саженьцы росли, крепки.
Мир обновляется вокруг,
И это дело наших рук!
Созвучны в мире мы друг другу,
Хоть и далек от друга друг.
Жива в нас память о друзьях.
А с нею нам неведом страх.
Мы — новые в поэме строки,
Мы — зеленая новая в полях.
Мы — края горного сыны,
Мы — сыновья большой страны,
Мы — песня голосов несхожих,
Но правде голоса верны!
Звенят, звенят, звенят звонки,
Но, годам быстрым вопреки,
Мы школы верности и чести
Бессменные ученики.

Перевел Н. Злотников.

ГЛАВА СЕМЬИ

Н. ХРАБРОВА

Фото А. ГОСТЕВА

Каноат Ходжамуллоев приехал в Пулисангинское ущелье, когда ему исполнилось двадцать два года. Прекрасный возраст: не на этом ли жизненном рубеже, как в глубинном пласте, заложены все источники грядущих радостей и неудач? Окончен институт, начинается самостоятельная работа. Хорошо, если сбылись мечты и жизнь преподносит неожиданные и добрые сюрпризы. Но как часто бывает: вдруг оказывается, что институт был избран не тот — совсем не таким предстает трудовое поле, и сразу нелюбимой становится еще вчера желанная работа...

Кто виноват? Горы бумаг исписаны по поводу этой нерадостной проблемы. Ответ почти всегда однозначен: семья и школа повинны. Ну, а сам ты, семнадцатилетний мыслящий человек, хозяин своей судьбы?

— Мне кажется, я еще до школы знал, кем быть, — рассказывает Каноат Ходжамуллоев. — Отец у меня юрист, мама сельская учительница, да и дед в духе его времени был посвоему знающим человеком. Карандаш и бумага в доме имелись, я и пользовался ими — рисовал. Нет, рисовать-то меня до школы никто не учил, кажется, в семье и не умел никто, и уж никто не предсказывал будущей профессии. Просто перед моими глазами всегда была архитектура Фанских гор...

Фанские невезучие горы — со всех сторон они стиснуты гигантскими Зеравшанским и Гиссарским хребтами, почти десять месяцев в году недостижим внешний мир из-за того, что все закрыт и закрыт Анзобский перевал с его угрозой осей и снежных лавин.

— Из-за этого в Душанбе ездить приходилось через Самарканд, — говорит Каноат Шарипович. — Но теперь под перевалом начато строительство тоннеля.

Спасительные тоннели в горах!

Фанские прекрасные горы — синее око озера Исхандеркуль, Кухистан, кишлак Такфон. Здесь родился, рос и рисовал поднебесные хребты Каноат Ходжамуллоев. Узкие высокие пики, облака и льды на их вершинах спаялись в плотные пласты, черными зигзагами ветвясь в ущелья, за ребра скал непонятно как цепляются крохотные облачка розового миндаля. Ниже в альпийских лугах цепочками бродят далекие стада, еще ниже в расселинах скал теснятся кишлаки, серебристыми нитями сбегают вниз ручейки и растет урюк.

Так было в жизни, так было на рисунках.

...Уже в старших классах школы я точно знал, что архитектору надо считаться с поточным методом строительства, — продолжает Каноат Шарипович, — надо мириться с долей «привязки к местности», уважать стандарты домостроительных комбинатов, потому что народу нужно много домов, и побыстрее — чем скорее, тем лучше. О другой профессии я просто не думал. Мало самостоятельности в этой работе? Но ведь если человек захочет сказать свое слово, и оно будет правильным, и сказавший его сумеет доказать свою правоту, слово не останется несказанным.

Несомненно! Только удивительно: где-то далеко, отгороженный от мира стенами трех горных хребтов, семнадцатилетний человек

сам, без всякой подсказки со стороны, опираясь на газеты и книги да на зов своего дарования, выбирает профессию — ответственнейшую из ответственных — и встает на позицию нужного народу искусства.

— Да нет, не очень удивительно, — улыбается Каноат Ходжамуллоев, и правда: что же тут удивительного, ведь Советская Таджикская Республика ненамного моложе всего Советского Союза, и голос советского образа жизни давно уже хорошо слышен в самых далеких горах.

— Вы ведь знаете, — продолжает Каноат, — Таджикистан на девяносто три процента горная страна. Я горный таджик. — Слова «горный таджик» прозвучали гордо. — Естественно, мне хотелось строить в горах. Я мечтал о Нуреке и попал сюда...

По велению истории это Пулисангинское ущелье, эти крутые извилины Вахша стали горячей, огненно-горячей точкой! Здесь пленением Ибрагим-бека закончилась измучившая Таджикистан борьба с басмачами. Уже этим одним вошли бы в летопись Таджикистана названия ущелья и кишлака Нурек. Но главное было впереди. Именно тогда, на грани войны и мира, в пылу преобразующих дней и лет, изыскатели, перед лицом будущего не боявшиеся ни басмачей, ни безвестности гор, проходили непроходимыми местами, подсчитывали гидроэнергоресурсы горных таджикских рек. Ресурсы оказались огромными — не менее двадцати пяти миллионов киловатт, большая часть их kloкотала в бешено несущемся со склонов Вахше. Здесь, в Пулисангинском ущелье, воде предстояло стать могучим электричеством, а небольшому кишлаку превратиться в столицу энергетиков. Тысячи людей, жаждущих настоящего дела, приезжали и приезжали сюда. Одним из них был архитектор Каноат Ходжамуллоев.

Когда он приехал, город был в общих чертах уже готов. В десятках альбомов и кинолент, на сотнях фотографий мы видели серебряные султаны и дуги фонтанов Нурека, зеленые ливни его плакучих ив, атласную нежность цветущих кувшинок в прудах, выбитых в скале. Люди, никогда не бывавшие в Нуреке, и те восхищались новозданной красотой, а что уж говорить о его строителях! И двадцатидвухлетний архитектор, знающий цену камню, жаре и воде, с замиранием сердца слушал шелест фонтанов — кому из горцев они не казались хрупким миражем? А в ущелье, сложенная тысячу лет назад, оживала легенда об освобожденной воде. На глазах росла плотина. Достигла проектной высоты в триста метров, облицовалась темно-розовым камнем, образовала море. Сочетание белого здания ГЭС, темно-розового рукотворного утеса плотины, бирюзовой воды и серебристого металла электропередач воцарилось в ущелье. С поразительной гармонией функциональное соединилось с прекрасным.

А город? С дороги, поднимающейся на перевал, Нурек виден без кувшинок и фонтанов: обыкновенные коробки типовых зданий, стиснутые Вахшем да хребтами Сандук и Кухи-Нор. Проектировали его ташкентцы из Средазгидропроекта. Талантливые люди, со вкусом, но не меджуны; влюбленные в свою прекрасную Лейлу — музу архитектуры, они, однако, не кинулись создавать сказочные дворцы в восточном стиле. Они помнили, должны были помнить: строителям без промедления нужны квартиры. Домостроительные комбинаты начали «печь» новые дома, как булки, и Нурек каждый день праздновал свадьбы и новоселья. Хотя и немудрящая, но отдельная квартира в обычном типом

вом доме была простым человеческим счастьем, без которого не бывает семьи и не любя работа.

Новый город жил в состоянии большого духовного подъема: новоселья, пуск первого агрегата, второго, третьего, и, наконец, 30 сентября 1979 года дал ток последний, девятый... Пока строилась ГЭС, сформировался город. Открылись большие разные магазины, поликлиника и больница, детские ясли-сады — их особенно много надо было Нуреку, ведь средний возраст жителей едва достигал тридцати лет. Дворец культуры открылся, кино-театр, Дом быта, гостиница, рестораны, кафе и чайханы... Так вырос город — очень разумно спроектированный, удобный для жизни. И едва появившись на свет, сразу сделался главой семьи других новых городов: ведь Нурек — отец воды и энергетики, сердце Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса. Вместе с первой водой, хлынувшей в оросительную систему Яванской пустыни, там вырос юный белый город Яван; вместе с электропередачей на плато Регар появился город Турсунзаде; с началом строительства новой ГЭС в сумрачно-прекрасном ущелье Рогуна вырос поселок городского типа Обигарм, и строится сейчас в горах город-богатырь Рогуна; на подходе еще один поселок городского типа — Кибич, обитель строителя Байпазинской ГЭС. А недалеко от Рогуна изыскатели уже опять трудятся на вершинах скал и в глубине ущелий — исследуют площадку для строительства ГЭС XXI века — Шурабской. Значит, быть на Вахше еще одному городу...

Каждый из этих городов, как и положено детям, чем-то будет похож на Нурек. И каждый из них должен быть лучше Нурека. Потому что время бежит вперед, и проектировщики в своей любви к прекрасной деве Архитектуре все больше становятся если не меджунами, то мастерами. Все удобнее планировка квартир, все красивей рисунок панелей, составляющих фасады, — теперь фасады новых домов Рогуна, например, могут быть и дворцом в восточном стиле под стать.

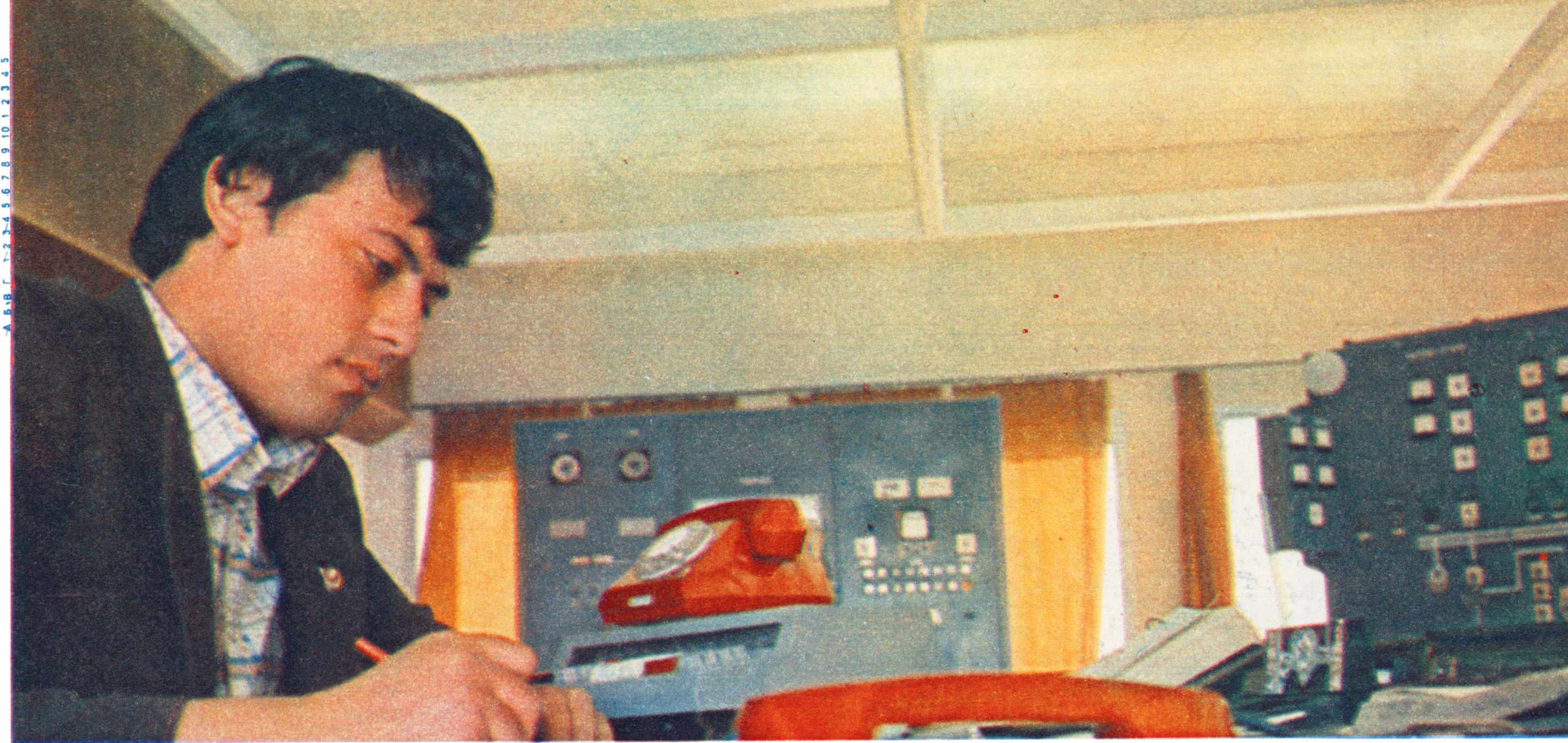
А горком партии Нурека, и горисполком, и главный архитектор Каноат Ходжамуллоев ни на минуту не забывают о том, что Нуреку еще много десятилетий предстоит быть примером для новых городов и в архитектуре и в образе жизни.

И вот сидим мы с Каноатом Шариповичем на скамеечке под солнцем, разговариваем. Перед глазами в светлые потоки весны сливаются золотые лучи, нежно-зеленые ветви ив, струи фонтанов. За спиной все время звучит музыка — это во Дворце культуры проходит смотр детской самодеятельности, дети, от мала до велика нарядные, красивые, здоровые, толпами идут друг другу навстречу, одни с концерта, другие на концерт...

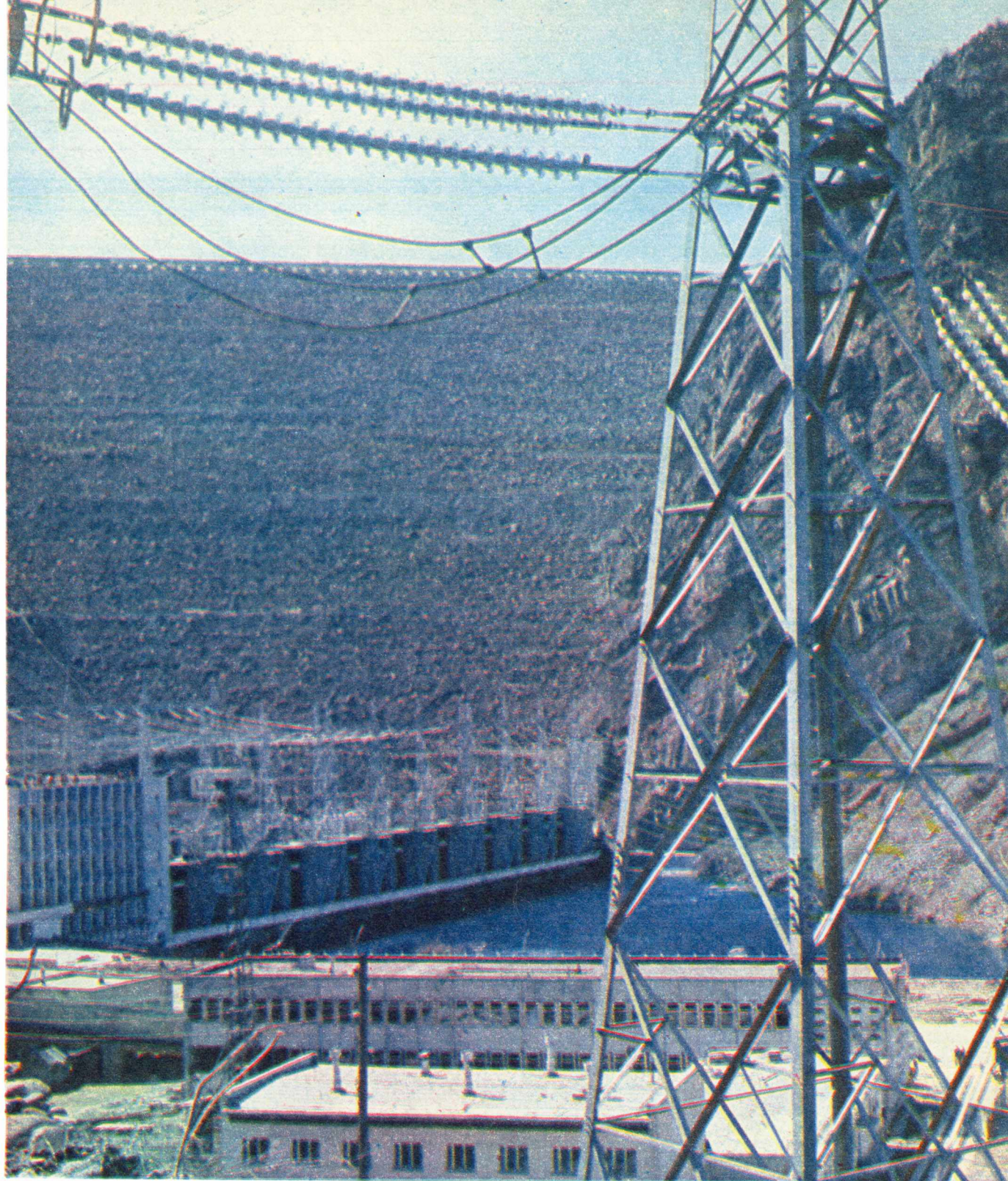
«Как хорошо, красиво, покойно!» — думаю про себя.

Пульт управления Нурекской ГЭС. Дежурный инженер Саид Абдуллоев * Город и горожане.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Юность Нурека * ГЭС — размах и величие * Овощи — круглый год * Лепешки по-нурекски * Здесь шьют наряды для детей * Украшение сквера — розовый камень со дна Вахша.

— Какие беспокойные дни и годы еще предстоят! — словно возражая мне, говорит Каноат Шарипович. — Видели, как разворочена набережная Вахша? Хотите знать, какой она будет? Откосы берегов станут зелеными, все в декоративных кустарниках и цветах, и ничего случайного, неудачного тут не должно быть: Нурек заключил с Ботаническим садом нашей Академии наук договор на десять лет, на двести тысяч рублей. Ученые-ботаники будут консультировать нас, снабжать саженцами и семенами. Прилегающую к воде отсыпку сделаем из каменных местных разноцветных пород. Обязательно будет красиво. А люди ведь любят свои города не только за то, что в них родились, или за то, что, допустим, Дом быта хорош, но и за красоту.

И знаете что? — продолжает главный архитектор. — И дома и улицы, если что в строительной спешке не так получилось, всегда ведь можно исправить. Когда началось строительство города, бурное и быстрое, как рост ГЭС, проектировщики брали за основу надежный старый типовой проект. Простой до предела. Поэтому дома ставили быстро, и вскоре все строители поселились в отдельных квартирах. Но фасады домов сразу потребовали эстетики. Вот взгляните: в некоторых из первых зданий мы закрыли лоджии длинными этернитовыми пластинами. Всего-то, а появилась стиль! Теперь многие фасады мы облагораживаем декоративной кладкой из местной гальки по цоколю и вокруг дверей. Дома становятся и прочней, и аккуратней, и своеобразней. Только не надо гальку лаком покрывать, она от этого мертвеет, а от света и влаги оживает. Но самый красивый декоративный материал — это наш красный или, скорее, темно-розовый песчаник. Из него мы строим подпорные стенки и укрепляющие барьеры, в горах без них нельзя. Видели систему барьеров у здания швейной фабрики, на въезде в город, на улице Ленина? В этом затуманенно-красном камне есть такая своеобразная грубая краснота. Камня этого у нас тут целые горы, в дальнейшем он придаст нашему городу и его отпрыскам чисто нурекскую неповторимость. И будет это данью уважения людям.

...Люди Нурека. Вот Гавхар Садыкова, бригадир тепличного комплекса. Невысокая, худенькая, немолодая. Очень быстрая, красивая в своем национальном наряде — пестром цветастом платье и в таких же шальварах, в белой накидке, прикрепленной к тюбетейке. Ее большое хозяйство — теплицы расположились на шести гектарах, они механизированы, нажимом кнопки открываются и закрываются крыши, регулируются температура и полив. Гавхар Садыкова со своей бригадой к началу весны успела вырастить и продать жителям города две с половиной тонны огурцов и помидоров.

— Салая алейкум, усто! Здравствуй, мастер! — здоровается с ней молодежь, и она командует девушками и парнями добро, весело, кивком головы и движением бровей. Женщина, которую в юные годы обучали беспрекословному повиновению мужчине.

Николай Григорьевич Савченков. Заслуженный строитель Таджикской ССР, член ЦК Компартии Таджикистана, депутат Верховного Совета республики, кавалер ордена Октябрьской Революции. Он приехал в Нурек опытным строителем с Каракумского канала. Четырнадцать напряженнейших лет отдал Нуреку, был начальником участка, начальником СУ плотин, заместителем главного инженера и главным инженером. Сейчас работает в Рогунах. Начальник новой огромной стройки. Мы познакомились с ним на одной из лихих дорог Рогунского ущелья. Наш спутник Абдулмумин Ойев, секретарь комитета комсомола, вдруг воскликнул: «Вот повезло нам! Смотрите-ка: «газик» Николая Григорьевича стоит».

Начальник стройки шел нам навстречу узкой тропинкой над Вахшем — приветливый, добро-

желательный человек в куртке, в высоких, испачканных сырой глиной сапогах. Разговаривать с ним было легко, он просто объяснял нам, отнюдь не знатокам, сложности гидротехники. Мы спросили его, не разлюбил ли он Нурек, взойдя на новую высоту в прямом и в переносном смысле: ведь плотина Рогунской ГЭС должна стать высочайшей в мире — 335 метров, и мощность Рогуна будет больше Нурекской — 3 миллиона 600 тысяч киловатт, и машинный зал в силу геологических условий будет строиться в скале, и разных тоннелей целых шестьдесят — так вот, не вытеснил ли Нурека из его сердца Рогуна? Николай Григорьевич усмехнулся:

— Разве можно разлюбить лучшие годы жизни? Я нурекчанин, и этим все сказано.

Наш старый знакомый Мухаббат Шарифов. Когда-то мы встретились с ним на строительстве здания Нурекской ГЭС. Начался монтаж опор внушительного сооружения. Было жарко. Мой коллега фотокорреспондент Алексей Иванович Гостев взобрался на макушку многометровой опоры и долго щелкал там фотоаппаратом, запечатлевая округу. Мы с Мухаббатом стояли внизу, и он рассказывал, что все его предки были животноводами тут же, в горах, а он решил стать строителем, и это у него получилось, работает бригадиром и будет стараться работать еще лучше. Так оно и произошло. После пуска девятого агрегата Мухаббату Шарифову присвоили звание Героя Социалистического Труда, был он делегатом XXVI съезда партии. Теперь работает бригадиром же на Байпазинской ГЭС, живет, конечно, в Нуреке.

— Семья прибавилась?

— Разумеется. У меня уже семеро детей, старший, Хоним, ходит в шестой класс, а Дебогул, младшей дочке, девять месяцев. Хорошо идет жизнь.

...Алла Петровна Смирнова, заслуженный врач, акушер-гинеколог.

— Медики всегда рядом с людьми любой профессии, и к этим стройкам на Вахше мы здорово причастны. Я здесь с 1962 года, мой рабочий стаж — ровесник Нурека. На моих глазах маленькая тогдашняя больничка стала основой стройной системы городского здравоохранения, а я уже принимаю детей тех, кого принимала здесь впервые.

...Валентина Александровна Бурдун. От роду двадцать семь лет. Худенькая, в брюках и рабочей спецовке, с мальчишеской стрижкой и обаятельной улыбкой. Но, несмотря на возраст и улыбку, никто не пытается быть с ней запанибрата: есть в ней нечто властное, решительное, умное, что и побудило дальновидное начальство назначить ее — не более не менее — начальником машинного зала Нурекской ГЭС. Не только инженеры-турбинщики, но и сами турбины, как показалось мне, почтительны с ней.

...Скалолазы. Молодые, поджарые, опаленные солнцем и ветром отважные парни — таджики, русские, украинцы, казахи — живут в Нуреке. Каждое утро со своими «кошками» и ледорубами на стальных тросах они поднимаются по отвесным стенкам скал, то неподатливо твердых, то опасно выветренных. Опоры ЛЭП на горных хребтах, подвешенные мостики над пропастями, устья тоннелей, асфальтированные дороги в боках скал — все начинается с них. Они, мастера спорта и разрядники, становятся изыскателями и рабочими, вооружаются отбойными молотками и сварочными аппаратами, проходят первыми и, подготовив рабочее место другим, уходят дальше: сбрасывать в пропасть грозно нависшие над строительной площадкой камни, устанавливать сетилловушки для возможных камнепадов и селевых потоков, обеспечивать безопасность работы в непредсказуемых условиях гор.

— Неужели вам не страшно? — спрашиваю только что спустившихся с рогунской скалы Виктора Хижчука, Сашу Жигалова, Юсуфа Кахарова, в просторечии Юру.

— Страшно, — отвечает Саша. — Извините меня, в горах только дураку не страшно.

— Но разве не в преодолении страха человек становится человеком? — продолжает Виктор Хижчук.

— Есть такое шестое чувство — способность предугадать опасность, — это Юра Кахаров говорит, — такое чувство рождается знанием гор.

— Да и где же работать альпинисту, если не в горах? — Саша пригревает мокрого, только что спасенного, свалившегося было в Вахш ценка Бульку. — А после гор до чего же хорошо возвращаться домой, в семью, к детям.

Дети Нурека. Сама не знаю, чем — то ли разноманностью волос и разным цветом глаз, а может быть, легким акцентом в русской речи, а может быть, святым чувством дружбы без оглядки на национальность, дружбы, свойственной в этом интернациональном городе и детям и взрослым, — право, сама не знаю, чем, а только напомнили мне они детей Артека.

И архитектор Каноат Ходжамуллов, глядя на них, прыгающих у фонтана, сказал:

— У нас тут теперь такое правило: чтобы в каждом дворе непременно была хорошая игровая площадка. И вообще внутренние дворики, образованные перекрещением главных улиц с проездами, должны в соответствии с климатом и восточной традицией стать как бы еще одной, общей для нескольких домов, большой, уютной, тенистой и любимой комнатой. Пока эти «комнаты» еще не в том виде, как хотелось бы. У меня тут есть приятель, преподаватель рисования в художественной школе Сергей Канишев, он русский, но у него очень сильно развит восточный вкус. Вместе будем перекраивать, озеленять, обставлять дворы. Мне, например, хочется где-нибудь в хорошем уголке, в центре построить лепешечную. Наши нурекские лепешки того заслуживают. Лепешечную из красного камня, конечно, с настоящим тондуром... А пока нам с вами следует съездить в детский сад «Огонек» — посмотрим, что можно сделать с обыкновенным типовым проектом.

В «Огоньке», окруженном невысокой стеной все из того же красиво-грубого темно-розового песчаника, простор и солнце. После затянувшейся зимы начинают расцветать белые и розовые декоративные деревья, острыми иголочками появляются из земли яркая трава и юные вьющиеся растения оплетают решетчатые стенки теневых навесов. В детском саду двенадцать групп, для каждой — свой навес: целый городок легких, уютных летних сооружений. Есть открытый детский театр в окружении просыпающихся роз. Но самое прекрасное — это три торца типового здания, три ярких художественных панно: сколько солнца, звезд, цветов и красивых людей создали для детей два архитектора — Каноат Ходжамуллов и его друг по институту Станислав Золотов — и их приятель художник Леонид Хушватов. В яркой смальте и керамике панно, в простых и понятных детям художественных образах заключена путеводная нить к пониманию искусства.

— Архитектура и живопись всегда влияют и на детей и на взрослых, — говорит Каноат Шарипович. — Облагораживают... Красота нужна и необыкновенному человеку и обыкновенному, гению и ремесленнику, поэту и инженеру... Чтобы не быть монотонным, современный город нуждается в нестандартных индивидуальных проектах.

— Есть в Нуреке такие?

— Идемте покажу.

За грудами земли на строительной площадке видны два здания — уже действующий дом связи хороших пропорций, и еще одно — не слепяще-белое, а с мягким, чуть желтоватым, точнее, песочным оттенком. На фасаде крупнопластовая лепка — как бы листья раскрытой книги или листья сильного дерева.

— Автор, скульптор из Московского комбината монументального искусства Виктор Прус, назвал лепку «Древо познания». Сюда к шестидесятипятилетию Октября переселится наша библиотека. Здание рассчитано на сто двадцать тысяч томов, и самым замечательным будет наше знаменитое собрание — двенадцать с половиной тысяч книг с дарственными надписями литераторов. Насколько я знаю, такого собрания нет ни в одном из новых городов страны.

...Николай Григорьевич Савченков рассказывал: из двадцати пяти миллионов киловатт гидроэнергии в Таджикистане освоено три миллиона и три миллиона шестьсот тысяч осваивается. Все остальное принадлежит потомкам. И пример города Нурека пусть светит им, потому что Нурек — весна таджикской энергетики. И вообще весна...

Так начинается плотина Рогуна * Бригадир проходчиков Ю. Шульга * Один из шестидесяти рогунских тоннелей * Виктор Хижчук, Юра Кахаров, Саша Жигалов... Они скалолазы.

КАК ДЕЛА, КИНО!

Высокий бородач-портье раскрыл мой паспорт и улынулся: «Добро пожаловать из Москвы в... Москву!» И верно — ведь дом, где мне предстоит прожить эту неделю, называется отель «Москва».

Выхожу из отеля и попадаю в шумный людской водоворот. Солнце греет совсем не по сезону, и молоденькие белградки в пальто нараспашку бесстрашно топают по лужам в сапожках на тонких каблучках. В толпе, оглушая прохожих пронзительными воплями: «Семейки, семейки!» — шныряют мальчишки с плетеными корзинами. Не удержавшись от соблазна, покупаю у одного из них кулечек с жареными тыквенными семечками. В моей памяти о прошлых поездках в Белград семечки неотделимы от кино, — их продают в любом кинотеатре. В прежние мои командировки в эту страну фильмы были отдыхом после рабочего дня. На этот раз мой первый рабочий день начнется с кино. Я должна увидеть не один, а несколько самых популярных у зрителей картин, — мне предстоит беседа о жизни югославского кинематографа с директором Института кино режиссером Предрагом Голубовичем.

По пути в редакцию журнала «Иллюстрированная политика», в гости к которому я приехала, останавливаюсь у ярких витрин кинорекламы. Что идет в кино? Мужчину в смокинге, который целится в прохожих из пистолета, я сразу же узнаю, хотя американский супершпион Джеймс Бонд — агент 007 — изрядно постарел за годы скитаний на экране! В соседней витрине — итальянская комедия с участием обаятельного певца Челентано. Французский, шведский, английский фильмы — всего на этой неделе оказалось в прокате двенадцать лент, преимущественно зарубежного производства. Но меня-то интересуют картины, сделанные в Югославии! Внимательно выслушав мои планы, коллега из «Иллюстрированной политики» Лилиана Павлович, которой поручено помогать московской гостье, без колебаний называет два отечественных фильма, которые я должна увидеть, — «Сезон мира в Париже» и «Кто там поет». Но самый популярный у зрителей фильм — двухсерийный английский боевик «Калигула!» — сказала Лилиана и, испытующе глянув на меня, добавила: «Я, конечно, попробую достать тебе билет, но не знаю, выдержишь ли ты эти две серии?»

Позднее в кинотеатре «Одеон» я оценила всю деликатность этого дружеского предупреждения. Римский император Калигула из династии Юлиев-Клавдиев, прославившийся своей жестокостью, пона-

добился создателям фильма лишь для того, чтобы, прикрывшись фигурой исторического персонажа, протащить на экран откровенные порнографические сцены. Было досадно, что непристойный Калигула — тот самый молодой английский актер, который блистательно сыграл эсэсовского фанатика в фильме «Переход». И было очень тревожно за подростков, сидевших впереди меня с малиновыми ушами. В перерыве между сериями два десятка зрителей устремились к выходу. Здесь их бдительно караулили дежурные — на улицу можно было выйти только после предъявления паспорта или удостоверения личности с фотографией! «А в чем дело?» — заинтересовалась я. Мне объяснили — был случай, когда в одном из кинотеатров столицы была оставлена бомба. Объясняя, что мой паспорт остался в гостинице, и дежурные, очень симпатичные молодые ребята, не стали чинить препятствий.

Зато в кинотеатре «Белград», где шел фильм Слободана Шияна «Кто там поет», я оказалась свидетелем обыкновенного чуда. Трепетно, восторженно, со слезами и смехом, зал переживал трагикомические события, которые происходили с пассажирами нелепого, напоминающего самовар на колесах автобуса. Из глубокой сербской провинции в канун второй мировой войны ехали в Белград коммерсант, священник, учитель, крестьянин, уличный певец-цыган с мальчишкой, пара молодоженов. Эти

В Институт кино на встречу с режиссером этого фильма я шла с вопросами: почему в «Балкане» было так мало зрителей, а в «Одеоне» на скандальную картину все билеты распроданы? Отчего в репертуаре белградской кинонедели так мало отечественных лент? Каков он сегодня, массовый кинозритель Югославии?

...Институт занимает несколько скромных комнат, где размещается весь штат этого учреждения — директор и семеро сотрудников. Круглолицый, улыбчивый крепыш в свитере — это и есть директор. Предраг Голубович пожимает мне руку, представляя своего старого друга, врача по профессии, который участвует в создании документальных фильмов, и журналистку, которая ведет на телевидении передачи о кино.

— Вот послушайте, о чем наш разговор, — взволнованно обращается ко мне директор, — хотя это кажется невероятным, но это, наконец, произошло. Зрители стали предпочитать западным фильмам наши югославские!

В руках у директора листки с

венного кино, и Предраг Голубович положил передо мной один из солидных томов.

— Вот тут отражено самое тяжелое время жизни нашего кино — 60-е годы. Мы называем их «черной волной», потому что тогда кинематограф потерял зрителей. Отчего? Мы делали картины, подражая модному тогда французскому кино, у которого были свои идеологические задачи, свои герои и жизнь их не имела ничего общего с жизнью наших зрителей.

— А теперь можно говорить о ренессансе отечественного кино?

— Да, это именно ренессанс, хотя по-прежнему мы делаем в год не больше тридцати фильмов и по-прежнему, начиная съемки нового фильма, ты не знаешь, хватит ли денег на то, чтобы его успешно завершить...

Эти горькие слова перекликались с интервью, напечатанным в «Иллюстрированной политике» под заголовком «Завещание процветающего человека». Триумфально завершив минувший год, — он снялся в четырех фильмах, — актер Драган Николич объявил,

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ В БЕЛГРАДЕ

милые и на первый взгляд вполне безобидные люди сели в автобус, не подозревая, что в конце путешествия их ждет гибель во время первой бомбежки столицы. Великолепный ансамбль актеров психологически тонко в комических и драматических ситуациях раскрывал человеческую суть каждого из этих персонажей и показывал всю глубину нравственного падения тех, кто в атмосфере предвоенного психоза утратил достоинство, мужество, порядочность. Я покидала кинозал с уверенностью в том, что Слободан Шиян не просто развлечет зрителей, но многих из них заставит задуматься: а сам я всегда ли правильно поступаю?

...Поздним вечером я отправилась в «Балкан», где можно было посмотреть «Сезон мира в Париже», уже сошедший с первого экрана. Я приехала за двадцать минут до начала сеанса и удивилась, что зрительный зал оказался не так уж много. А между тем в этом фильме участвовали такие популярные актеры, как Драган Николич, Предраг Манойлович и зарубежные звезды Мария Шнейдер, Раф Валлоне, Паскаль Пети!

Герой фильма — югославский молодой журналист, который приехал в Париж, чтобы отобрать кадры кинохроники для будущего фильма, становится свидетелем того, как здесь, в этом прекрасном городе, в мирные дни орудут оголтелые террористы. Прошлое — дни фашистских зверств, навсегда оставшиеся в памяти этого югослава, и день сегодняшний в Париже, наполненный страхом, ненавистью, сошлились на экране, вызывая к нам: **ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!** Страшные призраки прошлого, призраки нацизма живы — это они вдохновляют террористов, и самая сильная сцена фильма — встреча югославского журналиста с бывшим эсэсовцем Мюллером, который ныне бойко торгует в Париже мундирами со свастикой, касками, штандартами и прочими фашистскими регалиями.

колонками цифр, и он зачитывает их. В Сербии, например, югославские картины из числа десяти главных фильмов минувшего года посмотрело 600 тысяч зрителей, а зарубежные — вдвое меньше. Три-четыре года назад отечественные фильмы занимали только семь процентов в кинорепертуарах, ныне — двадцать процентов.

— А вот тут я вижу печальные цифры, — замечает собеседница директора, — по стране растет число закрывающихся кинотеатров.

— Верно, это черная страница, — соглашается он. — Нас очень беспокоит такое положение, а что поделаешь? Телевидение — вот кто отнимает у нас зрителей! К тому же у нас в кинотеатрах работают в основном энтузиасты, почти бесплатно...

Как же помочь кино? — спрашиваю я, и этот вопрос вызывает жаркое обсуждение. Суть его сводится к тому, что причина всех проблем, с которыми сталкивается кинематограф, — недостаток средств, выделяемых на развитие отечественного кино. В институте прекрасно осведомлены обо всем, что касается этих проблем. Созданный сразу после войны, он за минувшие годы проделал огромную работу, собрав и проанализировав все данные о производстве, прокате и продаже не только югославских, но и зарубежных фильмов, которые демонстрировались в стране с 1945 по 1981 год. Здесь есть многотомная библиотека на тему жизни отечест-

что больше не станет сниматься в фильмах, на создание которых отпускается так мало средств, что в целях экономии актеру приходится порой даже рисковать жизнью.

— Может быть, это просто капризы «звезды»? — спрашиваю я Предрага Голубовича, который работал с этим актером, сыгравшим главную роль в «Сезоне мира в Париже». Он машет рукой, какие там капризы! Порой ему, режиссеру, приходилось из-за недостатка средств садиться за руль автомобиля и отвозить группу на съемочную площадку.

— Скажите, как родилась идея фильма? Я смотрела его, и меня не покидала мысль о том, что журналист, воюющий с призраками прошлого, беспощадный к нынешнему злу и равнодушию, — это сам режиссер Предраг Голубович. Верное это предположение или я ошиблась?

Мой собеседник лукаво прищурился.

— В этом фильме нет выдумки — все правда! Много лет назад я действительно жил в Париже и учился снимать фильмы. Работал телерепортером, много ездил, очень полюбил эту страну, ее людей и увидел все то, о чем рассказывал в фильме. Я действительно встретился здесь с эсэсовцем Мюллером и неонацистскими молодчиками. Однажды мы с другом приехали воскресным днем в Нормандию, в тихий поселок на берегу. Зашли в один из домов и... опешили — за столом сидел

молодой парень и надраивал фашистский миномет! Спрашиваем: откуда он у тебя? А парень спокойно отвечает, что тут с войны осталось много немецкого оружия. Есть даже несколько танков и мотоциклов, и он с друзьями устраивает на пляже парады!..

В кабинете директора заходит разговор о тех, для кого ставятся фильмы. Массовый зритель Югославии — это 14—17-летние ребята. По мнению педагогов, это трудный возраст, а по мнению режиссеров — сверхтрудный. Человек в этом возрасте неустойчив: то ему смеяться хочется, то плакать, то он рвется созидать, то готов разметать и сокрушить все вокруг. И тем не менее он, этот неустойчивый массовый зритель, повернулся лицом к отечественному кино. В чем же причина?

— Во-первых, у нас появилась целая плеяда молодых талантливых кинематографистов, — объясняет Голубович. — Они получили отличное образование на специальных факультетах, созданных при университетах в Белграде, Любляне и Загребе. А во-вторых, и это, по-моему, главное, — наши фильмы стали все чаще затрагивать острые темы повседневной жизни. Возвращение зрителя в кинозалы, где идут такие ленты, свидетельствует о том, что люди приходят в кино, чтобы получить ответы на вопросы, которые они себе задают ежедневно. Наконец, тридцать наших ежегодных лент очень разнообразны по жанрам — это и комедийные, и приключенческие, исторические, военные фильмы...

— И какая тема все-таки преобладает?

— Военная. Треть из 600 фильмов, созданных у нас за минувшие годы, посвящена войне, и многие старые ленты живут до сих пор на экране. Огромное влияние на формирование нашего зрителя в первые годы после освобождения имели советские фильмы, такие картины, как «Чапаев», «Зоя», «Она защищает Родину». Своей правдивостью, высоким патриотизмом эти фильмы были близки сердцу югославов, потерявших в войну четвертую часть населения, и они воспринимались как фильмы «про нас», породив доверие зрителя к кино. Это и было первым этапом воспитания югославского кинозрителя.

— А второй этап?

— Он начался, когда кино заговорило на нашем родном языке и, что еще важнее, когда зрители стали узнавать себя в этих кинолентах. Самая первая наша картина, «Славица», снималась в Сплите. В сцене освобождения города участвовало десять тысяч человек, и участникам этой массовки не надо было объяснять, как действовать, — ведь пришли те самые люди, что освобождали город, пришли в своей фронтовой одежде, с настоящим оружием. Именно тогда кино стало очень важным и очень сильным средством воспитания нового человека. Настоящее киноискусство не имеет ничего общего с коммерческим кино. Я убежден, что такие фильмы могут и должны бороться за человека, за красоту и чистоту его души.

— О чем же будет ваш следующий фильм?

— Я нашел удивительные документы — допрос девушки-парти-

занки, попавшей в руки фашистов, когда она спасала любимого...

— Значит, снова фильм о войне?

— Это не случайная для меня тема. Я начал с героической комедии «Отважные», снял советско-югославскую картину «Проверено, мин нет!», несколько короткометражных, четыре полнометражных ленты, и все они — о войне. Я убежден, что в наши дни искусство должно своими средствами вести борьбу с теми, кто толкает человечество к новой мировой войне. И я счастлив, что на Международном кинофестивале в Москве «Сезон мира в Париже» получил не только специальный приз жюри, но и награду Советского комитета защиты мира.

БЕСЕДЫ О ТЕАТРЕ

Вот он, знакомый дом с просторным гулким подъездом. Третий этаж, на двери табличка: «Проданович». Нажимаю звонок. «Рада, что ты снова у нас! — обнимает меня Боряна. — Сейчас мама угостит нас чаем».

...Два года назад я впервые попала в этот гостеприимный дом, влюбилась в восьмидесятилетнюю, энергичную Милицу Проданович. Мать Боряны, первая в Сербии женщина — организатор библиотеки рассказала историю скульптурного изображения Ленина, созданного еще в 1920 году скульптором Мештровичем. Семья Продановичей скрывала на своей конспиративной квартире этот ленинский бюст от полицейских ищек. В их доме бывали прославленные революционеры, знаменитые писатели, художники. Позднее, когда дочь Милицы стала театральным режиссером и побывала на стажировке в Государственном институте театрального искусства, на чаепитии у Продановичей засиживались во время гастролей Юрий Завадский, Рубен Симонов, Юлия Борисова и другие прославленные мастера советской сцены.

На сей раз я встретила здесь с доцентом Ленинградского института театра, музыки и кино Валентиной Савельевой. С девятью студентами она провела две недели в Белграде. Существует традиция обмена студенческими группами и преподавателями между ленинградцами и югославской Академией театра, кино, телевидения. Заместитель декана факультета драматического искусства академии, Боряна Проданович тоже гостила со своими ребятами в Ленинграде. Но главная сегодня тема за чаепитием — обсуждение двух событий: рождения внучки, названной в честь бабушки Милицей, и премьеры «Трех сестер» в Югославском драматическом театре. Сначала нам показывают фотографии купания малышки. Потом Боряна увлеченно рассказывала о напряженных трех месяцах работы над спектаклем, который здесь поставил режиссер Г. Товстоногов. Слушая ее, постигаешь, отчего именно у таких, неистово влюбленных в театр педагогов студенты становятся учениками по духу.

С одним из них, третьекурсником Ненадом, я познакомилась на премьере чеховского спектакля. Вместе с Боряной Проданович он принимал участие в его создании, и будущего режиссера интересовали мои впечатления... о зрителях. Его вопрос меня удивил. «Зрители, их воспитание — большая проблема нашего театра, — сказал Ненад. — Видимо, тут сказывается привычка искать в театре только развлечение, а настоящее искусство должно пробуждать в человеке работу мысли». Я поинтересовалась, каким образом он думает перевоспитать зрителя. «Мы будем менять театр! — пылко воскликнул юноша. — Со временем появится иной, более динамичный театр, в котором объединятся лучшие ак-

теры и режиссеры, и такая труппа будет разъезжать по стране!

Интересно, что думает Боряна по поводу этой фантазии?

— Фантазия? Пожалуй, такое будущее театра в нашей стране вполне реально, — ответила она. — Но, честно говоря, меня куда больше волнует и беспокоит сегодняшний день театра, его настоящее. Тут у нас много, очень много проблем, а главная беда в том, что театр буквально задыхается от недостатка средств...

Снова, как и при обсуждении проблем жизни кино, всплыл этот же вопрос.

— Каждый театр сам должен о себе позаботиться, и он целиком зависит от зрителя: если он придет на спектакль — будет средства, а если не придет — пьесу надо снимать и срочно искать другую!

...Сразу же после окончания театральной академии, не смотря на уговоры родных, Боряна уехала из столицы в тихий городок Крушевац, где надо было создавать театр. Ей, режиссеру, было тогда 22 года, антрам — по 17—18 лет. И теперь она сама поражается своей смелости: она ставила психологические, сложные пьесы О'Нила, Сартра, но зрители — это были в основном необразованные, простые люди — жадно таялись к театру. Она вспоминала одну страшную, суровую зиму, когда волки появлялись в городе и на репетиции актеры ходили в сопровождении вооруженного милиционера. Она раздумывала — не отменить ли премьеру, — кто решится прийти в такое время в театр? Но премьера состоялась! Крестьяне соседних деревень пришли на спектакль со знаменами, как здесь принято ходить на свадьбы.

— Тогда, в пятидесятые годы, люди шли в театр за знаниями, и он способствовал пробуждению духовной жизни. Теперь же, бывая в Крушеваце, который стал современным городом с прекрасными кинотеатрами, магазинами и новым зданием театра, я вижу, что театр хиреет и духовная жизнь в городе угасает. Стандарт становится культурой, это болезнь XX века, но по сути своей болезнь потребительского общества, и с этим никак нельзя мириться! В дни моей юности в Белграде было пять театров, и каждый из них имел свое неповторимое лицо: в одном ставили Шекспира, в другом — национальную классическую пьесу... Сегодня театры все больше тяготеют к экспериментам, все стараются прослыть современными, чтобы заманить зрителей. И когда поиски нового идут в таком масштабе, национальный театр утрачивает свое лицо.

...Разговор о проблемах югославского театра мы продолжили в академии. Этот вуз недавно перебрался на другую сторону Савы, где раскинулся новый, многоэтажный Белград, и занял здание, построенное по последнему слову архитектуры. Здесь, в просторном, залитом солнцем кабинете, я встретилась с деканом факультета театрального искусства, писателем, театральным критиком, профессором Свободаном Селеничем и его заместителем, кинодраматургом Сретеном Ивановичем. Спрашиваю Селенича, что его, как театрального критика, больше всего радует в современном театре и что тревожит.

— Меня радует появление молодых драматургов и писателей, которые принесли в театр и кино тему современности. Правда, молодые часто преподносят современность в комедийном гротеске. Ну, что же, значит, так им легче

сказать о том, что их волнует. Очень интересно пишет для театра молодая Милица Новакович, которая рассказывает о сельской жизни очень поэтически и очень честно. Посмотрите ее «Камень под голову» — эта пьеса идет во многих театрах — и вы поймете, что причина ее успеха — злободневность. Правда, таких драматургов еще пока мало. А беспокоит меня, и беспокоит очень серьезно, недостаток средств для развития театрального дела. На днях в газетах было напечатано, что белградским театрам для закрытия бюджета минувшего года не хватает 25 миллионов новых динаров. Это огромные деньги! Недостаток средств ведет к снижению уровня развития театрального искусства. В коммерческих целях репертуары обновляются так часто, что спектакли не успевают «прижиться» на сцене.

Все трое моих собеседников единодушны в том, как пагубно для театра стремление драматургов переделывать «под себя» классику, порой заставляя героев Шекспира обсуждать проблемы современной семьи.

— В такой интерпретации от классики ничего не остается! — взволнованно говорит профессор Селенич. — Ведь меняется не только форма произведения, но и его содержание, и это не может не тревожить.

— Погоня за модой приносит огромный вред и театру и зрителю, — соглашается кинодраматург Иванович. — К нам приходит учиться театальному мастерству отличная молодежь, которая понимает все сложности будущей профессии и полна веры в искусство, и очень важно оправдать ее доверие. Мы очень дорожим деловыми контактами, которые сложились между нашим вузом, ленинградским театральным институтом, а также московским институтом кинематографии — ведь советское искусство известно своими достижениями во всем мире.

Кино, театр, педагогика сошлись вместе. Воспользовавшись этим, я задаю вопрос, который меня взволновал после фильма «Калигула» и обилия комиксов из серии «Катастрофы и секс», увиденных на прилавках книжных магазинов. Так ли безвредны для нравственного здоровья молодого поколения этот псевдоисторический фильм и эта псевдолитература? Профессор Селенич не склонен видеть в этом большую опасность, а кинодраматург Иванович даже уверен в... безвредности «Калигулы». «Наши зрители стали больше ходить на наши отечественные хорошие фильмы, — сказал он. — И это меня радует!» Что и говорить — отрядные перемены во вкусах массового зрителя. И все же можно представить себе последствия общения с таким «искусством» для человека с еще не сложившимся мировоззрением. Ведь искусство, как писал немецкий писатель, драматург Бертольт Брехт, «может отдать людям во власть дурмана, иллюзий и чудес, и оно может отдать мир людям. Оно может увеличить невежество. Оно может апеллировать к силам, показывающим свое могущество при разрушении, и оно может апеллировать к силам, показывающим свое могущество при созидании».

Окончание следует.

**А. ПОПОВ,
фото А. КОЗЬМИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Осенью 1854 года на пути из Аяна в Петербург после кругосветного путешествия на фрегате «Паллада» Иван Гончаров задержался в Якутске. Он пробыл здесь до морозов, когда окончательно стали реки и можно было двигаться дальше. Позже, оставив далеко позади якутскую землю, запишет: «Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там люди».

Безусловно, жесткие условия Севера (почти вся Якутия расположена в зоне вечной мерзлоты, в районах Оймяконья и Верхоянска температура нередко опускается до 70 градусов) наложили свой отпечаток на характер живущих здесь людей. Север, где часто требуется взаимовыручка и бескорыстная помощь, приучил человека быть добрым, отзывчивым, милосердным.

Добавим к этим качествам волю и целеустремленность, деятельный и созидательный характер — те проявления духовных свойств человека, без которых немислим облик современного жителя Якутии. И развились они не только под влиянием суровых природных условий. Их начало во многом положено той новой жизнью, широкой программой преобразования края — в прошлом «тюрьмы без решеток», места глухой ссылки всех поколений русских революционеров, — которая пришла в Якутию в советское время.

Якутия — край огромных богатств. Обделив здешнюю землю теплым солнцем и долгим летом, природа, словно извиняясь, щедро вложила в ее кладовые все, что было у нее в наличии. Кто не знает о знаменитом алданском золоте, алмазных россыпях Мирного, «черной жемчужине» края — Нерюнгринском месторождении коксующегося угля... Богата тайга ценными породами древесины, пушным зверем. Реки и озера не оскудели рыбой.

Республика старается поставить все эти во многом не тронутые ресурсы на службу народу. Поэтому Якутия строится — энергично, умело, с размахом. Вот что рассказал нам директор производственного объединения «Якутпромстройматериалы» Владимир Михайлович Курамшев:

— Объединение создано десять лет назад. А теперь полностью обеспечиваем цементом высокой марки «пятьсот» центральную и северную Якутию. До образования нашего объединения местные строители жили только на привозном материале. Сейчас начата широкая реконструкция многих цехов. Через два-три года надеемся достичь намеченной цели. Тогда вся республика будет полностью обеспечена своим цементом.

Характерная деталь, которая бросилась в глаза, когда мы знакомились с предприятием. Снег в окрестностях объединения был идеальной белизны, не валил из труб серо-пепельный дым, что нередко отличает цементные заводы. Директор объяснил, что на всех основных участках установлены чуткие электрофильтры, с помощью которых коэффициент улавливания пыли на предприятии удалось довести почти до ста процентов. Словом, здесь делается все возможное для того, чтобы в своей решительной поступи преобразователя природы человек не нанес окружающей среде смертельную рану.

Природа Якутии неповторима. И потому тяжело и глубоко страдает от грубого прикосновения. Достаточно проехать по тундре трактору, как на месте колес вскоре может образоваться настоящий овраг. Это следствие особых свойств вечной мерзлоты — «сибирского сфинкса», когда нарушение сложившегося в грунтах природного равновесия приводит к вытаиванию подземных льдов, а в результате — к просадке земной поверхности.

Как повести себя человеку в таких условиях? Как бережно и деликатно занять у природы ее богатства? Как созидать, чтобы все, что построено, стояло прочно, на века? Об этом думают в Институте мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук СССР.

И во многом благодаря помощи ученых этого института в республике научились ставить с помощью свайных фундаментов на вечной мерзлоте многоэтажные дома, корпуса обогатительных фабрик, электростанций. Здесь с гордостью рассказывают о первых в Якутии девятиэтажных домах Мирного, о строительстве — целыми кварталами — крупнопанельных зданий в Якутске, о возведении потрясающей воображение Вилюйской ГЭС, самого крупного гидротехнического сооружения на вечной мерзлоте. А сколько еще предстоит построить промышленных предприятий и жилья в районе Нерюнгри, где начато формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, на северо-востоке, где нефть и газ, в Алданской и Чаро-Токкинской железорудных провинциях.

— Но не забывайте, что наша земля богата не только природными ископаемыми, — выделила в беседе Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, бригадир овощеводов из совхоза имени Ленина Мегино-Кангаласского района Екатерина Иннокентьевна Новгородова. — Сила нашей земли и в ее плодородии. Да, не удивляйтесь... Издавна в центральной Якутии жили оседло, занимались в основном коневодством. Когда триста пятьдесят лет назад Якутия добровольно вступила в состав России — нынче мы празднуем и этот юбилей, — русские научили якутов сеять хлеб, сажать овощи и картофель.

Почти четверть века руководит овощеводческой бригадой Екатерина Иннокентьевна. В теплицах ее бригада собирает по девять килограммов помидоров и огурцов с каждого квадратного метра, а на полях — по 500 и более центнеров овощей с гектара. Специализированное звено на подряде получает по 170 центнеров картофеля на круг. И, что особенно важно, такие урожаи не только в бригаде Новгородовой — по всему хозяйству.

— Когда я только начинала работать бригадиром, мы получали на наших полях почти в четыре раза меньше, — вспоминает Екатерина Иннокентьевна. — Что изменилось? Почвы стали черноземными, климат потеплел? Нет, тут все дело в людях, которые работают с землей. Они стали более умелыми и заботливыми. Мы сначала многое делали интуитивно. Искали методом проб и ошибок. Иначе сейчас: в бригаду приходят девушки после Якутского сельскохозяйственного профтехучилища. Смотрю я на своих девушек и часто думаю: за ними будущее. А это значит, наша земля в надежных руках и распорядятся ею по-хозяйски.

Не раз вспомнились слова Новгородовой в Якутском государственном университете. Более семи тысяч студентов 27 национальностей обучаются здесь. Из стен университета выходят специалисты высшей квалификации по двадцати специальностям.

Те, кто учится сейчас в ЯГУ, через несколько лет придут на производство, в больницы, школы. Им предстоит решать многие вопросы и проблемы, связанные с гигантским размахом освоения природных богатств Севера. За ними будущее республики. И в университете понимают это — готовят студентов с вузовской скамьи к конкретной практической деятельности, учат самостоятельно мыслить и принимать решения. Учат быть руководителем смелым, инициативным, деятельным. Таким, каких требует современная жизнь республики.

Мы узнали, что в университете есть студенческое проектно-конструкторское бюро, где ребята творят и претворяют свои замыслы в жизнь. По студенческим проектам построено новое оригинальное здание литературного музея имени П. Ойунского — основоположника якутской советской литературы. В ЯГУ нас познакомили с работой студенческой общественной поликлиники, персонал которой — студенты медицинского факультета старших курсов — принимает больных, ставит диагнозы, дает направления в клиники, проводит большую санитарно-оздоровительную и профилактическую работу в общежитиях.

Хозяйствовать разумно и с толком, умело воспитывать нового человека — этому золотому правилу времени больших свершений учат в Якутском университете. И добрые семена ложатся в благодатную почву.

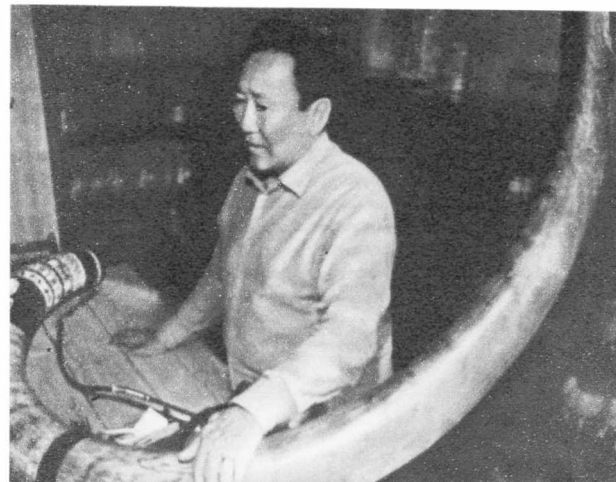
В подземной лаборатории Института мерзлотоведения. Лаборанты В. Рысаков и Л. Аносова следят за ходом эксперимента.

Т Е П

Работник звероводческой фермы совхоза имени Ленина Мегино-Кангаласского района П. И. Егоров.

Известный в Якутии резчик по кости Т. В. Аммосов.

В центре Якутска.

ПО СЕВЕРА

В теплицах бригады Е. И. Новгородовой (вторая слева) началась горячая пора.

Будущие математики. Занятия в университете.

Хоккей на льду Лены.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА V

КАК РАЗРУШАЮТСЯ СЕМЬИ

Когда Басков ушел, Ольга Андреевна предложила Серегину отведать клубники, которую привезла со своего садового участка. Но прежде надо было ее почистить, и они перешли в кухню.

Анатолий Иванович помогал хозяйке, они разговаривали, пытались вспомнить моменты особо замечательные, но это плохо получалось, потому что из довоенного Ольга Андреевна мало что могла восстановить в памяти, да и вообще вряд ли много найдет общих предметов для воспоминаний о детстве у двух людей, если один старше другого на одиннадцать лет.

— Как же вы войну-то прожили? — спросил Серегин.

Она помолчала, улыбнулась рассеянно.
— Сама не знаю... С топливом плохо было, мы с Матреной на станции угольную крошку собирали, в лес за хворостом ходили... Голодно жили, конечно... Матрена стирать по домам пробовала, иногда пяток картошек принесет, пшена стакан, но больше все сами стирали, а Матрене работу так уж давали, из жалости... Меня соседи иной раз пообедать пригласят... Игорь-то ничем помочь не мог. Он сначала курсантом на флоте был, в Ленинграде, в отряде подводного плавания. Получал какие-то рубли. Потом их в пехоту перевели, он сержантом стал, иной раз пришлет пятьдесят или тридцать рублей, и то не из жалованья, а как-то там разживется. Он писал, они ведь все на займ подписывались, на десятимесячный оклад, а облигации — в Фонд обороны. Все так делали, и он ведь не мог сказать, что у него дома сестра и нянька совсем без денег живут. Он же настоящий комсомолец был, правда?

Серегин вздохнул.

— Он замечательный был парень. А в комсомол мы вступали в сорок первом.

— Знаете, Игоря когда второй раз ранило, он в Ленинграде в госпитале лежал, на Горькой улице, это уже в сорок четвертом году было, блокаду уже сняли... Так он нам посылочки присылал, экономил из своего пайка... Хлеб сушеный, не сухари казенные, а сам сушил. Табак на продажу, сахар и даже витамин цз — маленькие такие пузыречки, а в них черносмородиновый экстракт — это ему против цинги давали... А один раз восемьсот рублей переводом получили... Они там в палате в карты по ночам играли, в очко, и Игорю иногда крупно везло... Про карты он в письме написал, а военная цензура не замазала, хотя эта фраза о картах была с двух сторон крестиками отменена — собирались, наверно, вычеркнуть, а потом оставили... А может, забыли... Ольга Андреевна рассмеялась. — Вот какая ерунда запомнилась.

— На войне всяко бывало, — сказал Серегин.

Они услышали, как возле дома на улице затормозила машина. Серегин выглянул в раскрытое настежь окно.

— Юра вернулся, шофер наш.

— Надо бы его в дом позвать, жарко на улице.

— И то верно.

Серегин пошел за Юрой, а Ольга Андреевна принялась мыть в дуршлаге очищенную клубнику, которой было почти целое ведро.

Когда Серегин привел Юру, Ольга Андреевна проводила его в ванную, где он умылся, а потом она усадила его за стол и поставила перед ним тарелку крупных красных ягод.

— Может, хотите со сливками? — спросила она. — У меня есть.

— Не-ет, — решительно отказался Юра. — Лучше в натуральном виде.

— Не стесняйся, — посоветовал Серегин.

Он вернулся следом за Ольгой Андреевной на кухню, и она спросила:

— Анатолий Иванович, а вы можете об Игоре подробности рассказать?

Серегин испытывал некоторую неловкость: что, собственно, мог он ей поведать, если сам не знал ничего, кроме виденного собственными глазами? Она поняла, что он в затруднительном положении, сказала:

— Вы хоть объясните, как его состояние. Не опасно это?

— Мой молодой товарищ все, собственно, вам рассказал. Что добавить? Я Игоря видел. Сейчас ему очень плохо, но он этого не чувствует. Полная потеря сознания.

— Его ударили?

— В затылок и в лицо.

— Изуродовали?

— Есть немного.

— А поведать нельзя?

— В принципе можно. Но я бы вам не советовал пока, Ольга Андреевна. Вот в себя придет, заговорит... А так что же — только расстраиваться.

У нее опять слезы навернулись на глаза, но она превозмогла себя.

Серегин посмотрел на нее несколько искомса и, словно нащупывая почву, сказал с мягкой усмешкой, стараясь не выдать собственного отношения к тому, о чем шла речь:

— Мой младший товарищ... как бы это выразиться... весьма озадачился.

— Чем же?

— Знал Саша Балакин, что у него дочь растет, или не знал?

Если Серегин и лукавил с Ольгой Андреевной, то совсем слегка и не в своекорыстных целях. Хотя поднятый им вопрос имел существенное значение для дознания, но он его задал больше для того, чтобы сделать плавный переход к другим вопросам, которые интересовали его просто по-человечески, а не как одного из участников расследования.

Ольга Андреевна обеими руками пригладила свои густые волосы.

— Нет, Анатолий Иванович, не знал. Я в тот момент, как он исчез, и сама не знала. А потом не появлялся, не писал...

Ей было явно невесело возвращаться в пятьдесят седьмой год.

— Ольга Андреевна, голубушка, расскажите, как Игорь с войны пришел, как вы тут жили... Очень мне интересно... И, поверьте, это интерес не постороннего человека.

— Понимаю.

— Да нет, — горячо возразил Серегин. — Вы многого не сможете понять. Я, в сущности, свинья. Жил в Москве пять лет после войны,

учился... И не нашел пяти-шести часов сюда съездить, юность вспомнить. Как ни говорите, а Игорь-то был моим единственным настоящим другом.

— Ну, хорошо, я расскажу. Только вы про клубнику не забывайте.

Она поставила перед ним миску с ягодами и розетку с сахарным песком, себе положила на тарелку пригоршни две, полила клубнику сливками из бумажного пакета. И вот что услышал Серегин.

— Игорь в сорок пятом демобилизовался по ранениям. Приехал в декабре. Я тогда в пятом классе училась. Сажу за столом у окна, домашние готовлю. Вдруг снежком в стекло — стук. Я думала, Генка, сосед, балуется. Окна у нас не замерзали, рамы двойные, между рамами Матрена вату клала. Смотрю, красноармейская шапка перед окном на прутике покачивается... А Игорь не писал точно, когда придет, сглазить боялся, он ведь немножко суеверный... Но я тут же догадалась, что это он. Побежала дверь открыть, а сама уже плачу, и Матрена, глядя на меня, тоже в слезы... Я Игоря даже не узнала, он мне меньше ростом казался, а тут такой большой, в шершавой шинели, табаком пахнет...

Но это лирика. Сготовила Матрена картошки с салом, которое Игорь привез, напились мы малинового чаю, и рассказал он нам про все, как было в Ленинграде, про войну, как ранили его, где побывал, что видел. Из трофеев он привез фотоаппарат «лейку» и готовальню для черчения — просто чудо. А нам с Матреной целый рулон байки — знаете, которая на зимние портянки шла. Мягкая такая, теплая, цветом как сливочное масло. Это ему знакомый старшина дал, в полку, где Игорь последнее время служил. Мы с Матреной сами сшили себе прекрасные кофты и юбки... Ну, не очень, конечно, прекрасные, мы же не портнихи, но, во всяком случае, с нашей одежкой не сравнишь — все заплате на заплате было, а в школу я ходила в старенькой Матрениной овчинной душегрейке, еще до-революционной. А теперь приоделись. Да еще вторую кофту Матрена покрасила в синий цвет, так что у меня была перемена.

Игорь на другой же день отправился в редакцию городской газеты. Там работали те же люди, что и в сорок первом году, и все его помнили. Место корректора было занято, но один литработник собирался уходить, и редактор предложил Игорю поработать пока нештатно, а потом что-нибудь выкроится. Игорь стал писать заметки под рубрикой «По городу», а иногда делал стихотворные подписи под клишированными карикатурами — их, по-моему, присылали откуда-то из Москвы, централизованным порядком... Ну, гонорар в газете был маленький, трудновато приходилось, но как-никак Игорю рабочие карточки выдавали, так что мы с Матреной считали, живем, как в раю... По сравнению с войной, конечно...

Игорь веселый был, не унывал. Жалел только, что мало флотского привез — один ремень с медной бляхой, на которой якорь выдавлен.

Рана у него первое время сильно болела, на бедре свищ был, вечно ему его чистили, но, в общем, это не мешало. Он даже начал зимой в хоккей играть за заводскую команду.

Году в сорок восьмом его приняли в штат, появился твердый оклад. Если не ошибаюсь, семьсот девяносто рублей в месяц, по-ны-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—16.

нешнему семьдесят девять. Да плюс гонорар рублей пятьсот. Да еще к тому времени у них цинкография появилась, можно было делать клише со своих снимков, и Игорь занялся фотографией, стал делать портреты передовиков, и в редакции его работы очень нравились.

Вы не удивляйтесь, что я редакционные дела хорошо знаю. Мне тогда тринадцать лет исполнилось, в седьмой класс ходила, а Игорь о своей работе, хорошо там у него или плохо, все нам с Матреной рассказывал. Он вообще по натуре такой человек, не может в себе держать чувства свои... Вернее, был таким, но его научили, крепко научили...

В пятьдесят первом, летом, как раз я десятилетку окончила, приехала сюда Нина Матвеевна Мучникова, у нее была дочь Тоня, мне ровесница. Им квартиру дали в доме восемь по улице Горького, это тогда лучший дом считался в центре города. Нина Матвеевна заведовала горздравотделом.

Ну, знаете, городок наш был тогда такой большой, как сейчас. Все всё друг про друга знают, а про новеньких стараются узнать. А эта Нина Матвеевна ничего о себе и не скрывала — наоборот, охотно рассказывала свою биографию. Уж на что Матрена наша на сплетни и пересуды не падкая, и то через неделю от соседок услыхала: вот, мол, явилась в городе замечательная гражданка, энергичная женщина, любого мужика за пояс заткнет. Одна, без мужа, и дочку вырастила, и институт окончила, и вон на какую должность назначена. А старшая ее сестра и того выше — занимает в Москве очень большой пост. Тоже без мужа, но, правда, детей нет. До того она своим рабочим делом озабочена, что во всю жизнь некогда ей было о муже подумать.

Но я немножко перескочила, надо по порядку.

Я когда аттестат получила, у нас с Игорем был серьезный разговор. Он хотел, чтобы я поступала в институт. Но это получалось несправедливо. Он ведь перед войной тоже

десятилетку окончил, ему высшее образование тоже необходимо, еще больше, чем мне. Если бы не мы с Матреной, он бы давно его и получил, а тут, чтобы нас кормить, он об институте и не заговаривал. На вечерний у него бы ни сил, ни времени не хватило. Все-таки газета, занят он и днем и вечером, а иногда и ночью.

Ну, я поставила вопрос так: иду работать, и оба мы поступаем на вечерний факультет, ему для этого надо только ограничить немного свои обязанности в редакции — ну, хотя бы отказаться от фоторепортерской работы.

Игорь ни в какую. Ты должна учиться, говорит, а я ждал десять лет и еще подожду. Вот получишь диплом, тогда и я возьмусь — и никак его с этого не собьешь.

Поступила я в Московский педагогический имени Ленина, что на Малой Пироговке. Как говорится, по призванию.

Тогда в Москву ходили не электрички, а поезд обычный, с паровозом, два часа езды. Но это, с одной стороны, даже хорошо было — два часа туда, два обратно — удобно для студента, можно много проштудировать за дорогу.

В поезде и познакомилась я с Тоней Мучниковой, дочерью Нины Матвеевны. Она училась тоже в педагогическом, но в другом — иностранных языков. Это, как теперь выражаются, более престижный институт. Тогда этого словечка никто не употреблял, но иняз и в наше время считался рангом выше других педагогических. Женщины сплетничали, будто Нина Матвеевна прозрачно намекала, что Тоне помогла устроиться московская тетя, занимавшая высокий пост. Не знаю, так ли, но я не верила, потому что Тоня — очень способный человек и еще до института английским владела отлично.

Постепенно мы сдружились. Тоня познакомилась со мной с матерью, и, честно скажу, не понравилась она мне. Я так определенно говорю вовсе не под влиянием последующих событий, она мне с самого первого раза по-

казалась малосимпатичной. Она, например, органически не умела говорить тихо. Всегда по-командирски, словно солдат строем ведет. Тоня при ней как-то стушевывалась, хотя была девушкой неробкой.

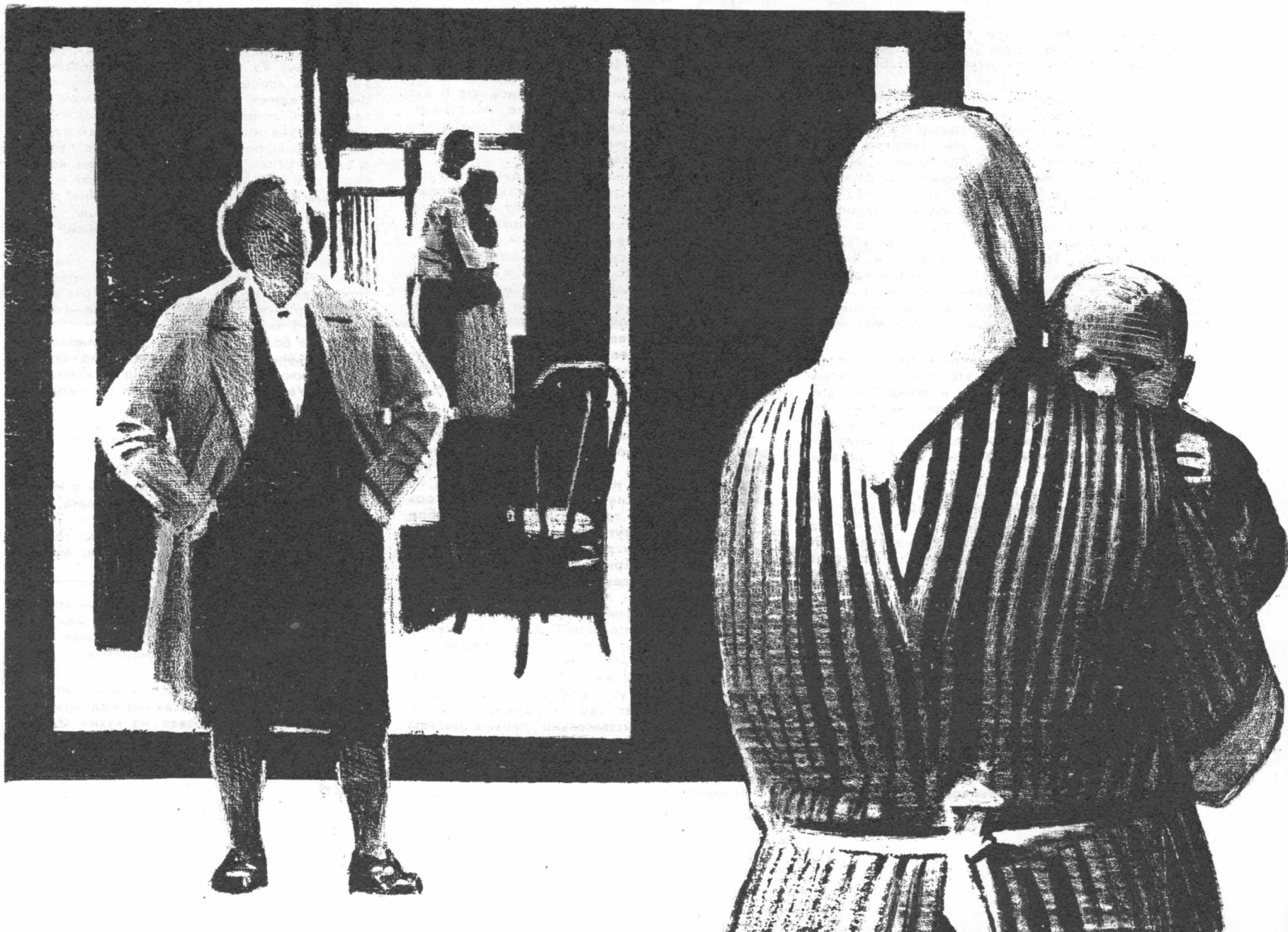
На меня Нина Матвеевна весьма неодобрительно смотрела. Правда, кофточку и юбку из портяночной байки я давно не носила, Игорь мне кое-что получше купил, но одета я была сравнительно с Тоней мало сказать бедновато. Пальто из бобрика, юбка бумажной вязки, кофта ситцевая. Смерила меня Нина Матвеевна при первом знакомстве с ног до головы и только и молвила сквозь зубы: «Да-а...» А по всему видно, что сама-то в шелках и габардине ходить стала не так уж и давно... Ну да ладно...

Конечно, я Тоню к себе в гости тоже пригласила, и лучше бы уж и не приглашала. Понимаю, рано или поздно Игорь все равно бы ее увидел, познакомился, но до сих пор себя виню. А было это уже в пятьдесят втором...

Словом, Игорь сразу, с порога, как вошел в мою комнату, где мы сидели, так и влюбился в Тоню. Нет, он вида не показал, только шутил больше обыкновенного, но после мне признался, когда уж они разошлись, признался мне, что именно с первого взгляда понял, что никуда ему от Тони не деться.

Сейчас-то я представляю, какие сомнения он испытывал. Ему двадцать восемь, ей семнадцать. На шее у него Матрена и я — как же еще и жену прокормить? Положим, у Тони мать побольше зарабатывает, помощь обеспечена, да не таков Игорь, чтобы эту помощь принять. Но, если быть точной, о женитьбе Игорь тогда не помышлял. Он просто любил Тоню, а женитьбу отодвинул куда-то в будущее, лет на пять-шесть. Надо Тоне хотя бы институт окончить. А там, если она не встретит кого-нибудь более подходящего, он откроется и предложит руку. С разрешения и согласия матери, разумеется. Так он решил.

Мы с Тоней часто друг у друга стали бывать, и Игорь не упускал случая, когда она

ко мне приходила. Острит, анекдоты рассказывает — на это он мастер. Если бы так же умел среди людей себя поставить и планы осуществлять — самый счастливый человек был бы. А на самом-то деле... Знаете, чтобы понятней было, я вам вот что расскажу... Дружил он с одним инженером заводским, холостяком. Такой славный, тихий человек. Игорь лет на пять моложе его был, а обращался с ним даже покровительственно. Он мне про него говорил: знаешь, Оля, этот Дмитрий такой вежливый и застенчивый, что вытирает ноги о коврик при дверях, когда выходит из квартиры на улицу. А, между прочим, сам-то он был точно такой же, только храбрился всегда, и его постоянное хорошее настроение, оптимизм, что ли, сбивали людей с толку. Никто ведь не слышал, как он вздыхал по ночам, лишь мы с Матреной...

Но дело не в этом. Как это там говорится: человек предполагает, а бог располагает. Хотя бога и нет.

В общем, на беду ли Игоря, на счастье ли, а Тоня и сама в него влюбилась. И произошло это на встрече Нового года, пятьдесят пятый встречали, мы с Тоней учились тогда уже на четвертом курсе. Вернее, призналась она ему под Новый год. Встречали мы у нас, Тоня пожелала быть вместе с нами, хотя мать таскала ее в Москву, к тетке, у которой собирались какие-то полезные знаменитости.

Она осталась ночевать в комнате у Игоря. Тогда все и решилось.

Сейчас-то я понимаю, что ничего плохого в этом не было, раз они любили друг друга. Но в ту новогоднюю ночь места себе не находила, до утра не спала. Как же так? — думаю. Он на одиннадцать лет ее старше, как она может его полюбить? Правда, у Игоря и раньше были подруги, вернее, любовницы, намного моложе его, но в доме у нас никто никогда не ночевал, а знала я о них, как говорится, от общих знакомых. И вообще Игорь женщинам нравился. Его считали интересным мужчиной, и потом, знаете, все женщины, даже самые молодые и неопытные, безошибочно чувствуют мужскую доброту. Это чепуха, что скорее и сильнее всего мы влюбляемся в повелительных, мужественных и решительных... Ну, скорее — еще случается, но чтобы сильнее — это неверно... Добрый лучше. Но при этом чтоб не дурак...

Утром позавтракали мы троим, а потом Игорь мне говорит: «Мы с Тоней поженимся, но не сейчас, а летом будущего года. Надо Тоне институт кончить. Мы тебя просим — никому ничего, ладно?» Это лишнее он сказал, у меня никогда привычки не было о чужих делах болтать. А Матрена наша скорей язык проглотит, чем скажет кому-нибудь про домашние события.

Но, как часто бывало, и этот план у Игоря провалился. Тоня забеременела, и месяца через три мать ее это обнаружила. Я представила себе, какой скандал выдержала Тоня, и даже нехорошо сделалось. И вот однажды вечером в начале апреля Нина Матвеевна является к нам.

У нее была особая манера входить в незнакомый дом. Войдет, знаете, твердым шагом, станет посредине комнаты и оглядывает стены кругом так, будто ни людей, ни даже мебели здесь нет, будто это пустая комната в новом доме, а ключ и ордер на квартиру — у нее в кармане. Хозяин своей страны, в общем...

Мы сидели в комнате Игоря, ужинали. Ну, она все-таки увидела нас, говорит Игорю:

— Нам нужно побеседовать с глазу на глаз. Что людей от еды отрывает — это для нее пустяки, мелочь по сравнению с историей и с задачами, которые она у себя в горьдстве решает.

Ладно, мы с Матреной взяли свои тарелки, перешли на кухню.

Едим и прислушиваемся. Дом деревянный, дверь фанерная, а мамочка Тони, я уж объясняла, тихо разговаривать не умела. Так что содержание беседы стало мне известно, хотя Игорь отвечал еле слышно, его ответов было не разобрать. Но ведь и по одной половине диалога почти все можно понять, по вопросам. Тем более, общая ситуация мне знакома.

— Я все знаю, уважаемый Игорь Андреевич, — сказала она. — Вы совратили мою дочь,

заморочили ей голову. Как вы объясните свое гнусное поведение?

В ответ Игорь пробубнил что-то неразборчивое, но я могла себе вообразить, что именно он сказал. Никакого совращения не было.

Она деланно захохотала, как плохая актриса на сцене:

— Ха-ха-ха! Любовь до гроба! Связался черт с младенцем. Знаю я вас!

Игорь опять — бу-бу-бу.

— Я могла бы устроить Антонине аборт, — говорит она. — Но вы понимаете, что такое аборт при первой беременности? Она может остаться бесплодной.

Тут единственный раз Игорь повысил голос, и его слова можно было отчетливо разобрать. Для него это был уже не обычный разговор, а крик:

— Никаких абортов! Мы женимся.

— Подлец, — со злобой сказала она. — Чем такого зятя иметь, лучше дочь удавить — вот как по-нашему делали. Да ничего не попишешь, окрутил девчонку.

Игорь — бу-бу-бу. А она совсем из себя вышла, и уже на «ты»:

— Голодранец! Подумаешь — в газете работает. Это ты моей телке мозги запудрил, а я-то вас знаю, щелкоперов. Чем семью кормить станешь на свои полторы тысячи или сколько там? Думаешь, тещу доить будешь? Черта с два!

Вроде бы с образованием женщина, а вот не выдержала, вся позолота слетела, нутро прорвалось, и кричала она, как на базаре. А Игорь повинно мямлил или вовсе молчал.

Закончила она в том же стиле:

— Жалко, беспартийный ты, я б тебе показала, несмотря что будущий зять.

И удалится гордо. А Игорь попросил Матрену накапать ему валерьянки — у нее всегда была, сама корешки настаивала.

Поженились Тоня с Игорем буквально недели через две, еще в апреле. Теща все быстро организовала — заведующая загсом с ней дружила. Она хоть и очень партийная была, Нина Матвеевна, но народным предсудкам верила: в мае жениться — всю жизнь маяться. Вот и торопилась. А Игорь с Тоней только рады были. Правда, Тоня со мной поделилась — тень какая-то у нее на душе лежала, что все это сладилось так скоро, хоть и заботами матери, но наперекор ее воле и желанию. Они договорились, что будут жить у нас, в Игоревой комнате, но с квартиры матери съехать — это для Тони вовсе не значило, что она из-под маминой власти ушла. Власть-то осталась...

Я вот теперь иногда сижу, думаю и прихожу к мысли, что все несчастья, которые потом случились, все они оттого произошли, что и мать Тони и тетка ее суровая сами никогда настоящей семьи не имели. Я, конечно, по-бабьи тут рассуждаю, но, по-моему, это правда: они просто завидовали в душе Тоне и Игорю, хотя могли этого и не сознавать. Это, знаете, там, в голове, под коркой гнездится, от разумной воли не зависит, и, может, эта Нина Матвеевна и образцово-показательная сестрица ее, как говорится, заслуживают снисхождения из-за своей врожденной душевной глухоты, да я-то им простить не могу, как Игорь все прощал.

Но лучше по порядку...

Стала Тоня у нас жить, и все у них с Игорем было хорошо. Денег Нина Матвеевна дочери не давала, только на учебники и полугодовой билет на поезд и проездной на московский транспорт покупала, да Игорь и сам запретил у тещи брать. Но в октябре родился Юра, и тут нам пришлось туговато. Приданое-то и мы приготовили, и теща раскошнулась, но Тоня после тяжелых родов нуждалась в усиленном питании, побольше витаминов, икра и прочее такое. Игорь, конечно, старался, даже корректуру начал брать в московских издательствах, да только все это было копеечное и, главное, нерегулярно.

Нина Матвеевна захаживала иногда. Придет, поглядит на наше житье-бытье, поморщится, скажет: «Не могут ребенку даже кровать купить» — и уйдет до следующего раза. А Юра у нас действительно первые месяцы в кошелке спал — большая такая кошелка для белья, из ивового прута плетенная, ее еще из Рязани мама привезла, это мы от Матрены знали.

Тоня пятый курс пропустила, ректорат разрешил ей как роженице на год перенести. Перезимовали мы, но Игорю легче не стало. Тоня все время болеет, то ангина, то бронхит. У меня диплом, помочь мало чем могу. Игорь почернел весь за полгода. Если бы не Матрена, не знаю, чем бы все это кончилось. Имею в виду — для Юры. Потому что он тоже начал болеть, простужаться, и Матрена его с рук не спускала. Выживала.

А для остальных все равно дело кончилось плохо.

Мне сначала повезло. Защитила дипломную работу, и меня распределили сюда, в Электроград, и попала я в родную школу, которую сама кончала. Лучше придумать трудно.

Ну, с осени пятьдесят шестого нам, то есть Игорю, стало немного посвободнее с семейным бюджетом. Тоня возобновила учебу у себя в институте. Юрику на второй годик пошло, и болеть он вроде перестал. Приободрились мы, так что визиты Нины Матвеевны нас уже не смущали, хотя она по-прежнему каждый раз пуд презрения с собой приносила. Неугомонная особа...

Пятьдесят седьмой год встречали с большими надеждами, как-то вдруг поверили в будущее. Игорь даже бутылку шампанского купил, и, помню, мы с ней все трое совершенно опьянели, а ведь еще и Матрене немножко налили. Такие были слабые, но это нас не огорчало. Почва под ногами укреплялась, тем более Тоня тоже должна через полгода окончить институт.

Но опять-таки, как Игорь любил повторять, человек предполагает, а бог располагает, — он всегда прибавлял: хотя бога нет. Шепотом и обязательно оглядываясь, якобы с опаской. Скоморошничал.

Так вот, в июне пятьдесят седьмого — я тогда первые четыре класса вела, к июню уже освобождалась на все лето — как-то под вечер, Игорь еще из редакции не возвращался, сижу я у открытого окна в его комнате, портняжничая — кофту свою переделываю. Тоня в Москве, в институте задержалась. Юра уже спит. Матрена тоже прилегла. Но еще совсем светло, часов восемь.

Вижу, по тротуару под нашими окнами ходит взад-вперед человек с серым кожаным чемоданом, из настоящей кожи. Костюм синий очень хорошо на нем сидит, фигура спортивная, может, немного грузноватая, лицо загорелое, волосы темные, коротко подстрижены. Ходит и на меня искоса поглядывает, глаза прищурены, глядит из-под бровей, а брови густые и черные. Явно ждет кого-то. Ну, а раз под окнами у нас — значит, кого-то из нашего дома. Интересный мужчина, думаю, такого раз увидишь — не забудешь. Очень, судя по выражению лица, независимый человек, самостоятельный.

Я перестала голову поднимать, а сама угадать стараюсь, кто он такой. То ли известный спортсмен, а может, летчик. Выглядит лет на сорок, но чувствуется, что моложе, — по походке, что ли.

Так он больше часу ходил и папиросу из рта не вынимал, одну от другой прикуривал. И вот вижу: Игорь из-за угла, с улицы, появился. Увидел этого мужчину с чемоданом, остановился и как закричит:

— Брысь!

Я думала, шутка какая-то, что он пугает кошку. А тот говорит тихо:

— Эсбэ, дорогой, жив-здоров?

Чемодан поставил на тротуар, они с Игорем обнялись, и, вижу, на глазах у брата моего слезы.

Потом входят в квартиру, Игорь говорит:

— Вот, Оля, это Саша Балакин, мой довоенный друг, бывший Брысь.

Гость поправляет:

— Почему же бывший? Бывшие — это грёши сплывшие. — И прибавляет, на меня внимательно глядя: — Я вас, Оля, знал, когда вам было лет пять. А вы меня не помните? Я, конечно, не помнил.

— Не то слово — знал! — кричит Игорь. — Скажи лучше: кормил. Всех нас подкармливал. А потом Игорь позвал из кухни Матрену и опять кричит так — ничего подобного с ним раньше не бывало:

— Помнишь, Матренушка, Сашу Балакина, Брысь?

Жан-Оноре Фрагонар. ПОЦЕЛУЙ УКРАДКОЙ.

Ленинград. Эрмитаж.

Жан-Оноре Фрагонар. ПОРТРЕТ МАДЕМУАЗЕЛЬ ГИМАР. 1769.

Матрена тогда уж видеть плохо стала, шить и штопать совсем не могла, но Сашу узнала. — Вон какой ладный вырос, — говорит. — Озорнешь все аль бросил?

Он смеется.

— Бросил, Матрена. Вот деньжата завелись, надо им глазки протереть.

— Кабы не помереть, — Матрена говорит. Она любила в рифму отвечать.

— Ничего, мы культурно. Я культуры нахватался, как бобик блох.

У меня тогда мелькнуло в голове, что не идет Саше такое балагурство. Не то чтобы он развязно себя вел, но как-то раздваивалось впечатление. Будто в нем, как в футляре, сидел другой человек.

А он на меня посмотрел и вдруг говорит: — Извините за бобика, Оля. Больше не буду.

Я была поражена: как он мог так точно и быстро прочесть мои мысли? И сразу такое ощущение, что нет для него у меня никаких тайн, как голая я перед ним. Я уже много позже поняла, что он был очень наблюдательный и даже проникательный человек, а это дается только большим опытом жизни. А тогда, несмотря на мое высшее педагогическое образование, он представлялся мне колдуном или, может быть, гипнотизером. Тем более что благодаря сказкам Матрены я с детства брала в расчет колдунов при всяком удобном случае. Напрашивается сказать, что я была им околдована с первой встречи, и это очень близко к истине. Или, как раньше выражались: он пленил ее сердце.

Игорь спрашивает:

— Ты к нам?

— Если можно, — отвечает Саша. — Думал, дядя приютит, да он, говорят, помер. В квартире там другая семья живет.

— Живи, Саша, друг! Места хватит!

Это Игорь немного преувеличивал: с местом как раз было сложно. В одной комнате — Тоня, Игорь и Юра, в другой — мы с Матреной. Значит, гостю жить, вернее, спать, можно лишь на кухне. У нас там, правда, нормальная кровать стояла, довоенная, никелированная.

— Идем прогуляемся, — предложил Саша.

— Ужинать давай, — говорит Игорь, — ты же с дороги.

— Пойдем, прихватим чего-нибудь.

Вернулись они нагруженные — коньяк, вино, закуски разные. А тут и Тоня из Москвы приехала. И началось...

Отмечали приезд Саши целую неделю. Игорь в редакции отпросился, хотя ему новый редактор с неохотой отпуск за свой счет дал. Я должна была в пионерлагерь уехать, с горкомом комсомола уже договорилась, да не поехала. Гуляли, веселились, в Москву два раза на такси катались, в лес ходили. Тогда, между прочим, и сфотографировались. Тоня тоже участвовала поначалу, но потом явилась Нина Матвеевна, увидела водку и коньяк на столе и устроила Тоне разгон. Это было по справедливости. У Тони экзамены шли. Мы-то с Тоней вообще не пили, так только, чуть пригубишь, чтобы ребят не обижать, но ей не объяснишь...

А Саша с Игорем, как говорится, не просяхали. И платил за все, конечно, Саша, денег у него были полны карманы, и носил он их как-то небрежно, без бумажника.

Пока пили, он о себе ничего не рассказывал, больше нас расспрашивал. А потом Игорь на работу пошел, и гулянка поутихла. Только по вечерам они с Сашей выпивали немного за ужином или в пивную на рынок заходили.

Днем Саша куда-то уходил или уезжал, но однажды остался. Я в то утро как раз собралась в горком — узнать, не отпала ли во мне нужда в пионерлагере, и если нет — собрать чемоданчик и отправиться с первой попутной машиной. Но Саша предложил пойти побродить в городском парке — ему, мол, хочется вспомнить молодые годы. Я и не подумала отказываться. Не могу объяснить, как это все сложилось, но за неделю он сделался для меня главным человеком, а ведь он ничего специально ради этого не предпринимал, вел себя просто... Я была уже влюблена. Я сравнивала его со своими знакомыми ребятами, и сравнение было не в их пользу.

Когда мы гуляли в парке, попросила я Сашу

рассказать о себе. И поведал он довольно грустную историю.

В сороковом году его за мелкую кражу арестовали, судили, и попал он в колонию — об этом я и от Игоря слыхала. Потом война, его послали в штрафную роту, был ранен. Так сказать, смысл кровью свое преступление, и судимость с него сняли. После госпиталя воевал уже в обычной части, был разведчиком. Один раз ходили в тыл к немцам за «языком», и ему не повезло. При отходе его ранило в голову, потерял сознание, и фашисты взяли его в плен. Увезли в Германию, гоняли из одного концлагеря в другой. Несколько раз пытался бежать, но неудачно. А в сорок пятом году, когда наши освободили его из плена, при проверке угораздило попасть на злого человека. Тот не разобрался как следует, заподозрил его в предательстве, и Сашу осудили. После освобождения мотался по всей стране.

Так он рассказывал, а я слушала и плакала. Спросить, откуда у него столько денег, мне и в голову не приходило, но он сам объяснил, что целый год работал на китобойном флоте, плавал в Антарктике, и вот приехал к нам прямо из Одессы, целенький, даже по дороге ни рубля не потратил.

Потом говорит: «Махнем в Москву?» Я с удовольствием. Вышли на шоссе, Саша проголосовал, и мы приземлились, как он выражался, в ресторане «Метрополь». Выпили вина немного, пообедали и обратно тоже на машине приехали. И в машине он шепнул, что полюбил меня и не знает, что теперь делать. Он на тринадцать лет старше, но самое главное — я сестра Игоря, Игорь же ему верный друг, а мне — и отец и мать. Надо у Игоря просить, чтобы разрешил нам пожениться, а у него язык не повернется — стыдно.

Саша даже не находил нужным у меня спросить, как я на это смотрю, да оно и понятно, если я сама ничего другого не придумала, как только сообщить ему, что Игорь старше своей жены Тони на одиннадцать лет. Саша, разумеется, понял мое сообщение как согласие, и правильно понял.

В тот же день Саша говорил с Игорем. После Игорь мне сказал, что сначала удивился, никак не мог себе представить меня женой своего друга, которого знал столько лет. Но Саша привел ему как аргумент его собственную женитьбу на Тоне, и вопрос был решен.

По правилам, надо бы идти в загс и подать заявление, но оказалось, у Саши паспорт остался в Одессе, в пароходстве, а на руках было только удостоверение. По правде, я и удостоверения не видела, но ни на миг у меня не возникало никаких подозрений. В конце концов не в регистрации дело. Свидетельство о браке важная, конечно, вещь, только мы тогда рассуждали немножко не так, как сейчас. Важно, что люди любят друг друга и живут дружно, а бумажку оформить никогда не поздно...

Но не все так думают. Тоня по простоте душевной рассказала своей матери, Нине Матвеевне, о нашей скоропалительной женитьбе, и та возмутилась. Мы с Игорем смеялись, когда Тоня передавала нам в лицах разговор с матерью, а ничего смешного не было. Нина Матвеевна назвала все это собачьей свадьбой и спросила, где же новобрачные собираются жить. Жить мы собирались в моей комнате, а Матрене приходилось перебраться на кухню. Тогда Нина Матвеевна еще больше возмутилась и сказала, что не допустит, чтобы ее дочь и внук обитали в такой квартире и в такой ненормальной атмосфере — она имела в виду, что Саша с Игорем часто выпивают, а дальше, мол, будет еще хуже. И вообще наша семейка, Шальнев, вполне оправдывает свою фамилию, и еще неизвестно, кто такой этот Саша Балакин. Лично у нее, Нины Матвеевны, он вызывает резко отрицательное отношение. Саша слушал все это с мрачным видом, только глаза блестя.

Свадьбу мы играли три дня и были вдвоем, не считая Матрены. Тоню вместе с Юрой теща забрала к себе домой. И, честно говоря, невеселая свадьба получилась. Пил один Игорь. Поцелует меня, потом Сашу, а потом начнет тещу ругать и плакать над своей не-

удалой судьбой. Пьяные слезы, чего говорить, но я его понимала.

Ну, планы обсуждали, конечно. Саша собирался устроиться на работу во Владимире, в море ему надоело. Я спросила, почему именно там, а не здесь. Он говорит, у него никакой подходящей специальности нет, чтобы на заводе работать, а во Владимире живет приятель, который его может на какую-нибудь непильную должность устроить, пусть на самую маленькую зарплату, — денег у него лет на пять хватит, а там видно будет...

За эти три дня из дому выходили только Игорь и Матрена — он в магазин, она на базар.

На четвертый день Игорь с утра отправился на работу, а мы с Сашей решили погулять в парке.

И вот, едва от дома отошли, догоняют нас двое, молодые парни, в обыкновенных костюмах. Один мне говорит: «Извините», — а второй показывает Саше свое удостоверение и требует предъявить документы. Саша прищурился на него, потом голову опустил и говорит мне: «Прости, Оля, мне надо с ними пройти. Иди домой» — и сует мне в руку комочек бумажек, деньги. Но тот, с удостоверением, остановил его. Говорит: «А вот этого не надо. Положите обратно в карман».

Тут подъехала милицмейская машина, и Сашу увезли.

Истерики со мной, конечно, не было, но как я в редакции у Игоря очутилась, не помню. Кажется, он не очень удивился, когда услышал, что произошло. Велел идти домой и сказал, что постарается узнать, в чем дело. Может, это простое недоразумение. У него в городской милиции много знакомых было.

Пришла домой, поглядела на наш свадебный стол, и такая тоска меня взяла, хоть вой. А тут явился один из тех, что Сашу задержали, забрал его чемодан, спросил, не было ли у него еще каких вещей, извинился и пожелал доброго здоровья.

Еле дождалась я Игоря. А он сел на кровать и молчит. Спрашиваю, что ему удалось узнать, а он: «Тоня не приходила?» Я за свое. Тогда он говорит, а в глаза мне не смотрит: «Понимаешь, он мне рассказывал — год назад его из колонии освободили. Он не имеет права ближе чем за сто километров от Москвы жить. Вот и забрали». Я не сообразила возразить, что Саша у нас еще не прописывался, говорю другое: «Что же они, за сто километров его повезли?» Игорь объясняет, что за нарушение правил полагается наказание. «А как они узнали, что он у нас остановился?» — спрашиваю. И тут он проговорился: «Я думал, следили за ним. Ошибся. Теща моя ненаглядная в милицию сообщила». Тогда уж до меня дошло, что не так все невинно, как Игорь мне представить старается. Наш город — семьдесят километров от Москвы. Что ж, Саша не имеет права на тридцать километров ближе к столице подъехать, обязательно должен находиться за сто? Ерунда какая-то. И почему Игорь думал, что за Сашей могли следить? Непонятно. Но Игорь ничего больше сказать мне не хотел. «Сам ничего не знаю. Но ты не расстраивайся, все будет хорошо».

Да уж, так хорошо — хуже не придумаешь. Но это еще были цветочки. Мои слезы — сладкая водичка по сравнению с тем, что Игорю пришлось перенести. Правда, он и сам во многом виноват — не надо было так себя распускать, поддаваться.

Ну, ночь я почти совсем не спала, слышала, как он метался, как бутылкой о стакан звякал, — свадебные остатки допивал, а там много оставалось.

Уснула часов в семь, но скоро проснулась — разбудил меня голос Нины Матвеевны. Не к месту, но вспомнила, как Игорь про нее один раз сказал: с ней надо при раскрытых окнах разговаривать или стекла крест-накрест бумажной лентой заклеивать — как в войну заклеивали, чтобы не попались от ударной волны.

— Ха-ха-ха! — слышу за стеной знакомый голосок. — Посмотри на свою рожу, красавец! Олух весь от пьянства.

Игорь молчит. А она продолжает:

— Вот что, друг. С Тоней вам не жить, и сына тебе воспитывать я не позволю. Так что давай по-мирному, без шума. Развод устроим

быстро, это я на себя беру. А мы в Москву переезжаем. Давай-ка вещички соберем.

Я надела халат, иду к ним.

— В чем дело, Нина Матвеевна? Что здесь происходит?

Она в пустой чемодан платья Тонины кидала, разгибается и говорит:

— А тебе надо меня благодарить — от уголовника спасла, от рецидивиста.

Смотрю, Игорь сидит на стуле, голову руками обхватил и качается из стороны в сторону. Так мне его жалко стало.

— По какому праву вы нами командуете? — говорю ей.

— Молчи, тебя не спрашивают! — орет она на меня. — Притон завели? Не выйдет!

Закрывает чемодан, и ушла, и дверью так хлопнула, что со стола вилка упала...

Дальше все произошло в точности, как постановила Нина Матвеевна. У меня тогда не укладывалось в голове, что дружную в общем-то семью, мужа и жену, которые друг друга любят, может кто-то разлучить, разбить, хотя бы и такая особа, как Нина Матвеевна. Но, видно, чего-то я не понимала, да и сейчас не понимаю.

Положим, ко всему еще добавилось, что Игорю новый редактор вынес строгий выговор с предупреждением, запретил делать снимки. Но это же чепуха, при чем здесь семья? Да только я и не подозревала, что Тоня думала иначе — она смотрела на все глазами матери, а собственного мнения уже не имела.

Мы с Игорем ничего раньше не слыхали, а между прочим, Тоня-то прекрасно была осведомлена, что мать ее на повышение идет и должна переехать в Москву. Главное, поближе к своей обожаемой сестре, которая командовала ею, как она сама командовала дочерью. Такая вот субординация...

Ну, а дальше все совсем печально.

От воспаления легких умерла в октябре пятьдесят седьмого года Матрена.

Игорь стал пить очень часто, и в редакции ему предложили подать заявление — по собственному желанию. Он уволился.

Я ждала ребенка. По расчетам, роды должны быть где-то в конце февраля — начале марта. А Игорь вдруг собрался в Ленинград. Жить и работать там.

Я плакала, но он успокоил: устроится, обживется, а как мне настанет срок рожать — обязательно придет. Так оно и было.

— Дочку вашу как зовут? — спросил Серегин после долгой паузы.

— Люба.

— В институте, вы сказали, учиться?

— Да, в текстильном, на четвертом курсе. Сейчас у них трудовой семестр, в Калининской области со стройотрядом работает.

— Она об отце не знает?

— Мы с Игорем решили — лучше сказать, что он китобоем был, пропал без вести на промыслах.

— Не баловала вас жизнь.

Ольга Андреевна расправила плечи, впустила над ухом волосы и улыбнулась.

— Ну что вы, Анатолий Иванович! Грех жаловаться.

— Счастливый характер... Ну, а Игорь общался с сыном-то?

— Я же говорю: они даже от фамилии его отказались. И денег не брали, и к Юре запретили ездить... Издалека иногда видел... Приедет из Ленинграда ко мне в отпуск или так, потом в Москву чуть не каждый день. Ждет у дома, караулит за углом... Когда увидит, а когда не повезет...

— Да-а, дела...

...Она проводила его и шофера Юру до машины.

На прощанье Серегин сказал:

— Я скорей всего уеду на днях к себе в Сибирь, но теперь уж нам так надолго терять друг друга из виду не надо бы.

— Мне тоже так кажется, Анатолий Иванович.

Он сел в машину рядом с шофером, опустил стекло.

— Басков вам скажет, когда можно будет увидеть Игоря.

— Спасибо.

Продолжение следует.

Владимир НИКОЛАЕВ

Эта история на первый взгляд может показаться необычной, даже сенсационной, но на самом деле она типично американская, в ней, как в капле воды, отражена жизнь в Соединенных Штатах, в ней сфокусированы многие характерные приметы так называемого американского образа жизни. В свое время история эта уже отшумела, теперь снова всплыла на поверхность, но до сих пор суть ее очень затуманена властями и средствами информации. Оно и понятно, поскольку эта суть выставляет в самом неприглядном свете сильных мира сего в США. Начать с того, что главной героиней грандиозного скандала оказалась Патриция Херст — наследница многомиллионного состояния известного газетного и земельного магната. Других шестерых действующих лиц этого зловещего, переходящего в кошмар фарса убила полиция, еще двоих его участников упрятали за решетку. При таком «стечении обстоятельств» властям было уже легче хотя бы кое-как замять скандал вокруг Патриции Херст, или Патти, как ее обычно называют.

Похоже, что сегодня закулисные специали-

подходящее место — на страницах журнала «Плейбой», флагамена бульварной прессы. В его мартовском номере за этот год опубликовано огромное интервью с Патти. Ее собеседник, сотрудник журнала Лоуренс Гробел, пишет: «В течение более чем 18 месяцев, с тех пор как Патриция согласилась дать интервью, я готовился к нему». Такой длительный срок объясняется не личным усердием корреспондента или капризами Патти, а только тем, что книга была еще в производстве и ее издатель не хотел, чтобы интервью появилось раньше книги. Но как только она была издана, тот же издатель уже сам поторопился с рекламой в «Плейбое». По этому поводу Лоуренс Гробел замечает: «Ничего не поделаешь, это бизнес, хотя я и не понимаю, зачем Патриция позволила издателю так распоряжаться собой в целях успешной распродажи тиража. Но, по правде говоря, Патриция настаивает, что в этом случае не деньги для нее главное. Она полагает, что с ней обошлись несправедливо, и желает поставить все на свои места. Она знает, что ее считают слабой, легко поддающейся чужому влиянию молодой женщиной, у которой едва ли есть собственное мнение, и она хочет опровергнуть это суждение». Корреспондент сообщает, что он беседовал с ней в общей сложности 20 часов!

АНАТОМИЯ Терроризма

СЛАГАЕМЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА ПАТРИЦИИ ХЕРСТ

сты по отбеливанию «доброго имени» Патти (а заодно и престижа американского высшего общества) начали новую кампанию за окончательную фальсификацию этой истории и надежное захоронение ее истинного смысла. В таких делах современная Америка уже поднаторела: достаточно вспомнить «расследования» убийств Джона и Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга...

Сигналом к этой кампании послужил выход в свет книги «Про все секреты сразу», написанной Патти с помощью профессионала пера Алвина Москоу. В Соединенных Штатах это стало традицией — писать мемуары о самых наискандальнейших делах. И чем дела эти грязнее, тем лучше, тем больше тираж, тем больше заработок у «писателей» и их издателей. Воспоминания уголовников, убийц, великосветских проституток, проворовавшихся политиков буквально заполняют американский книжный рынок. Их авторы, потеряв всякий стыд и совесть, крупно зарабатывают на собственном позоре. Но Патти, понятно, в деньгах не нуждается (хотя, наверное, 800 тысяч долларов, полученных ею за книгу, и в доме Херстов лишними не сочли), издание ее мемуаров преследует в первую очередь не коммерческую цель.

Как и положено в США в таких случаях, выпуску книги сопутствует реклама, причем для продукции такого рода она бывает самой широкой и в нашем случае нашла себе самое

В чем же суть дела? Напомним, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

Патти была студенткой, училась на искусствоведа и спокойно жила вместе со своим женихом, недавно получившим философское образование. Ей было 19, а ему — 26 лет. Четвертого февраля 1974 года она была похищена из своего дома. Как потом выяснилось, это было делом рук банды из восьми человек, громко именовавшей себя «освободительной армией». Вначале похитители собирались обменять Патти на двоих своих коллег, попавших в тюрьму за убийство государственного чиновника. Потом эти террористы-леваки, выдававшие себя за революционеров, потребовали от клана Херстов денег «на помощь бедным американцам». А в конце концов похитители Патриции удовлетворились тем, что она объявила о своем добровольном присоединении к их «армии». Магнитофонная запись с этим ее заявлением стала достоянием общественности, в нем, в частности, говорилось: «Передо мной был выбор: я могла быть освобождена или могла присоединиться к силам «освободительной армии» и бороться за мою собственную свободу и свободу всех угнетенных людей. Я решила остаться с ними и бороться... Мне дали кличку Таня (у всех членов банды были клички.— В. Н.)... Я поняла всю порочность буржуазного свинства, и мои друзья учат меня бороться с ним со всей яростью».

Впоследствии Патти утверждала, что это заявление она сделала вынужденно, под страхом смерти, что ее в течение 57 дней после похищения держали связанной и с повязкой на глазах. Она провела в этой банде 19 месяцев. За это время у нее было немало возможностей уйти от своих похитителей, но она почему-то не сделала этого. Зато бед натворила много.

Одним из самых громких преступлений банды, в которых она лично участвовала, стало ограбление банка, владельцем которого был друг семьи Херстов. С утра, в день ограбления, автоматы бандитов были еще раз проверены и выстроены в ряд у стены в спальне. А до этого две недели все члены шайки репетировали ограбление, изучали план банка, порядок его работы и т. п. У восьми участников налета были заготовлены парики и маски, а Патти должна была идти на дело без всякого грима, чтобы скрытая от глаз посетителей фотокамера в банке, о которой бандиты знали, четко запечатлела именно ее. Потом это фото Патти с автоматом в руках при грабеже банка обошло весь мир. Вместе с ней в здание банка вошли еще четыре члена шайки, а остальные четверо обеспечивали операцию с улицы. Патти держала под дулом своего автомата посетителей и служащих бан-

ко потому, что она с детства ходила на охоту со своим отцом. Последний всегда имел под рукой пистолет (в ящике своего письменного стола, в туалете и т. п.). Поэтому нечего удивляться, что дочь мультимиллионера так хорошо вписалась в уголовный коллектив. Вспоминая эпизод у спортивного магазина, Патти говорит, что, увидев бегущих Харрисов, она открыла огонь «рефлекторно», по ее выражению, «сработала привычка, взяла свое выучка».

Кстати, именно в этом случае (одном из многих!) Патти могла спокойно уйти от своих сообщников, пока они были в магазине. Но нет, она ждала их на улице, спасала от преследования и затем вместе с ними скрылась на машине. Потом, уже когда бандитская эпопея Патти закончилась, ей сказали: «Вы же были одна в машине, до того как открыли стрельбу, Харрисы находились в магазине, и вы могли бы просто уехать, сбежать от них». На это Патти смогла только ответить: «Да, я знаю. Это действительно трудно понять».

После этого происшествия троица решила передохнуть, отсидеться в одном мотеле, и там они вдруг увидели по телевизору, как полиция расправилась с их шестью коллегами, которые были выслежены и окружены в одном доме в Лос-Анджелесе. Им предложили сдать-

Патти комментирует случившееся только с эмоциональной точки зрения. А что если задуматься? Так уж и не могла полиция попытаться выкурить осажденных из дома? Зачем было так спешить? Им все равно было уже не убежать. Почему их так решительно, второпях убили? Вот вполне возможный ответ на такой вопрос: полиция знала, с кем имеет дело, и знала, что Патти среди осажденных не было. И ясно было также, что теперь Патти вот-вот попадет в руки полиции, начнется следствие, при котором лишние свидетели не нужны, вот их и убрали. Поняла это Патти или нет, она об этом в своей книге не пишет, но потом, во время следствия и суда, отсутствие этих возможных свидетелей ей и ее адвокатам было очень на руку.

Итак, от «армии» осталось трое — Патти и супруги Харрисы. Троица успела ограбить еще один банк. Патти стояла на стреме, на улице, а затем вела машину. При этом ограблении была убита женщина, мать четырех детей. Так в совершенные Патти преступления была вписана еще одна кровавая страница. Но и этого мало! Затем трое террористов взорвали несколько полицейских машин.

В конце концов троицу схватили. Любопытно, что при аресте Патти держалась вызывающе, агрессивно, а когда ее при задержании фотографировали, она подняла руку со сжатым кулаком. Правда, вскоре Патти оказалась в тесных объятиях нанятых отцом адвокатов (самых дорогих в стране) и психиатров, и ее поведение изменилось. Она стала тихой и сговорчивой. Мало этого, Патти и заговорила по-иному. Она вспоминает о своем гангстерском прошлом так: «Я жила в грязи. Это было омерзительно. Эти ужасные завшивевшие люди. У нас была на всех одна зубная щетка, личная щетка считалась буржуазным предрассудком... Женщины расхаживали дома перед мужчинами оголенными по пояс. Это считалось революционным».

Кстати, из девяти членов банды шестеро были женщинами. Патти свидетельствует, что ее сообщники — мужчины в принципе глубоко презирали всех женщин вообще. В их шайке это выливалось в такие скотские отношения между бандитами и бандитками, о каких в нашей прессе писать не принято. Вот только два самых пристойных описания из этой области, сделанных пером Патти: «Синк (главарь шайки. — В. Н.) был напыщенным маньяком, который целыми днями пил, щупал женщин, хватал их за груди, вообще делал все, что ему вздумается, а остальные должны были только подчиняться его диким фантазиям»; «Секс был естественной необходимостью, а мы все жили в подполье, поэтому мы были обязаны оказывать в этом друг другу одолжение».

Кстати, и в отношении к женщинам лишний раз выражалась реакционная суть этих «революционеров». Патти заявляет: «Они (ее сообщники-мужчины. — В. Н.) ненавидели женщин еще больше, чем мужчин. А женщину, преуспевающую в каком-либо деле, считали еще большей свиньей, чем главу корпорации. Они ненавидели Джейн Фонду, потому что она придерживается либеральных взглядов, ненавидели Анджелу Дэвис...»

Весьма примечательно отношение самой Патти к коллегам по уголовщине. Вот как она характеризует бандитку по кличке Зоя: «Это была жуткая особа, холодная, просто ледяная по отношению ко всем, очень жестокая, хотя она и умела при необходимости прикидываться иной. Но на самом деле она была такой, что с удовольствием говорила, как она перерезала горло цыпленку, забрызгав кровью всех вокруг. Это, говорила она, неплохая репетиция перед настоящим убийством».

А вот как Патти характеризует супругов Харрисов, с которыми она была в одной тройке: «Я думаю о них как об очень большой собаке, которую можно осчастливить только одним — усыпить». В своей книге она пишет о том, что не раз собиралась убить их. Ненависть Патти к ним так велика, что она говорит: «Не хочется верить, что их скоро освободят из тюрьмы. Может быть, теперь, после выхода моей книги, хотя бы против Эмили Харрис выдвинут новые обвинения».

В таком же духе отзывается Патти и о других своих сообщниках по банде. Она, например, пишет, что главарь их шайки Синк был

ка и объявила им, кто она такая (впоследствии она утверждала, что это ей велел сделать главарь банды по кличке Синк). Ограбление удалось, причем один из посетителей банка был ранен при попытке убежать из здания.

После этой операции Синку пришла в голову мысль разделить свою «армию» на три тройки, чтобы банда могла действовать одновременно в нескольких местах и производить большее впечатление на власти и население. Патти попала в тройку с супругами Вильямом Харрисом (по кличке Теко) и Эмилией Харрис (по кличке Иоланда). Тройка вскоре попыталась проверить свою первую операцию. Супруги, Теко и Иоланда, направились в спортивный магазин, чтобы пожить там за счет мелкого воровства, а Патти прикрывала их с улицы с машинной и автоматом. Воришки тут же попались и, спасаясь бегством, выскочили из магазина. Патти открыла огонь по их преследователям.

Такая роль в этой операции ей была отведена не случайно. К тому времени Патти стала по праву считаться в банде главным экспертом по оружию. Сама она признается, что изучила разные виды огнестрельного оружия из-за скуки и однообразия жизни в уголовном подполье. Но это не совсем так. Любовь к смертоносным игрушкам у нее, видимо, в крови (как, впрочем, и у многих других ее соотечественников). Оказывается, ее родной дом был набит оружием, причем не толь-

ся. Они отказались. Началась перестрелка. Все это прямо с места событий передавалось на телеэкраны. Вот как описывает случившееся Патти в своей книге:

«Теко включил телевизор, как только мы вошли в номер. «Смотрите, это же прямая трансляция!» — воскликнул он, и мы замерли у экрана. А на нем мелькали кадры, как из обычного боевика о гангстерах и полицейских. Последние в большом количестве окружили небольшой белый дом, они были вооружены, в противогазах. Шла перестрелка. Меня охватил ужас. Я вздрагивала под выстрелы. В осажденный дом бросили контейнеры со слезоточивым газом. Клубы дыма и газа повалили из окон под треск автоматов. «Так это же наши там!» — вдруг закричал Теко. Иоланда заплакала. Теко стал переключать каналы — осада дома передавалась по всем программам. Разница была только в том, что у каждого из телеоператоров была своя точка, и поэтому сцены в кадре по разным каналам чуть отличались друг от друга. Теко без конца переключал программы, чтобы получше разглядеть происходившее... Так продолжалось целый час. Шла мини-война в городе, где делают вот такие же фильмы. Это было варварство, не верилось, что все это взаправду. А затем дом загорелся. Вспыхнул как-то весь сразу... Потом рухнула одна стена и за ней — дом. Все было кончено».

Что и говорить, жестокая расправа. И едва ли уж такая необходимая на первый взгляд.

платным агентом полиции, которая завербовала его во время одного ареста. Тот согласился стать доносчиком, чтобы выйти из тюрьмы, и ему был устроен «побег», который Патти подробно описывает.

Свои чувства по отношению к убитым полицией членам банды Патти резюмирует так: «Они это вполне заслужили. Можно даже сказать, что такая смерть — это для них слишком мало. За то, что они натворили, их надо было бы казнить самой страшной казнью... Думаю, что ФБР перестаралось, прикончив их таким образом, но я, как видите, их не оплакиваю».

Образ самой Патти приобретает все большую четкость по мере того, как мы узнаем о разных движениях ее души. Известно, например, что она целых два года жила вместе со своим женихом, на глазах у которого ее и похитили. Эту свою жизнь с ним она называет «действительно счастливым временем», и в то же время Патти признается: «Когда я была в «освободительной армии», я и не вспоминала о нем... Я думаю, что сейчас и не узнала бы его, если бы вдруг встретила. Я так больше и не видела его. Он просто ушел из моей жизни и из памяти». Правда, оказывается, жених забыт не совсем. Он сам не дал ей этого сделать. Патти с негодованием говорит о том, что тот написал о ней книгу (помните о страсти к написанию скандальных книг в США?), использовав для этого даже ее личные фотоальбомы. Что ж, несостоявшийся муженек решил хотя бы так подработать... Кстати, о ней уже написано несколько книг. Когда Патти спросили, читала ли она их, она ответила: «Нет, не читала. Этим занимаются мои адвокаты».

После ареста Патти, по американским законам, должна была бы получить едва ли не пожизненное заключение, но деньги Херстов сделали свое дело: ей дали семь лет тюрьмы. Но это так, официально. Отбывать она свой срок начала в уютном трехкомнатном коттедже с телефоном и телевизором. Не прошло и двух лет «заключения», как сам президент США Картер амнистировал ее. Комментатор Си-би-эс, одной из трех ведущих американских телекомпаний, назвал этот акт «гуманным» и даже «ярким примером политики соблюдения прав человека в США». Прав простого человека или миллионера? Недаром американский историк-правовед Уэллесли Ауэрбах пишет: «Индивидуалистическое общество делает упор на правах, но резервирует их за теми гражданами, которые могут себе позволить их оплатить. Стоимость профессиональных юридических услуг делает законность недоступной беднякам. Неимущие хотят равенства возможностей, но наша юридическая система не может его им дать, потому что само общество этого не потерпит».

Итак, Патти благополучно вернулась в свой прежний мир, обитатели которого купаются в деньгах. Недаром американские газеты, которые любят броские сравнения, писали: «Патти вместо заключенной стала пленницей роскоши». У нее теперь два десятка телохранителей. Она много катается верхом на лошади, охотится, бродит в горах. Любопытно, что она сама отмечает в себе такую перемену: «До похищения я придерживалась либеральных взглядов, теперь же стала убежденным консерваторм». Уже во время следствия она охотно выдавала своих сообщников, заявляя при этом, что «исполняет свой гражданский долг».

У нее вообще странные, на наш взгляд, представления о долге и чести. Так, один из приемов по поводу ее освобождения, где Патти была царицей бала, был устроен тюремной надзирательницей Джейн Хименс, охранявшей Патти. И конечно, та же Хименс издала книгу под названием «Моя пленница». Вообще можно отметить, что, начав с борьбы против полиции, Патриция более чем подружилась с ней. Достаточно сказать, что ее теперешний муж Берни Шоу — бывший полицейский. «Служба в полиции», — утверждает сегодня Патти, — самая мужская работа». Мало этого, она добавляет, что «Берни — первый настоящий мужчина в ее жизни».

И, наконец, главная метаморфоза. Отвечая на вопрос корреспондента, Патти заявила, что не отказалась бы в будущем занять пост главы корпорации Херстов. Круг замкнулся!

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. М. СИДОРОВА

ВЫСОКИЙ С

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Стихи Валентина Сидорова начали свой путь к читателю более двадцати лет назад. Первая книга поэта вышла в 1961 году и называлась характерно — «Дом моего детства».

«Для меня начало всех начал — воронежская земля, — рассказывает поэт. — Здесь я родился, здесь прошло мое детство, совпавшее с Великой Отечественной войной, здесь я окончил школу. Но не только воспоминания детства и ранней юности связуют меня с отчим краем. Судьба сложилась так, что мне приходится бывать здесь постоянно. В Семилуках — предместье Воронежа — написано большинство моих вещей. Как мне кажется, многие мои стихи впитали приметы воронежской земли, насыщены ее атмосферой».

«Избранное» — одноименник стихотворений и поэм Валентина Сидорова начинается большим разделом лирики, посвященной Родине, России. И первые три стихотворения, датированные 1959 годом — «Лебеда», «Горькой пылью пылили войска», «Память войны» — о народном подвиге и великом испытании грозных лет битвы со страшным врагом. «Мне и сегодня лебеда не просто так трава», — надо было многое пережить, чтобы сказать столь горько и твердо. За тогдашнего мальчика признается поэт: «Мир для нас открывался не сказкой, а штыком и солдатской скаткой».

Это воспоминания, а в стихах семидесятых годов тема войны обретает звучание вечности и верности («Ветераны войны», «Была не просто война...», «Чем дальше мы уходим от войны...»). Война вошла и в память и в души, более того — открывает поэт — «она в дыхании простора». Небывалый ландшафт возникает в стихах: «Холмы продрогшие на страже стоят под небом низким-низким. И от российского пейзажа неотделимы обелиски». Но точно так же неразделимы павшие и живые: «Глядят на нас российские ребята, что смерть попрали смертью своей». Должны были пройти годы,

чтобы память возросла до сурового, гордого и потрясающего правдой итога: «За все человечество сразу мы все уплатили сполна». В сильном стихотворении «Ветераны войны» поэт прочтается с защитниками Родины в мерных, как скорбные шаги, строках: «И уходят от нас в тишину вековую ветераны последней великой войны». Казалось бы, «не впервые им в землю сырую ложиться, не впервые всем телом ее обнимать». Но поэт не верит, что солдат уйдет из жизни, не увидев и не ощутив себя снова в бою:

И в предсмертном бреду тишина раскололась.
И рубила пустое пространство

ладонь,
И хрипел, задыхаясь, слабеющий голос:

— Батарея, огонь! Батарея, огонь!
В обожженных степях необъятной России
Неумолчно и вечно орудья гремят.
И, услышав их рев, прозревают слепые.
Поднимает солдат из окопов

комбат.
И опять чернозем сотрясают раскаты.
И опять в небесах — нарастающий гуд.
И безрукие в руки берут автоматы.
И безногие снова в атаку идут...

Мы раскрыли самые, быть может, драматические строфы Валентина Сидорова, чтобы суметь услышать, как и в самых «тихих» стихах отдаленно слышен тот «нарастающий гуд». Но разве с поэтом всегда не вся судьба Родины, не весь ее путь? Да, и тогда, когда «тишиною нас обволокла прозрачная осенняя погода», когда в Михайловском мы гадаем, что же осталось от пушкинских времен, и кажется — ничего... Но нет, живо главное, дышит:

Остались —
листопад и облака,
Рисунок черный стаи журавлиной.
Да этот вид на речку и дуга
Из окон вновь отстроченной
гостиной...

Россия... «Мы открываем с каждым днем Россию», — произнес поэт в стихотворении 1962 года. И не устает открывать родную землю в ее просторах, в ее грядущем и в ее истории («Воспоминание о поле Куликовом», «Иван Первый», «Петр I»). «К родному возвращаюсь очагу» — вот лейтмотив поэта, а его заветное убеждение: «Ничего на свете мне не страшно, пока во мгле мерцает отчий дом». Нет пейзажа, где не сквозила бы «времен возвышенная связь». Но не в умилении поэт, а в страданном пути. Время несет и обретения и утраты. И над всем — свет России: «Мы столько ей жизнью отдали, что стала бессмертной она».

«Верую» поэт звучит выстраданно, непреклонно и открыто: как и во многих других стихах, он не боится прямой тезисности, убеждая ее скрытым огнем воли и веры:

Пока в тумане
И тьме крошечной
Россия брезжит
Над тусклой бездной.
Напрасно тешат
Себя надеждой
Пасти народы
Жезлом железным.

Вот то светящееся ядро, вокруг которого собираются идеи и темы Валентина Сидорова, вот источник лучевой энергии, которая дает поэту силы уходить далеко-далеко от начала — и в глубины веков, и за гималайские выси, и в звездные миры. Но везде, в самых, казалось бы, невозвратных странствиях, вплоть до говорящего безмолвия древней мудрости, с поэтом огненная Чаша (по одному из его любимых слов), зажженная на родной земле.

Свет Родины и вывел поэта к думам о судьбах мира, о путях духовности и братства, соединяющих народы. Вывел к одной из наиболее заветных для него тем — индийской. Валентин Сидоров убежденно говорит, что «привязанность к родине детства не может, не должна означать замкнутости в некоем ограниченном пространстве глухоты ко всему остальному». И продолжает: «Великий русский художник и мыслитель Николай Константинович Рерих, изучением творческого наследия которого я занимаюсь и который в последние годы стал моим

Учителем, размышляя о любви к России, сказал следующие знаменательные слова: «Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество».

Пути поэта ведут и к науке, к углубленному познанию истории, культуры, философии. В биографии Валентина Сидорова — философский факультет Московского университета, аспирантура Литературного института, кандидатская диссертация... Великий русский художник, ученый, философ и поэт, Н. К. Рерих, чья жизнь и творчество тесно связаны с Индией, завладевает помыслами советского поэта. Своему духовному Учителю посвящает Валентин Сидоров книгу «На вершинах». Так начинается долголетнее служение поэта укреплению советско-индийской дружбы, познанию древней культуры Индии. Поэт составил сборник «Раздумье об Индии. Индия в стихах русских и советских поэтов». В предисловии к сборнику Валентин Сидоров пишет: «Взаимное тяготение духовных полюсов России и Индии — знаменательный признак и прошлого и нашего времени... В стихах звучат разные мотивы, но есть одна нота, возвышенный настрой которой роднит все без исключения стихи: любовь к Индии, к ее народу, к ее великой культуре». Добавим, что эта любовь говорит немало и о нашей Родине...

«К востоку я стремлюсь душою!» — мог бы повторить советский поэт слова В. А. Жуковского, но с наполнением этого девиза интернациональным пафосом наших дней. Индийская тема стала у поэта неотделимой частью его образа России, которой, как говорил Александр Блок, «внятно все». Встреча двух духовных полюсов — России и Индии — отразилась в творчестве Валентина Сидорова не только тематически (в циклах «Гималайский сад», «Индийские сюжеты», поэме «Вивекананда», «Песне о Шамбале» и других произведениях). Новое качество обрел весь творческий стиль поэта. Сосредоточенная осиянность — это и тема и настрой поэмы «Свиток», цикла «Письма о любви», поэм «Весть» и «Зов», венка сонетов «Светлая осень». Черты эти концентрированно воплотились в книге Валентина Сидорова «Возвращение».

Все пронизано отсветом восточным:
И холмы, и поляны, и плес,
И душа моя снова трепещет
Перед таинством белых берегов...

В циклах «Ступени» и «Ключ» Валентин Сидоров, по его словам, сочетает русскую и индийскую поэтические традиции. Сюда примыкают «Беседы с Учителем». Сжатость, обобщенность этих стихов делают их афоризмами, но устремленность к внутренней работе («медитации») наполняет стихи властной силой, которая манит и возвышает. Читатели уже обратили внимание на эти предельно сжатые строки, напоминающие загадочные и влекущие краски полотен Н. К. Рериха:

Великий ритм приливов и отливов
Во всей вселенной царствует всегда.

Ты — только нота радости вселенской.

Теряя себя, не думай о себе!

Да будет постоянным Устремленье
И непрерывным, будто бы река.

Эти стихи-заповеди в философской лирике Валентина Сидорова продолжают, как мне кажется, его любовную лирику (книга «Письма о любви»). Только то, что было мгновенным переживанием, стало выношенным жизненным итогом — Учителем в сердце человека. Вспоминаются слова Евгения Боратынского: «Но пред тобой, как пред нагим мечом, Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная». «Путник» — назвал Валентин Сидоров книгу своих избранных стихотворений из двенадцати предыдущих книг. Сейчас этих книг стало больше. Но дело не в количестве. Одна из них называется «Высокий свод». Мы видим, что поэт идет, собранный в высокой патристической и человеческой думе.

К синим вершинам твоим, Гималаи,
К синей твоей бесконечности, Русь...

Беседа с ним о святости, я пытался уяснить для себя, как можно, живя в современном обществе, исповедовать религию евангельских христиан-баптистов. Вопрос этот тревожил меня по той простой причине, что, уверовав, я продолжал работать инженером-конструктором, занимался рационализаторской деятельностью, был активным общественником. Но я чувствовал, что постепенно утрачиваю интерес к инженерному делу, к техническому творчеству. А тут еще домашние стали возмущаться, что я по-прежнему смотрю телевизор, читаю книги и журналы, участвую в ху-

свободного времени. Меня с самого начала поразил тот факт, что молодые, здоровые «братья» и «сестры» работают на должностях, более подходящих для людей пенсионного возраста. Тот же «брат» Юра заявил мне однажды: «Я бы с удовольствием дворником стал работать после окончания института». Это меня возмутило: «Ведь ты же будущий математик высшей квалификации, способный человек!» «Работая инженером-программистом, святости не достигнешь», — ответил он.

Впоследствии Юра действительно устроился дворником. К сожалению, он не одинок. В Московской общине десятки молодых людей бросили учебу, любимую работу, порвали отношения с друзьями, утратили активную жизненную позицию.

Для большинства пастырей все социальные и трудовые проблемы давно решены: он, проповедник, «потомственный верующий», в течение нескольких лет проповедник Московской общины, получивший

дожественной самодеятельности, занимаюсь всякими общественными делами и все это — иногда в ущерб церкви. Но я не собирался бросать ни свою основную работу, хотя жена и Епископ советовали мне это сделать, ни общественную деятельность, которую любил.

Как бы там ни было, я ощущал раздвоенность и все чаще задумывался над словами Иисуса Христа: «Не хочу взять вас из мира, но хочу сохранить от зла». Я наивно полагал, что любой верующий должен честно трудиться на своем месте и в то же время благодаря вере воспитывать в себе черты христианской добродетели, о которых говорит Христос в Нагорной проповеди, — «сохранять себя от зла», другими словами — от человеческих пороков. А «брат» Юра упрямо твердил мне о «святости ради святости» или о «святости ради вечной жизни в царствии небесном», приводил примеры из жизни православных святых, показывал иконы, цитировал «Жития святых», и, как я ни старался перевести все это на почву современного бытия, мне не удалось переубедить его.

Да это и неудивительно. Посещая церковь, я ни разу не услышал, чтобы хоть один проповедник с кафедры призвал к честному труду на благо общества, никто и никогда не молился по этому поводу. Не случайно большинство членов церкви стремятся «вести жизнь тихую, мирную», на работах, которые оставляют много

образование и достигший солидной обеспеченности за счет своей пасты. А призывая молодежь вести «жизнь тихую и мирную», пастырь отрывает их от активного труда, лишает возможности работать по призванию и специальности, учиться. А потом, когда сбившие с толку молодые люди действительно начинают «вести жизнь тихую и мирную», с дипломом в кармане работают дворниками и сторожами, проповедник проливает крокодиловы слезы по поводу того, что вот, дескать, «нас, верующих, никто не понимает, атеисты нас преследуют и не дают нашей молодежи учиться и работать по специальности». А в конце проповеди, чтобы подбодрить приунывших молодых христиан, расскажет им, что где-то на Западе жил бедный молодой человек, который «тоже горячо любил Христа» и которого «тоже никто не понимал, но «бог не оставил этого молодого человека, и в один прекрасный день он получил в наследство миллион долларов». Именно такая история была рассказана в одной из проповедей.

После этого, набросив дубленку, сев в «Жигули», проповедник уедет в свой богатый дом, а старики и старушки в церкви долго еще будут со слезами на глазах пересказывать друг другу басенку о «божьем любви к бедному юноше». И что удивительно — не только старики и старушки, но и молодые люди с горящими глазами тоже долго будут говорить о «божьем любви», а кое-кто вздохнет: «Как хорошо быть верующим! Особенно там, на Западе».

Окончание. Начало см. в № 16.

Проповедники знают, что все сказанное ими молодые люди жадно впитывают, а если кому что и непонятно, то ему охотно растолкуют самостоятельные пастыри вроде Епишина, Семченко и других. Но эти пастыри действуют не только ради любви к Богу и его сыну Иисусу Христу.

Как-то из разговора с Епишиным я узнал, что «христианская деятельность» Семченко носит несколько странный характер, порой она ничего общего с верой в Бога не имеет. Как-то одному из «братьев» захотелось приобрести портативный импортный магнитофон. Ему посоветовали обратиться к Семченко. Я был удивлен: откуда у обыкновенного парня, строителя по профессии, магнитофоны, приемники, фотоаппаратура, и в основном все импортное? Ответ был лаконичным: у него много знакомых иностранцев — «братьев по вере». Они-то и «дарят» ему такие вещи. На мой вопрос, как же Семченко совмещает деятельность молодежного церковного активиста и фарцовщика, Епишин неопределенно пожал плечами и перевел разговор на другую тему. Впоследствии я заметил, что некоторые «братья» ловко сочетают «любовь к Богу» с любовью к импортным вещам, которые им «дарят» иностранные «братья» — частые гости церковной общины в Москве.

Почти каждую неделю в церкви гостят иностранные «братья» и «сестры». Многие из них выступали с проповедями в московской церкви, говорили о мире, о проблемах голода в малоразвитых странах. Как не разделить эту их озабоченность! Но для некоторых «братьев» подобные визиты — просто возможность завязать знакомство с иностранцами, заполучить Библию, литературу, магнитофоны, записи «духовной» музыки... Больше того, я знаю «братьев», которые вообще посещают церковь только потому, что там есть возможность наладить деловой контакт с иностранцами.

Мне доводилось слышать проповеди Семченко, в которых он призывал молодежь к «христианской деятельности». Что же движет этим человеком? Вера? Нет, он непохож на истинно верующего человека. Это легко заметить. Из разговора с ним я понял, что он очень честолюбив. Семченко приехал в Москву из Джамбула, попробовал устроиться музыкантом — не получилось. Ну, а здесь Семченко сразу учуял: к чему образование, если можно стать популярным, пусть среди небольшой группы людей, но зато в центральной Московской церкви евангельских христиан-баптистов? Он начинает подумывать о создании «молодежной христианской организации». Пусть эта деятельность не вписывается в священное писание, никак не согласуется с мировоззрением верующего, зато это верный путь к популярности.

Какие только планы не строит этот честолюбец! Здесь и организация евангельских христиан-баптистов, и издание молодежного христианского журнала, и связи с активистами Совета церквей, и многое, многое другое. Правда, почти ни одна из его затей не осуществилась. То это «подпольное крещение», то туристский поход под флагом евангельских христиан-баптистов, то общение с сомнительными иностранцами «братьями», то поездки в общины других областей для создания «молодежного союза христиан».

Члены группы называют себя «живыми христианами», а представителей всех других групп — «плотскими христианами», то есть бездеятельными, пенушимися о своей плоти.

Не удалась его старая планы? Ну и что ж, у него созрели новые, и к их осуществлению он привлекает молодых евангельских христиан-баптистов. Одному Семченко предлагает стать не более, чем менее, как главным редактором подпольного молодежного христианского издания, другому — корреспондентом этого журнала, третьему — опубликовать в нем «христианские стихи», добавляя при этом, что «за гонораром дело не станет».

И невдомек некоторым молодым «братьям» и «сестрам», что никогда не будет ни журнала, ни гонораров. Зато на очередном общецерковном молодежном собрании какой-то другой проповедник опять будет хвалить Семченко за «горячую христианскую деятельность». Вот так и процветает Семченко, его «духовная», с позволения сказать, деятельность. Только один раз, когда радывые верующие возмущались его поведением, он был вызван в пресвитериат Московской общины, где ему сделали замечание. Теперь он был увенчан лаврами «страдальца за веру». А если бы «братья» и «сестры» повнимательней присмотрелись к Семченко, они бы легко заметили, что в Московской общине евангельских христиан-баптистов пригласил обыкновенный фарцовщик.

Меня могут спросить: почему я, увидев столько изъянов во внутрицерковной жизни, все же принял «святое водное крещение», стал официальным членом церкви? Более того, после крещения стал весьма активным в хоровом служении. Ответить на этот вопрос очень трудно, ибо он носит сугубо личный характер, но я постараюсь быть откровенным до конца. Дело в том, что моя жена попала в церковь не случайно, как она это объяснила мне. Оказалось, что теща, которая живет вместе с нами, происходит из семьи баптистов. Ее отец был пресвитером в одной из сельских церквей Красноярского края. Мысленно перебирая в памяти нашу семейную жизнь, я вспоминаю, что теща что-то говорила о баптизме, о молитвенных домах, но я настолько был поглощен работой и домашними заботами, что не придавал этим разговорам значения.

Только через несколько лет я узнал от тещи, что везде, где бы она ни жила, она посещала молитвенные дома баптистов, продолжала посещать его и в Москве, но тщательно скрывала это от меня. Таким образом, приход моей жены и ее дочери в общину евангельских христиан-баптистов был далеко не случайным. Когда я сказал жене, что, очевидно, не смогу посещать церковь, в которой столько противоречий, она заявила:

— Я с Богом давно, и если ты уйдешь от Бога, то потеряешь и меня и детей.

Ее слова ошеломили меня. Жена почувствовала мое смущение и тем не менее продолжала настаивать:

— Лучше бы ты пел в хоре, а не искал каких-то истин на духовных собраниях, ведь у тебя неплохой голос.

Что мне было делать? С кем посоветоваться? Как поступить? К своему горькому сожалению, я выбрал совсем не того советника, который мне был нужен тогда, — пошел к Епишину. Он сказал примерно то же, что и жена:

— Ходи в хор и посещай «общения» в моей группе, а после крещения все изменится.

«Святое водное крещение» я принял 8 мая 1979 года. Ему

предшествовала специальная процедура — «испытание». Имеется в виду испытание на духовную зрелость. Каждого, кому предстоит принять крещение, приглашают на заседание руководства Московской общины евангельских христиан-баптистов. Испытуемому задают вопросы, связанные с его жизнью, проверяют знание Священного писания и всего внутрицерковного устройства. Существует даже отпечатанный на машинке вопросник, содержащий примерный перечень вопросов и ответов, которые должен четко знать проходящий «испытание». Лично мне задали только один вопрос: как случилось, что вся моя семья одновременно пришла в молитвенный дом? Я искренне ответил, что сам не знаю, как это случилось. Я ожидал вопросов о вероучении евангельских христиан-баптистов, о священном писании, но никто меня об этом не спросил. В заключение один из пресвитеров сказал мне:

— Обычно мы не советуем принимать «святое водное крещение» раньше чем через полгода после покаяния, но для вас и вашей жены мы делаем исключение, ибо вас рекомендует Епишин и характеризует с самой лучшей стороны.

Вот так совсем просто прошло мое испытание на «духовную зрелость». Порядок, установленный в церкви, требует, чтобы каждый испытуемый имел свидетеля своего покаяния. У нас с женой таким свидетелем был Епишин.

В то время я довольно близко сошелся с «братом» Павлом. Он впервые пришел в молитвенный дом евангельских христиан-баптистов около десяти лет назад и уже тогда был близок к тому, чтобы принять крещение и стать членом церкви. Однако в ту пору он не сделал этого, то ли под влиянием своей матери-учительницы, то ли действовала студенческая среда. Из разговоров с ним я понял, что в церковь его привлекло не столько духовный интерес, сколько возможность общаться с иностранцами — «братьями» — он неплохо владел английским языком. «Брат» Павел рассказывал мне, почему он в свое время отошел от церкви, но, как бы там ни было, спустя пять-шесть лет он снова появился в молитвенном доме примерно в одно время со мной и был тепло принят в группе Епишина. Он отлично знал Евангелие, хорошо разбирался в толкованиях священного писания. Он редко посещал богослужебные собрания, зато иностранные гости всегда его интересовали. Павел свободно вступал в разговор с ними, обменивался адресами, иногда получал в подарок Библию или какую-нибудь другую «духовную» книгу. С самого начала нашего знакомства я понял, что Павел ищет в церкви не Бога.

Совсем иные причины привели в церковь другого моего знакомого, Толю. За свои двадцать семь лет он прошел довольно необычный жизненный путь: в семнадцать лет он успел стать алкоголиком и несколько лет лечился от запоев, за это время поменял ряд профессий: от грузчика в винном магазине до санитаря «Скорой помощи». Примерно за год до появления в церкви он принял очередной курс лечения, перестал пить, устроился работать санитаром, стал подумывать о женитьбе. Но как только девушка, за которой он ухаживал, узнала о его прошлой жизни, она тотчас же прекратила знакомство. В выздоровление «брата» Толи никто не верил. Узнав о его беде, один из верующих сослуживцев посоветовал Анатолию пойти в баптистскую церковь:

— Вот где ты найдешь себе невесту — там много незамужних «сестер».

Так «брат» Толя попал в молитвенный дом в группу Епишина, покаялся и еще до «святого водного крещения» присмотрел себе невесту. После его появления в церкви евангельских христиан-баптистов Епишин стал всем рас-

сказывать о нем, как о своего рода чуде: дескать, вот был «брат» Толя «в мире», пил запоем, а стоило ему обратиться к Господу — и сразу перестал пить.

Чтобы «братья» и «сестры», проливающие слезы по своим близким, погрязшим в пьянстве, убедились в том, что только Бог может помочь избавиться от этого порока, показывают на «брата» Толю. Сам же Толя признался мне, что буквально за полгода до прихода в церковь он принял сеанс серьезного наркологического лечения, которое на определенный срок полностью исключает прием спиртного. Оставляя на время процедуры крещения всевышнему за то, что тот помог ему избавиться от страшного греха — пьянства. На самом деле благодать нужно было врачам, сумевших излечить его от тяжелого недуга.

Группу Епишина посещал и «брат» Володя — инженер-строитель. Его верующей матери долгое время не удавалось привести сына в церковь. Наконец представился такой случай. Володя с детства страдал заиканием. И вот однажды он признался матери, что ни одна девушка не хочет с ним встречаться из-за того, что он заика. Мать сказала ему: «Вот ты не хочешь ходить со мной в молитвенный дом, а там очень много незамужних молодых «сестер». Так и Володя оказался в церкви, где ему быстро нашли невесту.

Внутрицерковный устав евангельских христиан-баптистов официально запрещает, вплоть до «отлучения», «братьям» жениться, а «сестрам» выходить замуж за неверующих. Конечно, жизнь берет свое, и в церкви случаются «смешанные браки». Стоит начаться малейшим трением в таких семьях, как «служители дела господня» провозглашают с кафедры: «Видите, «братья» и «сестры», что получается — такие браки негодны Господу».

Итак, 8 мая 1979 года я принял «святое водное крещение» и стал официальным членом Московской общины евангельских христиан-баптистов. Баптисты считают, что крещение человека должен принимать в сознательном возрасте, 18 лет и старше. В этом заключается коренное отличие вероучения евангельских христиан-баптистов от православия, католицизма и других христианских течений.

Обряд крещения в московском молитвенном доме совершается в торжественной обстановке. Входим в специально ванну с водой, и пресвитер общины, положив руку на твою голову со словами «крещу тебя во имя отца, сына и духа святого», погружает тебя в воду. Все принимающие крещение одеты в белые халаты и лишь после совершения обряда надевают свою обычную одежду.

Перед процедурой со словами напутствия новым членам церкви выступают руководители общины и ВСЕХБ. Проводеи их сейчас прокинуты одной идеей: «только после принятия «святого водного крещения» человек становится новой тварью во Христе Иисусе, и только крещение приводит человека к миру с Богом и дарует ему жизнь вечную».

Все служение во время процедуры крещения направлено на то, чтобы будущий член общины проникся мыслью, что дальнейшая его жизнь невозможна вне церкви, вне Бога, вне Христа. Об этом говорят и в проповедях и в приветствиях, об этом почти непрерывно поет хор. Часто во время крещения выступают иностранные «братья». Как правило, новым членам церкви дарят много цветов, вручают подарки, их горячо поздравляют.

Вместе со мной крещение приняли «братья» Юра, Толя, Володя, Павел, о которых я упоминал выше, многие «сестры», в том числе и моя жена, — большинство из группы Епишина. В группе был настоящий праздник: сразу более десяти человек вошло в общину.

После крещения меня спрашивали, что я испытал во время исполнения этого церковного ритуала, посетил ли меня «дух святой», действительно ли погрелся в воде все мои грехи. На меня во время «святого водного крещения» действовала только торжественная обстановка. Что же касается «духа святого» и «омытия грехов», то этого я не испы-

тал, как, впрочем, и другие «братья» и «сестры», которые после крещения простоудушно признавались, что они ничего не почувствовали, кроме волнения, вполне объяснимого — вдруг ты становишься объектом внимания нескольких сотен человек, да еще в столь необычной обстановке.

Чем же все-таки объяснить то значение, которое баптисты придают крещению? Главное, на мой взгляд, — это забота об увеличении паствы. Уже став членом церкви, я начал посещать закрытые церковные собрания, на которых узнал, что община убывает за счет естественной смерти пожилых «братьев» и «сестер». Принимают же крещение и становятся членами церкви значительно меньшее число людей. Это, естественно, не может не беспокоить руководство церкви, и делается все, чтобы привлечь в общину новых членов.

И вторая причина: самой процедурой «святого водного крещения» руководители баптизма хотят подчеркнуть, что только они, евангельские христиане-баптисты, исполняют заветы Христа в полном и точном соответствии с Евангелием.

В Московской общине еще несколько лет назад существовало правило, по которому «покаявшийся» должен был ожидать крещения примерно год. Теперь положение изменилось — не успеет какая-нибудь «душа» покаяться, как уже через месяц-второй ей предоставляют возможность принять «святое водное крещение». Община убывает, ее надо пополнять новыми членами и как можно быстрее, пока не передумали. Хорошо помню, что на процедуру крещения не явилось несколько «братьев» и «сестер», которые должны были креститься в один день со мной. Вероятно, в самом деле передумали, или, выражаясь точнее, одумались, и воярема, ибо, приняв крещение, «брат» или «сестра» попадают в некое зависимое положение от церкви. Ранее, когда «брат» был лишь «приближенным», руководитель группы мог только пожурить его за то, что тот редко посещает церковь. К члену же церкви отношение уже более требовательное, его можно и поругать, можно сделать ему замечание и даже пригрозить отлучением. Причем под особенно пристальным вниманием находятся новички, для их опеки пресвитериат использует самодеятельных «пастырей» — руководителей групп.

Группа выбирает себе руководителя, его заместителя и дяконский совет. Меня избрали в совет группы, поручив работу с семейными. Но потрудиться на этом поприще не пришлось, так как произошло событие, заставившее меня фактически уйти из группы Епишина, хотя формально я поддерживал с ней отношения до самого последнего дня моего пребывания в Московской общине евангельских христиан-баптистов.

Как-то недели через три после крещения ко мне домой зашел один из «братьев» и рассказал, что на очередном духовном общении группы, на котором меня не было, «братья», «давно идущие за господом», говорили обо мне, вернее, о моем «покаянии». Осуждая мои «грехи», в которых я откровенно признался, они потребовали от Епишина, чтобы тот согласился, что допустил ошибку,

введя меня в руководство группой. Была произнесена даже молитва, в которой «братья» просили всевышнего дать им озарение о моей греховности.

Епишин признал, что допустил ошибку, сказал, что постарается исправить ее. Как он собирался это сделать, не знаю, однако при встрече с ним я потребовал объяснения и заявил, что ноги моей больше не будет в церкви. Епишин был сильно смущен и стал заверять меня, что ничего страшного не произошло — «братья» вспомнили, что в соответствии с Евангелием человек, у которого не первая семья, не может находиться на служении. Видя мое искреннее негодование, Епишин стал оправдываться и предложил мне совместно с ним помолиться, дабы хоть как-то исправить неприятное положение, в котором он оказался.

Но ни молитвы, ни извинения ничего не изменили — именно тогда я понял всю глубину фальши и лицемерия, которыми пропитана церковь. О какой святости может идти речь, когда самые интимные стороны жизни человека, самые сокровенные тайны его становятся объектом обывательского суждения и осуждения!

Как же, «новенький» покаяться и рассказал во всеуслышание о своих грехах! И вот ползут сплетни по церкви, и на «новенького», хоть и покавшегося и принявшего крещение, уже смотрят как на чужого.

Сплетни, сплетни, сплетни... Они пронизывают всю Московскую общину евангельских христиан-баптистов сверху донизу. И участвуют в них все — от руководителей ВСЕХБ до рядовых верующих. Особенно ловко пользуются ими такие «деятели», как Семченко. Встретит этот «христианский активист» какого-нибудь «брата», ставшего очередной жертвой сплетни, и начинает тут же без обиняков агитировать: «Это там у вас, в группе Епишина, сплетничают про тебя, переходи ко мне в группу, у нас никаких сплетен не бывает, ведь мы живые христиане, мы не сплетничаем, мы занимаемся делом».

Противопоставление верующих и неверующих — это основа деятельности евангельских христиан-баптистов. С кем бы мне ни приходилось разговаривать, все твердят одно и то же: атеисты нас не понимают, атеисты нас преследуют, атеисты следят за нами и контролируют каждый наш шаг. Вначале я ничего не мог понять — о каком непонимании идет речь, о каких преследованиях шепчутся? Московская община евангельских христиан-баптистов занимает одно из лучших зданий в центре столицы. Церковь прекрасно оборудована, радиофицирована. Все верующие пользуются Библиями и духовными песенниками, прекрасно изданными. У нас в стране и к последнему съезду ВСЕХБ была в очередной раз издана большим тиражом хорошо оформленная настольная Библия с золотым тиснением. Свободно проводятся не только общецерковные собрания, но и всякого рода духовные собрания, общения, разговоры. Свободно издаются богословский журнал, орган ВСЕХБ, духовные календари, ноты для хорового пения.

Но все это отнюдь не мешает «истинным христианам» постоянно твердить о каких-то притеснениях и чуть ли не преследованиях со

стороны атеистов. Особенно усердствуют в этом молодежные христианские активисты — Семченко, Епишин, Блинова и им подобные. О чем бы вы с ними ни говорили, обязательно разговор сведется к «гонениям». В первые дни посещения церкви я как-то спросил Епишина, о каких гонениях он говорит — ведь Московская община существует безбедно, никто никого не гонит, никто никого не преследует. Он ответил мне: «Вот походишь в церковь — увидишь».

Я познакомился с деятельностью общины, служением, активистами, сам участвовал в хорошем служении, тем не менее не почувствовал никаких притеснений. Очевидно, слухи о гонениях распространяются для того, чтобы создать обстановку страдания, в которой легче обрабатывать на «покаяние» «новеньких». В явной и неявной форме с церковной кафедры несутся призывы ко всем «страждущим и обремененным»: «Страдал Христос, страдаем мы, служители дела господня! Придите к нам, и мы вместе будем страдать у ног Христа! Зато потом — жизнь вечная, вечное блаженство рая».

Попытка пойти на сделку с самим собой с одной-единственной целью — сохранить семью — обошлась мне слишком дорого, не дав результата. Она не предотвратила распад семьи, а лишь затянула его, сделав еще более мучительным. Когда я сказал жене, что больше не могу посещать церковь и это мое окончательное решение, она осыпала меня обвинениями в предательстве и угрозами неминуемой «кары небесной». Она не посчиталась с тем, что я только что похоронил свою трагически погибшую в автокатастрофе мать, с тем, что дети были свидетелями наших сцен. Более того, она пыталась убедить сына в том, что его отец — «христопродавец», «сатанинское отродье» и его надо чураться. К несчастью, ей удалось добиться этого. Иногда, возвратившись с работы, я заставал дома духовные общения, на которых мои бывшие «братья» и «сестры» молились о моей «погибающей душе» и просили всевышнего помочь освободить меня от «власти сатаны».

Обычно присутствовали на этих общениях и дети. И ни у одного из молящихся не нашлось обычного сочувствия, чтобы зайти в соседнюю комнату, сказать простые слова, попытаться понять меня. Что же касается жены, то она по-прежнему посещала церковь, молилась, плакала, — в глазах общины она была невинной жертвой моего «тяжкого греха» и вызывала всеобщее сочувствие и поддержку.

Трудно вспоминать этот период моей жизни. Но время, а главное, работа постепенно делали свое дело, именно они дали мне силы все выдержать. Ко мне вернулись прежние увлечения: техническое творчество, музыка, театр, литература — словом, все становилось на свои места.

Стендаль сказал: «Извинить бога может только то, что он не существует». Но никто и ничто не может извинить или оправдать служителей церкви, которые с корыстной целью калечат души людей, заставляя их страдать, прикрываясь словами о «великой любви божьей».

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ю. И. МЕЛЬНИКОВА

ДАЛЕКАЯ ДОРОГА

Большая часть произведений Юрия Мельникова, в том числе поэмы «Изба у реки» и «Валдай», посвящена теме войны. Глубокую борозду оставила она в душе поэта.

Правдиво запечатлен ратный подвиг советского человека в новых поэтических книгах Мельникова «Забить не могу» и «Пока мы живы». Автор хорошо знает, как жили и боролись люди, сломавшие хребт коварному врагу. Поэтому стихи его подкупают неподдельной искренностью.

В человеке с оружием в руках, в солдате Отечественной войны поэт видит труженика, который и на войне не перестает жить заботами мирных будней:

.. Цвела весна.
В полях синели дали.
И увидел я тут издаലെка,
Как на коровах женщины пахали.
И мы колхозу отдали
Гнедка.

Всем своим творчеством поэт-фронтовик Ю. Мельников последовательно утверждает связь старших поколений с подрастающей сменой, памятуя о том, что процесс этот встречный, взаимный. Отсюда и обращение:

Вы, юные,
позиций не сдавайте.
Для вас он рвал
захватчиков кольцо...
Смотрите
И навек запоминайте
Живого победителя
лицо.

Его новые книги, как, впрочем, и прежние, располагают к себе, легко находят собеседника. Оно и понятно, строки стихов привлекают внимание естественностью слога, точно найденным словом, из жизни взятым образом. В стихе не найдешь лишнего штриха. И за каждой строкой видна картина жизни.

Слова о дружбе, патриотизме, высокой любви к Родине в творчестве поэта не фразы. Выходец из подмосковной деревни, он с детства узнал вкус крестьянского труда, полюбил родную природу. А когда враг прорвался к Москве, пошел добровольцем защищать родную землю. Воевал минометчиком. В одном из боев вблизи пушкинских мест, под Псковом, был ранен. После госпиталя снова попросился на передовую. Участвовал в штурме Кенигсберга. За ратные подвиги удостоен правительственных наград: четырех боевых орденов и многих медалей.

Война для Ю. Мельникова закончилась парадом на Красной площади, по которой он в ряду военных победителей прошел в колонне сводного полка Третьего Белорусского фронта. Об этом уместно вспомнить в связи с 60-летием поэта, в ком и сегодня жива душа солдата:

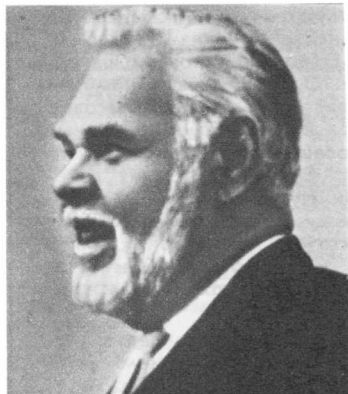
Кочегарим и строим,
Добываем и жнем...
И по-прежнему
с боем
Высоты берем.

Иван БЛОХИН,
кандидат исторических наук

ПАМЯТИ

В. Н. ГОРЯЕВА

Умер народный художник СССР Виталий Николаевич Горяев. Это была личность недюжинная. Что всегда поражало в нем — это светлая юношеская неуспокоенность. Казалось бы, художник перешагнул через рубеж семидесяти лет, но его острые прозрачные глаза всегда глядели на мир восторженно и вопросительно. Он вечно искал новь. Искал неустанно, всю свою творческую жизнь. Это был истинный мастер. Он умел одним штрихом, своеобразным колким силуэтом выразить много и сказать об этом глубоко и пристрасно. Его рисунок был артистичен и точен, его любимый прием в характеристике человека — ракурс. Но за всей этой кажущейся виртуозностью и легкостью кисти и карандаша стоял труд. Работа утомительная, многолетняя, неустанная. Плодом этого напряженного созидания были сотни рисунков, акварелей, этюдов, карикатур, плакатов, журнальных иллюстраций. Вершиной его искусства, жемужиной нашей графики стали его вдохновенные рисунки к литературным шедеврам Гоголя и Достоевского. В этих иллюстрациях как бы отразилась вся мудрость художника, сумевшего

свежо, по-новому прочесть великие книги. Горяев был мастер-гражданин. С тридцатых годов зритель полюбил его злободневные сатирические рисунки, плакаты. А позднее, в годы Великой Отечественной, Горяев писал «Окна ТАСС», создавал фронтовые наброски. Виталий Николаевич был один из крупнейших художников печати, он выступал на полосах центральных газет и журналов. Рисовал он немало и в «Огоньке», неизменно вызывая доброе отношение самого широкого читателя. Память об этом замечательном человеке и художнике будет всегда жить в сердцах его товарищей.

ОГОНЬКОВЦЫ

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

«Смейтесь на здоровье!» Под таким девизом с 1 по 10 апреля в Сочи проходили Дни юмора и сатиры, организованные Министерством культуры РСФСР, Росконцертом, управлением культуры Сочинского горисполкома и Сочинской филармонией. В течение десяти дней в санаториях, пансионатах, домах отдыха, театрах города не смолкал жизнерадостный смех, виновниками которого были известные советские артисты (такие, например, как Елизавета Ауэрбах, Евгений Весник, Зиновий Высоковский, Эмиль Радов, Леонид Усач), писатели-сатирики Михаил Жванецкий и Андрей Внуков, авторская группа киножурнала «Фитиль», администрация клуба «Двенадцать стульев» «Литературной газеты», саратовский театр «Микро»...

Наш корреспондент Сергей Власов взял короткое интервью у одного из организаторов декады смеха, директора Сочинской филармонии Ю. Н. МАМЧУРА.

— Юрий Николаевич, скажите, как ваш в общем-то серьезный город дошел до такой жизни, что решил провести юморину, от которой в свое время отказались даже такие признанные города-сельчаки, как Одесса?

— Ничего удивительного здесь нет: Сочи — это прежде всего здравница, а юмор — прежде всего лекарство. Шведский профессор Бострем утверждает, что веселые люди выздоравливают быстрее. У тех, кто часто смеется (при прочих равных условиях), лучше работают сердце и органы пищеварения, сосудистая система обладает большим запасом прочности. Ученые даже подсчитали, что одна минута смеха продляет жизнь человека на девять минут. Так что проведение Дней юмора и сатиры именно в Сочи совершенно оправданно. Если учесть, что юмористы в здравницах города за эту декаду дали около двухсот концертов, на которых побывало не меньше ста тысяч человек, и если считать, что каждый из них смеялся по крайней мере полчаса, то получается: наша юморина всем им продлила жизнь на четыре с половиной часа. Вроде бы немного, но в пересчете на одного из зрителей это выходит уже пятьдесят с лишним лет. Целая жизнь! Я уверен,

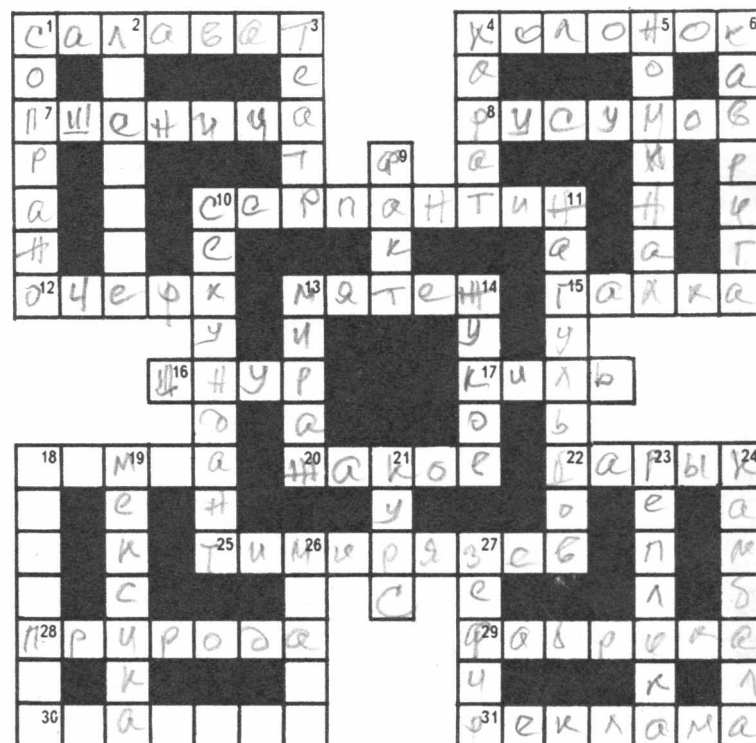
что наш опыт смехотерапии в скором времени переймут и другие города страны, заинтересованные в продлении жизни своего населения.

— Говорят, первый блин — комом. Но о первой сочинской декаде смеха этого не скажешь.

— В данном случае я предпочитаю быть самокритичным. Теперь, когда декада завершилась, мы видим, что многое надо было сделать иначе. От каких-то мероприятий отказаться, что-то непременно добавить. Например, мы уверены, что в программу надо обязательно включить показ комедийных фильмов и выступления комедийных киноактеров. Это, конечно, далеко не единственное наше упущение. Постараемся учесть свои ошибки в будущем.

— Значит, вы думаете, что Дни юмора в Сочи станут традиционными?

— А почему же нет?! Только не хотелось бы, чтобы они напоминали месячники культурного обслуживания в некоторых магазинах, когда продавцы не могут дождаться конца этого горе-мероприятия. Надеемся, что со временем сочинская юморина станет такой же популярной, как и наша Магаста. А город-курорт станет настоящей столицей юмора и смехотерапии.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Город в Башкирии. 4. Пушной зверек. 7. Хлебный знак. 8. Народный писатель Азербайджана, Герой Социалистического Труда. 10. Разноцветная бумажная лента. 12. Прозаический жанр. 16. Роман Д. А. Фурманова. 15. Птица семейства воронковых. 16. Крученая тонкая веревка. 17. Вертикальная часть хвостового оперения самолета. 18. Русский музыкальный инструмент. 20. Киноактер, народный артист СССР. 22. Город в Таджикистане. 25. Основоположник русской научной школы физиологов растений. 28. Окружающий нас материальный мир. 29. Промышленное предприятие. 30. Горный массив на Кавказе. 31. Информация о товарах и видах услуг.

По вертикали: 1. Высокий женский голос. 2. Река в Латвии. 3. Помещение для постановки драматических произведений. 4. Единица веса драгоценных камней. 5. Наричательная стоимость бумажных денег. 6. Каравай, круглый хлеб. 9. Действительное событие, явление. 10. Посредник, помощник боксера. 11. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 13. Оптическое явление в атмосфере. 14. Маршал Советского Союза. 18. Река в Красноярском крае. 19. Государство в Северной Америке. 21. Год обучения в вузе, техникуме. 23. Краткое замечание, возражение. 24. Промысловая морская рыба. 26. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 27. Разновидность пастилы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 4. Воронеж. 9. Гуттузо. 10. Метрика. 11. «Весна». 12. Линотип. 15. Сарапул. 17. Молдавия. 18. «Романтик». 19. Овчарка. 22. Платина. 26. Ремек. 27. Плинтус. 28. «Селькор». 29. Скрипка. По вертикали: 1. «Соловьи». 2. Лосось. 3. Фермата. 5. Станиславский. 6. Русло. 7. Этика. 8. Киноустановка. 13. Товар. 14. Пряжа. 15. Сироп. 16. Румба. 20. Анета. 21. Корсика. 23. Лексика. 24. Тесла. 25. Смолич.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мария Нурматовна Зиябекова работает в Орджоникидзевском производственном управлении «Сельхозтехники». Она была делегатом XVII съезда профсоюзов СССР. (См. в номере материал «Глава семьи».)

Фото А. Гостева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Почти в центре Москвы, по соседству с Садовым кольцом, расцвели подснежники. Вся территория небольшого сада, прилегающего к усадьбе Льва Николаевича Толстого в Хамовниках, густо усыяна первыми весенними цветами. Работники музея тщательно ухаживают за садом и очень гордятся тем, что им удалось сохранить его таким, каким он был при жизни писателя.

Фото Г. Розова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 05.04.82. Подписано к печати 20.04.82. А 00357. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1055. Заказ № 2185.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Они шагают СШАг за СШАгом —
Под звездно-полосатым флагом...

Стихи Сергея МИХАЛКОВА

Рисунок Марка АБРАМОВА

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663